

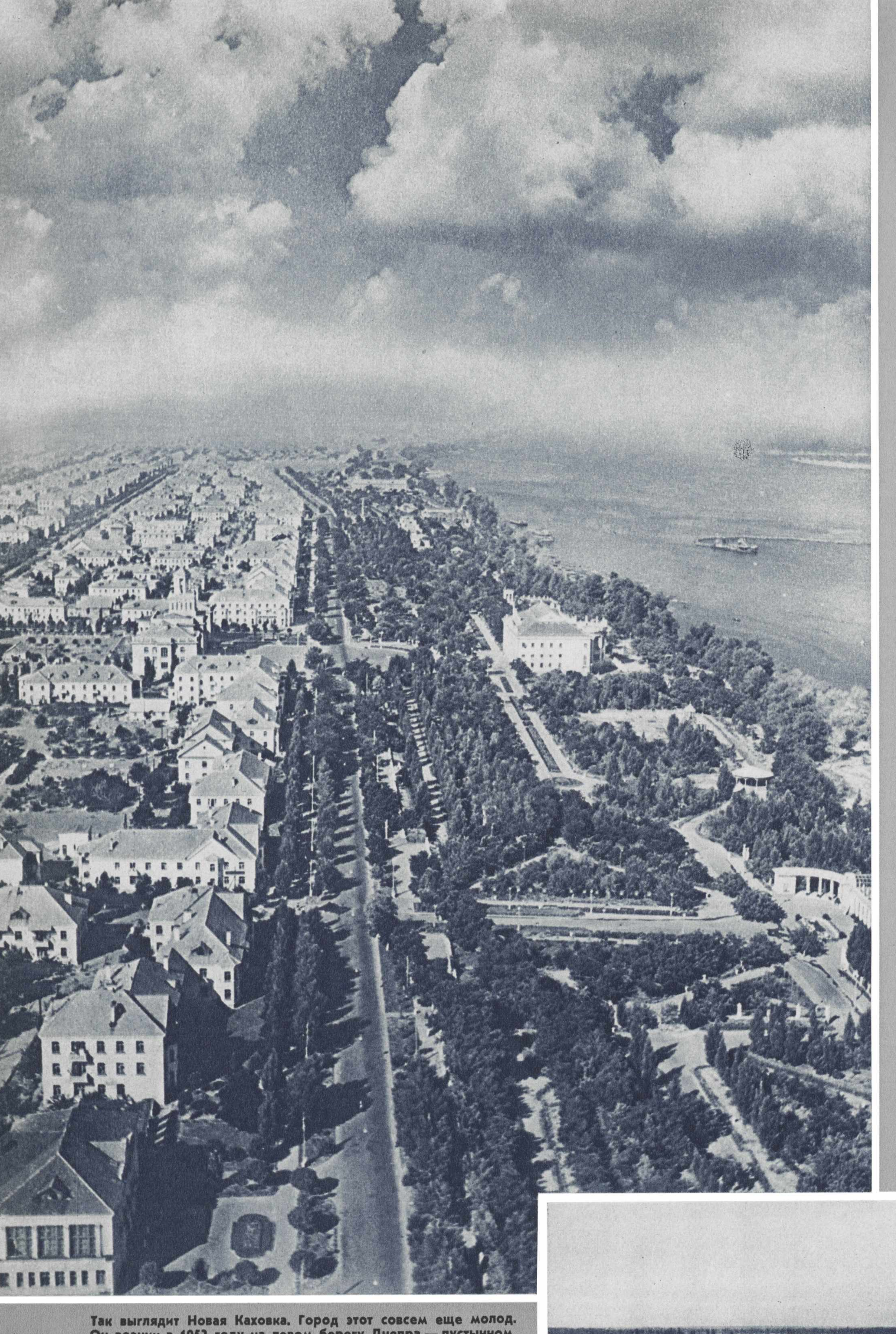
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки: ХЛЕБ КАЗАХСТАНА. Раздельная уборка на полях Самарского зерносовхоза, Акмолинской области.

Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: Чили. Пальмы и сосны.

Фото А. Софронова.

Так выглядит Новая Каховка. Город этот совсем еще молод. Он возник в 1952 году на левом берегу Днепра — пустынном, безжизненном (фото внизу).

Фото Е. Халдея.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 38 (1631) 14 СЕНТЯБРЯ 1958 36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Встретим XXI съезд КПСС новыми трудовыми победами!

Есть дни, которым суждено вечно сверкать в летописи государств и народов. Таким станет и 27 января 1959 года. В этот день — так решил пленум Центрального Комитета КПСС — в Москве откроется Двадцать первый съезд партии.

Внеочередной съезд! В повестке дня вопрос чрезвычайной государственной важности — контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Докладчик — Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

В строю, на трудовом марше встретил народ весть о предстоящем созыве партийного съезда. И на митинги люди сошлись, разгоряченные работой: они только что отошли от домен, вышли из лав, сошли с мостиков степных кораблей. Сошлись — и вновь на весь мир раздались весомые, твердые, звонкие слова советского трудового человека:

— Думы партии — наши думы! Планы партии — наши планы! Дело партии — наше дело!

Тезисы доклада еще не опубликованы, но народ знает, в чем смысл нового, семилетнего плана развития народного хозяйства страны. Народу известна цель нашего стремительного движения вперед. Эта цель — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Эта цель — претворить в жизнь великую идею нашего века — Коммунизм.

Саженьи шаги Советского государства волнуют все человечество. Ликуют друзья. Беснуются враги. А советский народ, на веки вечные сроднившийся со своим мудрым учителем — Коммунистической партией,— с новым вдохновением продолжает строительную работу. И звучит над страной могучий клич рабочих людей:

— Встретим Двадцать первый съезд родной Коммунистической партии новыми трудовыми победами!

— Добудем больше угля, выплавим больше стали, соберем больше хлеба, чтобы еще богаче стала жизнь советских людей, чтобы еще могущественнее стало наше Отечество — свет и надежда всех честных людей, страж и защитник мира на земле!

Вместе со всей страной коллектив 1-го Московского автогенного завода обсуждает решения пленума ЦК КПСС о созыве внеочередного XXI съезда партии.
На снимке: начальник цеха газосварочной аппаратуры И. В. Пахомов беседует с рабочими. Коллектив цеха решил повысить производительность труда. Включаясь в соревнование в честь XXI съезда партии, рабочие обязуются досрочно выполнить программу 1958 года.
Фото А. Новикова.

БИТВА ЗА ХЛЕБ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Ю. Немова.

Так в Казахстане повсюду. Приедешь в Акмолинскую область — и хлеборобы засыплют тебя вопросами: «Как в Кустанае, в Кокчетаве, не знаете? Убрали ли на свал?.. Сколько в среднем получают с гектара? Погодка не подкачала?»

Приезжаешь в Кустанай — и те же вопросы о соседях.

И чувствуется, что по всей республике идет большая всенародная битва за казахстанский миллиард.

...Совхоз имени Богдана Хмельницкого Кустанайской области. Только что рассвело. Потухли огни в степи. Начался день. Напряженный, полный заботы и тревог о хлебе. Полтора миллиона пудов зерна должен нынче получить совхоз.

Лида Молокова верхом выезжает в поле в ранний час. Лида маленькая, ее почти не видно на лошади, но она сидит очень ловко, держа в одной руке огромную сажень. Лида—учетчица. Каждый день утром и вечером надо измерить загоны на шестнадцати полях, успеть заполнить все учетные листки. И теперь спешит она на самое дальнее поле. Механизаторы даже не приезжали на отдых. Наверное, вздремнули полтора—два часа прямо на поле, зарывшись в солому.

Учетчица Лида Молокова.

Вот уже и Афанасий Иванович Поляков, полевод третьего отделения, едет поглядеть валки, скошенные за ночь. Ох, и беспокойный он человек!

— Доброе утро, Афанасий Иванович!

— Да кабы доброе, то хорошо... Вот из «гнилого угла» тучи наступают.

Лида вспомнила, как нынче в посевную ждали дождя, радовались каждому облачку, а солнце слепило глаза. Афанасий Иванович чуть ли не со стоном ходил по полям, а потом смеялся, как ребенок, когда на ладонь его упали первые капли дождя...

— Хорошо, что все уже убрали на свал, — говорит Поляков. — Только на втором отделении еще косят. Вон агрегат Жени Снитко отсюда виден. Сегодня кончают, перейдут на подборку.

— Ну да, он с подборкой не задержит, агрегат-то у него особенный, — говорит Лида.

А Женя Снитко тем временем стоит на мостике рядом со своим штурвальным, московским студентом Валерием Ивановым, и не догадывается, что кто-то называет его агрегат особенным. Но хорошо памятно Жене, как мастерил он этот свой агрегат.

Перед самой уборкой пришел Снитко к директору совхоза Оводову.

— Евгений Иванович, все-таки не зря я на курсах комбайнеров учился, дайте комбайн.

— А радиостанция как же? Ты ведь старший радист.

— Радистом Виктор Тельбис остался, да и я помогать ему буду.

— Ну, что же, бери новый «РСМ-8» с прицепом.

— Дайте самоходный.

— С чего это вдруг такое желание? Сколько ты на нем скосишь? Или опять что-нибудь придумал?

— Придумал. Уборка ведь раздельная. Значит, при косьбе двигатель самоходного комбайна работает не в полную меру своих возможностей. Верно? А я за счет неиспользованной энергии лафетную жатку прицеплю. Да так ее отрегулирую, что валок будет ложиться на валок: потерь меньше, и подборка сократится вдвое. Вот только бы коробку передач достать.

— Дело хорошее. Действуй!

Пришлось, конечно, повозиться с этим особенным агрегатом, но зато, когда Женя вышел в поле, настал для него настоящий праздник. Недаром говорят, что слухом земля полнится. Стали приезжать механизаторы, несмотря на горячую пору, из других совхозов за опытом к комбайнеру Снитко. Ведь скосил его агрегат уже четыреста гектаров вместо двухсот сорока по норме. Вот уже и переходящий вымпел получили.

А сегодня они должны поднажать. Уже все комбайны в степи на подборке. Время не ждет. Хотя хлеб и скошен, но все-таки еще на поле. Главное, не было бы дождя. Идут на элеватор машины, наполненные хлебом, круглые сутки работают тока. И кажется, что день и ночь степь разговаривает на разные голоса. Битва за хлеб продолжается.

Комбайнер Женя Снитко (справа) и студент Валерий Иванов.

МЫ ВЫПОЛНИМ СВОЙ ДОЛГ

Американские империалисты начали преступную военную провокацию против Китайской Народной Республики. Мальбруки, окопавшиеся на Тайване, похваляются, что «сметут» Народно-освободительную армию КНР.

Ни один советский человек не может оставаться спокойным, услышав подобные вести! Не могу молчать и я, человек, который хорошо знает, что такое война. В Отечественную войну я был летчиком-истребителем Северного флота, перенес четыре ранения, война отняла у меня отца, брата-летчика... Тогда США были нашими союзниками в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом. Нам, летчикам-истребителям, приходилось защищать американские суда от вражеских налетов, за что некоторых из нас президент США отметил наградами. В частности, и мне был вручен американский орден «Морской крест»...

И вот теперь вторгшиеся в государственные воды Китая корабли американского седьмого флота грозят войной нашему великому брату — китайскому народу. Эта авантюра с самого начала обречена на позорный провал!

Совсем недавно я около полугода пробыл в великом народном Китае. Я видел жизнь многих провинций, встречал множество людей, которые лишь девять лет назад освободились от векового рабства и отсталости, а ныне превращают свою родину в цветущий сад, в страну передовой индустрии. Китайский народ строит многокилометровые каналы и гигантские искусственные водохранилища, прокладывает через горы и пустыни автомобильные и железные дороги, воздвигает новые города, заводы, школы, театры, больницы.

Я увидел небывалый расцвет национальной культуры Китая, его искусства, литературы, ощутил дружбу, как цемент, соединившую весь народ Китая в одну монолитную семью.

Китайский народ трудится не для войны и захватов, а для мира и дружбы со всеми народами. Его мирный труд надежно охраняет Народно-освободительная армия, прекрасно обученная, дисциплинированная, оснащенная современной техникой. Мне пришлось беседовать с военными летчиками Китайской Народной Республики, видеть их полеты. Могу сказать, как специалист: они прекрасно овладели современными реактивными самолетами. У них есть, чем защищать священные рубежи родной земли.

С помощью предателя китайского народа Чан Кай-ши американские империалисты оккупировали исконную китайскую землю — остров Тайвань и прибрежные острова, используя их как плацдарм для военных провокаций и подрывной деятельности против Китайской Народной Республики. Я сам в начале этого года присутствовал на суде, который вынес суровый и справедливый приговор шпионам-диверсантам и убийцам, переброшенным с Тайваня в район города Ланьчжоу.

Я убежден: не простые люди Америки хотят войны с народом Китая. Я читал в нашей прессе выдержку из редакционной статьи детройтской газеты «Фрипресс», которая писала: «Мы очень сомневаемся, что из миллиона американцев хотя бы один хотел воевать из-за Формозы». Не сомневаюсь, что так думают и те простые американцы, которые совместно с нами дрались против общего врага — фашизма. Так думают и те моряки, которые приходили на кораблях из далекой Америки к нашим берегам во время войны, и среди них мой коллега капитан Фэлт — летчик военно-морского флота США, отец двух детей. Разве нужна ему война с миролюбивым Китаем, разве хочет он мировой атомной катастрофы, гибели своих детей?

Ну, а те немногие, кто думает иначе, кто упрямо ставит человечество на грань войны, кому военные прибыли важнее жизни миллионов людей,— пусть не думают, что это сойдет им безнаказанно. Китайский народ — родной брат и союзник великого советского народа. Кто нападает на него,— нападает на нас. А мы, советские люди, привыкли выполнять свой долг.

Сергей КУРЗЕНКОВ,
Герой Советского Союза.

Решимость шестисот миллионов

Провокации американских империалистов в районе Тайваня вызвали гневную отповедь всего китайского народа. Сплоченный воедино, как никогда, он продемонстрировал непреклонную решимость не допустить вмешательства империалистов США в дело освобождения островов Цзиньмыньдао и Мацзудао, решимость разгромить агрессоров, отстоять суверенитет и территориальную целостность родины. Прокатившиеся по всей стране народные манифестации еще раз показали всему миру тщетность шантажа империалистов. Великий Китай не запугать! Неисчислимы его силы, его людские и материальные ресурсы, рядом с ним — великий друг и союзник Советский Союз.

На снимке вверху: более миллиона человек собралось 7 сентября на площади Тяньаньмынь и прилегающем к ней участке улицы Чананьцзэ. Еще два миллиона демонстрантов разместились на соседних улицах.

→ В ответ на провокационные артиллерийские налеты чанкайшистов 8 сентября артиллерия Народно-освободительной армии нанесла мощный удар по чанкайшистским войскам на острове Цзиньмыньдао.

— Обязательно освободим Тайвань!
— Обязательно освободим Цзиньмыньдао!
— Обязательно освободим Мацзудао! — клянутся бойцы Народно-освободительной армии Китая.

Народные ополченцы выражают решимость отомстить за кровь, пролитую гоминдановскими бандитами.

ЗАПРОСЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Интервью «Огонька»

А. ХВОРОСТУХИН,

первый секретарь Тульского обкома КПСС

Как партийная организация области работает над улучшением бытового обслуживания населения? С таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился к первому секретарю Тульского обкома КПСС Алексею Ивановичу Хворостухину. Вот что он рассказал.

Недавно в Одоевском районе я разговаривал на молочнотоварной ферме с колхозницами. Речь шла о надоях молока, кормах, животноводческих помещениях. Вдруг одна доярка заметила:

— Я хотела трикотажную блузку купить, шелковую. А таких нет у нас в сельмаге. К нам почему-то все, что подешевле, везут...

Неожиданная реплика не случайна. Года три назад совсем другие нехватки удручали здесь колхозниц. А теперь, когда колхозы кругом окрепли, достатка стало побольше, люди думают, так сказать, уже не только о хлебе насущном, а хотят хорошо одеваться, жить лучше и лучше. Но спрос на промтовары пока опережает их производство. Разрыв этот временный. Советская экономика достигла такого могущества, которое позволяет небывалыми темпами повышать благосостояние народа, притом без ущерба для дальнейшего интенсивного развития тяжелой индустрии.

Опираясь на мощь тяжелой индустрии, мы в силах гораздо полнее прежнего удовлетворять и бытовые запросы населения. Решения партии и правительства, принятые за последнее время, открывают в этом отношении все новые возможности. А чем шире возможности, тем большие усилия требуются от местных партийных органов: ведь успех дела в значительной мере зависит от их организаторской деятельности.

Нельзя сказать, что все партийные работники до конца поняли это. Конечно, сейчас не найти такого секретаря райкома партии, который бы напрямик отрезал: «Незачем мне возиться с бытовым обслуживанием, на то есть исполкомы, коммунальные предприятия, местная промышленность, промкооперация». А в действительности порой именно так получается и даже не обходится без курьезов. В районном центре Чернь затягивалось сооружение водопровода. Работники облисполкома обратились в райком партии. Произошел примерно такой разговор:

Облисполком. Помогите, пожалуйста, ускорить пуск водопровода.

Райком. Не превращайте нас в коммунальников, мы подменять их не намерены.

Облисполком. И мы так считаем: подменять никого не следует, но нужно укрепить кадры, правильно расставить коммунистов, особенно в отстающих звеньях. Помогите, и жители райцентра вам же спасибо скажут.

Райком. Водопровод строите вы, улаживайте все сами, и пусть спасибо скажут вам!

Разумеется, необходимо, чтобы исполкомы проявляли как можно больше самостоятельности и инициативы в работе, повседневно привлекали к решению своих задач депутатов, усиливали связи с массами трудящихся — в этом неиссякаемый источник энергии для преодоления трудностей. Но коль скоро эти трудности возникли, партийные организации не могут стоять в стороне или безучастно проходить мимо: равнодушию тут нет места.

Не изжита пока и такая помеха: «Руки не доходят». Товарковский райком партии и его первый секретарь П. А. Бродовский в последние годы правильно, целеустремленно руководят сельским хозяйством. Колхозы района поистине расцвели. Недаром в конце прошлого года тов. Бродовскому присвоили звание Героя Социалистического Труда. Но, поглощенный сельским хозяйством и промышленностью, он, пожалуй, нередко упускает из виду живого человека с его каждодневными нуждами. Единственная в Товарковском промысловая артель работает плохо, приносит одни убытки, и жалоб на нее много. А райкому все недосуг помочь промкооперации доискаться причин и устранить их: «Руки не доходят».

Правда, такая нерасторопность партийных руководителей становится исключением из правила. Более показателен ныне пример первого секретаря Белёвского райкома партии В. Г. Соловьева. Партийной организации района тоже пришлось одолевать серьезные недостатки в колхозах. Но вместе с тем райком находил и находит время, силы, чтобы повседневно интересоваться такой «прозой», как ремонт обуви, починка ведер или обжиг кирпича. Что и говорить, хлопотно вникать в суть мелких, разрозненных и к тому же поначалу малознакомых видов производства. Зато хлопоты окупаются сторицей.

Белёвский промкомбинат очень отставал. Райком партии счел нужным досконально изучить и дважды обсудить его работу. Промкомбинатские горести обсуждались страстно, квалифицированно, всесторонне. И райком сумел подсказать исполкому, как поставить промкомбинат на ноги. Он стал рентабельным и дает жилищному строительству немало кирпича, шлакоблоков, извести, изготовляют тут также и мебель.

В городе негде было шить одежду на заказ. Не ездить же каждый раз в Тулу! Райком партии вмешался и здесь. В чем задержка? Почему пассивны коммунисты в промысловых артелях? Больше требовать с них нужно. Есть, оказывается, предложения, которые нетрудно осуществить. И вот уже открываются новые мастерские, а старые расширяются, начинают работать лучше прежнего.

Наиболее ценный опыт накопила партийная организация областного центра. Поговорите с первым секретарем Тульского горкома КПСС Н. П. Малыгиным, и он расскажет, что еще года два назад ко всяким прорехам в деятельности предприятий, обслуживающих население, тут относились с удивительной терпимостью. Теперь не то.

Стоит отметить характерный штрих. Известно, как важно на любом заводе, на любой фабрике выполнение плана по номенклатуре, по видам продукции. Но к предприятиям, связанным с бытом человека, таких требований всерьез не предъявляли. Считали так: финансовый план выполняется, прибыль есть — все в порядке. Присмотревшись повнимательней, горком убедился, что там, где речь идет о быте трудящихся, менее всего допустимо ориентироваться на одни лишь валовые показатели. Скажем, на починке ботинок, белья или примусов легких прибылей не добьешься. А предприятия порой искали что-нибудь повыгоднее, пренебрегая насущными нуждами горожан, лишь бы прибыль большую получить. После вмешательства горкома делягам стало худо. Исполком и промкооперация начали строго планировать работу по номенклатуре, по тем видам бытовых услуг, которые всего важнее для населения. И вот результаты: в прошлом году бытовые предприятия Тулы впервые выполнили план по всем показателям.

Активно руководит горком жилищным строительством. Партийная организация Тулы привила вкус к этому делу и таким предприятиям, учреждениям, которые недавно очень робко брались за строительство собственными силами. А в прошлом году уже свыше пяти тысяч туляков участвовало в строительстве жилищ для себя. Горком поддержал весьма полезную инициативу: предварительное распределение жилплощади. Теперь каждый, кому предстоит ее получить, знает наперед, когда и в какой именно дом он вселится. Благодаря этому, кстати, стала популярной новая форма помощи трудящихся жилищному строительству. Будущих новоселов, которые сами непосредственно в строительстве не участвуют, привлекают к вспомогательным работам. Им говорят: «Ваш дом готов, хотите скорее вселиться в новую квартиру, приходите, пожалуйста, убирать двор, мыть полы и окна».

Все охотно отзываются на такое приглашение.

Очень важно, что систематически укрепляются кадры на участках, связанных с бытом населения, в первую очередь в исполкомах. Сюда приходят знающие люди, которые обладают организаторскими способностями и имеют большой опыт работы в массах. Так, заместителем председателя Тульского горсовета избран И. П. Борисов, бывший секретарь райкома партии. Техник-технолог, ставший с сорок седьмого года партийным работником, он не сразу нашел себя в горсовете: решения созревали у него слишком медленно, к тому же он любил подолгу разъяснять, убеждать и в таких случаях, когда нужно безотлагательно действовать. Уже поговаривали, будто ему не справиться с новыми обязанностями.

Новые жилые кварталы в Туле.
Фото Б. Вдовенко.

Однако такой вывод оказался скоропалительным. Как раз товарищу Борисову привелось с помощью горкома партии руководить перестройкой, оздоровлением бытовых предприятий, и в небольшой срок сделано много полезного.

Обновляется руководство предприятий и промысловых артелей. В ряде случаев сущей находкой оказались офицеры, вышедшие в запас или отставку. В городах и районных центрах есть представители интеллигенции, главным образом агрономы и педагоги, оторвавшиеся по разным житейским причинам от своей специальности. Иногда привлекают и их к руководству бытовым обслуживанием населения, что полностью себя оправдывает.

Благодаря активизации исполкомов и помощи партийных организаций в бытовом обслуживании населения появилось немало нового. По давней традиции бытовые предприятия Тулы все еще тяготеют к центральным районам. Теперь эти предприятия и особенно их приемные пункты приближаются к окраинам, к поселкам, недавно включенным в черту города. Но предстоит и дальше решительно «менять географию» — перешагнуть городские границы, чтобы заботливее обслуживать и села.

В Москве, Ленинграде, во всех крупных городах страны давно налажен ремонт бытовой техники. Мы же долгое время отставали. Теперь и у нас организован ремонт холодильников, стиральных машин, пылесосов, а также колясок для инвалидов. Создаются пункты проката предметов домашнего обихода.

Здания ряда предприятий местной промышленности и промкооперации не строились специально, а приспосабливались, да еще и наспех порой. Исполкомы и промкооперация взяли курс на то, чтобы львиная доля капиталовложений шла на новые предприятия, создаваемые по последнему слову техники. Так, в городах и районных центрах области построено шесть комбинатов бытового обслуживания. В ближайшие два с половиной года откроют еще восемнадцать таких комбинатов.

Более рационально, чем прежде, используются местные ресурсы, лучше учитываются местные особенности. Некоторые города расположены у нас близко друг от друга. Поэтому в каждом из них нет смысла сооружать, скажем, свою фабрику химчистки. Крупная такая фабрика, пущенная недавно в Туле, будет обслуживать и соседние города, где создаются приемные пункты.

У нас несколько изменен профиль областного топливного управления. Кроме заготовок топлива, ему поручено делать мебель. Производство ее — в первую очередь для сельского населения — налаживается прямо в лесу, при леспромхозах.

Лучше стало с благоустройством и озеленением городов, в значительной мере благодаря помощи трудящихся, особенно молодежи. Впереди идут туляки: на каждого из них ныне приходится двенадцать квадратных метров зеленых насаждений общего пользования. Это, кстати, в три раза больше, чем в хорошо озелененном Лондоне.

Сделаны, конечно, только первые шаги. И слабых позиций на бытовом фронте, недостатков тут еще много. Для устранения их мы и дальше будем развивать местную инициативу.

Но не все зависит от нас. Остро дают себя знать просчеты республиканских организаций, и прежде всего Госплана РСФСР и подчиненных ему снабженческих главков, контор.

Вот характерный пример. Известно, как велика в быту и строительстве потребность в дверных ручках, замках, оконных шпингалетах и тому подобных скобяных изделиях. Туляки, потомственные мастера «скобянки», занимались ею еще до того, как Левша блоху подковал. Но они испытывают ныне постоянную нужду в металле. Плановики из центра утверждают: «Не хватает ресурсов». Между тем Тулу атакуют чуть ли не два десятка совнархозов, добиваясь, чтобы им изготовляли «скобянку» из их же металла. Зачем же дали этот металл тем, у кого нет производственной базы, нужных кадров? По той же причине работает с перебоями и другое традиционное тульское производство — поделка мебельной фурнитуры. Не только с металлом напутали. Из рук вон плохо поставлено снабжение лесом для мебели, стеклом для зеркал. Уж до того «спланировали», что тканей, ниток и пуговиц для ремонта одежды оказалось в обрез.

Обращает на себя внимание и такое явление (оно характерно для многих областей страны): несмотря на нехватки, предприятия, как правило, все же выполняют план. Недостающие материалы и сырье они находят, надо полагать, не в космическом пространстве. Значит, опять же ресурсы имеются, но неразумно распределяются. А добывание этих ресурсов поглощает у иных хозяйственников добрую половину времени. Притом иные из них, нечего греха таить, ради выполнения плана идут на сделки с собственной совестью, на комбинации сомнительного свойства.

Могут сказать: все это встречается и на предприятиях ведущих отраслей промышленности. Верно. Однако предприятия эти снабжаются лучше, да и директору крупного завода легче добиться всего необходимого через совнархоз. А как быть заведующему небольшой пошивочной мастерской, если вместе с костюмными тканями синего цвета ему все шлют и шлют одни лишь серые пуговицы? Как быть директору районного промкомбината, где из-за отсутствия стекла шифоньеры зияют пустыми проемами для зеркал? В центральные учреждения эти руководители не вхожи, совнархоз не опекает их. И коли нечистое махинаторство им не по нутру, в мастерской висят готовые костюмы, которые нельзя выдать заказчикам: нет пуговиц, или в продаже появляются шифоньеры с зеркалами из... оконного стекла.

Короче говоря, за нечеткость планирования и снабжения часто расплачивается население.

...Какие бы задачи ни решала наша партия, ее главной заботой была и остается забота о человеке, его благе, его растущих запросах. Больше чуткости к этим запросам населения, больше активности в их удовлетворении ждет от нас партия.

5 сентября в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» видному японскому общественному деятелю, председателю Всеяпонского совета по запрещению атомного и водородного оружия профессору Каору Ясуи.

Председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын отметил выдающиеся заслуги профессора Каору Ясуи в борьбе за мир. Почти 40 миллионов подписей, собранных в Японии за прекращение испытаний и за запрещение ядерного оружия, свидетельствуют о всенародном характере возглавляемого им движения.

КАОРУ ЯСУИ: «НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР»

Корреспондент «Огонька» побывал у лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», известного японского ученого, декана факультета права Токийского университета «Хосэй» профессора Каору Ясуи и попросил его высказать читателям «Огонька» свое мнение по поводу угрожающей миру ситуации на Дальнем Востоке.

— В настоящее время,— сказал Каору Ясуи,— агрессивные круги Соединенных Штатов особенно усилили подготовку к войне с применением атомного и водородного оружия. Это проявляется в разных районах земного шара: в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии. Вооружение атомным оружием Западной Германии — одно из проявлений этой политики. На Ближнем Востоке агрессивная политика ярко проявилась в «доктрине Даллеса — Эйзенхауэра». А интервенция в Ливане ясно показала, что сейчас американцы перешли к прямым агрессивным действиям, чтобы получить плацдармы и базы для атомной войны.

Теперь начался кризис на Дальнем Востоке, Тайвань превратился в очаг войны, опасный для дела мира район.

Американцы все время расширяют и реконструируют для ведения атомной войны свою базу на острове Окинава. Военные базы, расположенные на территории Японии, тоже превращаются в очаги атомной агрессии. В японские порты часто заходят американские суда с грузом ядерного оружия. Все это говорит о том, что американцы стали активно ввозить атомное оружие во многие районы мира, в том числе в Японию.

Сейчас,— продолжает профессор,— разрабатываются планы создания нового военного блока на Дальнем Востоке — НЕАТО,— в который предполагается включить Японию, Тайвань и Южную Корею. Для чего понадобился этот военный блок? Разумеется, чтоб превратить эти страны в базы ядерного оружия для агрессии против Китайской Народной Республики.

Все эти факты, по моему мнению, дают ключ к пониманию событий в Тайваньском проливе. Американцы хотят закрепиться на прибрежных островах, принадлежащих Китаю, чтобы создать там удобные плацдармы для нападения на континент. Я слышал, что американские войска сейчас с Окинавы и с Японии перебрасываются на Тайвань. Там концентрируются большие военные силы, которые пытаются расширить свою агрессию на прибрежные китайские острова.

Какую позицию должны сейчас занять мы, сторонники мира, люди доброй воли всей земли? — спрашивает Каору Ясуи и отвечает: — Мы должны принять все меры, чтобы не допустить возникновения военных действий, пресечь провокации агрессоров. Но, кроме этого, нужно добиться решения главной, кардинальной проблемы на Дальнем Востоке. Я имею в виду вопрос о признании всеми странами правительства Китайской Народной Республики как единственного законного правительства китайского народа и предоставления ему должного места в Организации Объединенных Наций.

С точки зрения международного права абсурдно рассматривать правителей Тайваня как правительство такого великого народа. У себя в Японии мы боремся за то, чтобы наше правительство установило нормальные дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой — единственной законной властью в стране, которую горячо поддерживает весь китайский народ.

Далее профессор рассказал о своем посещении Института права Академии наук СССР, о своих беседах с советскими юристами.

— Я и мои советские коллеги,— говорит Каору Ясуи,— единодушны в том, что КНР должна занять по праву принадлежащее ей место в Организации Объединенных Наций. Признание Китайской Народной Республики всеми странами, в том числе США и Японией, а также участие великого китайского народа в деятельности ООН положит конец опасной напряженности в районе Тайваня. За решение этих проблем в Японии выступают широкие массы народа. Я твердо верю, что этот могущественный голос масс заставит японское правительство изменить свою политику в отношении КНР. Мы за это боремся и будем продолжать бороться до конца.

Профессор Ясуи рассказывает далее, что на последней конференции за запрещение атомного и водородного оружия в Токио вопрос о Тайване как источнике международной напряженности был выделен особо. У японского народа вызывает глубокое беспокойство этот очаг войны. Сейчас все делегаты конгресса разъясняют массам, какие совместные действия нужно предпринять, чтобы решить вопрос о Тайване.

— Когда я вернусь в Токио,— говорит профессор,— соберется исполнительный комитет конгресса, который подведет итоги этой работы. По всей Японии будут проведены массовые митинги и демонстрации народа за ликвидацию напряженности на Дальнем Востоке, за запрещение ядерного оружия. Я верю в массы и не сомневаюсь, что народ вынудит японское правительство пересмотреть свою политику в отношении Китайской Народной Республики и Тайваня. Я верю, что народы всего земного шара сумеют отстоять мир и справедливость.

ДУМЫ об океане

Владимир ОРЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

На широком панно, занимающем целую стену в помещении термоядерного сектора советского отдела Международной выставки по использованию атомной энергии в мирных целях, белогривый вал океанского прибоя набегает на берега. И сложные, таинственного вида приборы, демонстрируемые здесь, кажутся стоящими на подступах к океану. Знаменательное соседство!

Бесполезно обращаться даже к древней мифологии, чтобы выразить в величественной аллегории грандиозность подвига, на который поднялись современные ученые, создавая эти приборы. На столь дерзкие свершения не решались идти всемогущие герои и боги. Даже пылкая народная фантазия, породившая ковер-самолет и перо жар-птицы, как бы прекращает здесь свое парение, чтобы создать насмешливую басню о синице, пытавшейся зажечь море, — ироническую притчу в осуждение искателей невозможного.

Но неблагодарен удел того, кто посмел усомниться в безграничных возможностях человечества.

Гениальный сатирик Свифт решил посмеяться над учеными и заставил своего Гулливера описать Лагадинскую академию наук. Утонченно-язвительным пером набросал он портретную галерею абстрактных фантазеров, повернувшихся затылком к жизни. Он трунил над безумцем, вознамерившимся извлечь из зеленого огурца солнечный луч, потешался над кружком чудаков, суетившихся вокруг логической машины, издевался над мечтателем, пожелавшим обратить лед в порох.

А наука в ответ жестоко посмеялась над Свифтом. Ход событий, диалектика жизни таковы, что несбыточное становится возможным, несуразное — целесообразным, непрактичное — практичным, фантастическое — реальным.

И, явись сегодня Свифт, опираясь на плечо своего Гулливера, в павильон атомной выставки, он в смущении убедился бы в том, что немалое число научных проблем, осмеянных пером сатирика, стали ныне центральными научными проблемами века. Он узнал бы последователей ученого, извлекавшего из огурца солнечный луч, среди целой плеяды исследователей фотосинтеза, которые при помощи «меченых атомов» изучают процессы накопления в растениях энергии света; он увидел бы толпу благодарных ученых у громадных электронных математических машин. Он нашел бы, возможно, и людей, научившихся лед превращать в порох... Ну, конечно, мы имеем в виду водородную бомбу, термоядерную реакцию, протекающую в виде взрыва.

Апокалипсический взрыв водородной бомбы, равносильный одновременному взрыву миллионов тонн обычной взрывчатки, возвестил о том, что реакция ядерного синтеза впервые осуществлена человеком на Земле. В водородной бомбе были созданы условия для слияния атомов водорода, «алхимического» превращения их в гелий. В результате так называемой термоядерной реакции гигантские запасы энергии, дремлющие в недрах водорода, в изобилии содержащегося в воде, пробудились как бы в исполинском вздохе.

Это было достижением советских ученых и инженеров. Но не их инициатива в том, что пришлось поторопиться с этим делом. Слишком долго уж стращали американцы человечество призраком водородной бомбы — этим современным ликом Медузы. Не они ли создали обстановку, при которой советским людям поневоле пришлось поднажать и построить водородную бомбу раньше, чем в Америке?

Благородный гуманизм советской науки заключается в том, что от этого своего достижения она с радостью готова отказаться. Вместе со всем прогрессивным человечеством советские ученые борются за запрещение атомного и термоядерного оружия.

С трибуны XX съезда КПСС академик И. В. Курчатов призвал ученых мира, в том числе и ученых США, совместно работать над мирным применением термоядерных реакций, научиться так управлять ими, чтобы избежать взрыва. И тогда человечество сможет извлечь горючее из вод океана, неисчерпаемый океан энергии откроется перед людьми. Забота об энергии будет снята с человечества раз и навсегда.

Свой призыв советские ученые подкрепили конкретными делами. В 1956 году, выступая на аэродроме по возвращении из поездки в Англию, академик И. В. Курчатов благодарил партию и правительство за заботу о развитии советской науки: «С разрешения партии и правительства я доложил на заседании английских физиков о некоторых работах Академии наук СССР по управляемым термоядерным реакциям. Я счастлив тем, что правительство моей страны проявило благородную инициативу и первым в мире решило снять секретность с этих работ».

Советские ученые первыми с открытым сердцем протянули руку зарубежным деятелям науки, приглашая их к совместной благороднейшей работе по мирному использованию управляемых термоядерных реакций. Вторая Международная конференция по применению атомной энергии в мирных целях в Женеве показала, что этот призыв не остался без ответа.

Как известно, руководитель советской делегации на этой конференции член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов передал зарубежным ученым четыре тома еще не опубликованных советских научных работ, произведенных в Институте атомной энергии Академии наук СССР и озаглавленных «Физика плазмы и проблема управляемых термоядерных реакций». Научная общественность всего мира и многочисленная пресса дали восторженную оценку исключительно важным сообщениям, сделанным в советских докладах на конференции. Обстоятельно изложили свои работы в этой области американские, английские, немецкие и шведские ученые. То, что хранилось совсем недавно за броней несгораемых сейфов, в тетрадях, опечатанных сургучом, стало достоянием ученых всех стран. Началась историческая эпоха совместной открытой работы над мирным применением управляемых термоядерных реакций, эпоха совместного движения к океану.

Обзор советских работ в этой области, сделанный академиком Л. А. Арцимовичем и зачитанный молодым физиком Е. И. Доброхотовым, доклады советских ученых В. М. Глаголева, В. Д. Шафранова, Р. З. Сагдеева, К. Д. Синельникова, Я. К. Файнберга, Б. Б. Кадомцева, И. Н. Головина, С. М. Осовца, Б. А. Трубникова, В. С. Комелькова, А. И. Ахиезера и других — все эти сообщения вызвали живую дискуссию, в которой участвовал такой виднейший теоретик, как академик М. А. Леонтович, и, по общему мнению, явились выдающимся вкладом в мировую науку. Настоящую сен-

сацию вызвала статья академика И. В. Курчатова, появившаяся в журнале «Атомная энергия» в дни конференции. Экземпляры этого номера журнала, как говорится, были нарасхват. Делегаты всех стран буквально охотились за оттисками этой статьи, изготавливали друг для друга ее фотокопии и переводы.

До недавних лет атомная энергия получалась лишь в результате деления в ядерных реакторах тяжелых ядер урана и тория. Драматическая коллизия развития атомной энергетики заключается в том, что запасы тяжелых элементов на Земле не так уж велики. Если всю энергетику земного шара перевести на уран и торий, то запасы иссякнут за два века. Добавим, что в этот же срок, вероятно, исчерпаются резервы угля и нефти.

Но, может быть, не менее острой является проблема удаления отходов—радиоактивных осколков разбитых ядер тяжелых элементов. По свидетельству одного из американских ученых, если бы все потребности США в энергии удовлетворялись за счет ядерных реакторов, то пришлось бы решить задачу удаления такого количества радиоактивных продуктов деления, которое эквивалентно отравляющему действию взрывов 200 тысяч атомных бомб; к 2000 году количество радиоактивных отходов было бы эквивалентно взрыву 8 миллионов атомных бомб в год.

Многочисленные доклады ученых на конференции свидетельствуют, что проблема удаления радиоактивных твердых остатков и газов в наступающем атомном веке станет вскоре первоочередной. Словно гоголевские мертвецы, захороненные радиоактивные отходы имеют обыкновение вставать из своих могил.

Вот один очень яркий пример, характеризующий возникающие затруднения.

В Мировом океане существует 19 подводных впадин, по глубине превышающих 7 километров. В эти мрачные пропасти предлагалось сбрасывать контейнеры с отходами, образуя глубоководные кладбища радиоактивных изотопов. Полагали, что глубинные водные массы во впадинах неподвижны и что радиоактивные вещества, растворенные в этой мертвой воде, не будут выноситься на поверхность.

Но советские ученые В. Богоров и Е. Крепс показали, сколь опасны и сомнительны эти проекты, тем самым серьезно предупредив человечество. Советские океанографы на судне «Витязь» исследовали в Тихом океане 12 глубоководных впадин. Отважные океанографы изучили не только рельеф впадин, но и тонкости физических, химических и биологических процессов внутри них. Определили проветриваемость вод кислородом, окисление грунта, распределение жизни в толще воды. И по ряду этих прямых и косвенных данных пришли к грозному выводу, что воды в глубинах впадин находятся в непрерывном движении, что любой, захороненный здесь «радиоактивный мертвец» неминуемо встанет из своей глубоководной могилы и пойдет разгуливать по свету.

Освоение управляемых термоядерных реакций разрубает одним ударом упомянутые выше затруднения. Человечество сможет использовать колоссальные запасы водорода в океане в качестве ядерного топлива. И в термоядерных реакторах почти не будет образовываться вредных радиоактивных веществ. (За исключением, быть может, наведенной радиоактивности конструкционных материалов реакторов и их защиты.)

В термоядерных реакторах будет сжигаться тяжелый водород (дейтерий и тритий). Главное значение в будущем приобретут термоядерные реакторы, работающие на одном лишь чистом дейтерии. Может показаться, что дейтерий — слишком редкая разновидность водорода, ведь на каждые 6 тысяч ядер обычного водорода приходится лишь одно ядро дейтерия. Но и при таком соотношении один стакан обычной воды по заключенной в нем энергии будет равноценен приблизительно 100 литрам нефти.

Академик И. В. Курчатов приводит в одной из своих статей потрясающие цифры: в ближайшие пятнадцать лет ежегодная добыча угля и нефти в нашей стране достигнет в сумме около миллиарда тонн. Только 400 тонн дейтерия потребовалось бы для замены этого количества угля и нефти! Еще двадцать лет назад это количество дейтерия могло показаться непомерно большим и труднодостижимым. Тогда со страшным трудом удавалось добывать граммы тяжелой воды, содержащей дейтерий. Теперь положение другое. У нас создано промышленное производство дейтерия. На одном из заседаний Женевской конференции советские ученые М. П. Малков, Я. Б. Зельдович и другие рассказали об одном из эффективных путей технологии производства дейтерия.

Дейтерий добывают путем перегонки жидкого водорода, получаемого, например, на химических заводах, попутно с производством аммиака. Технологический процесс ведется в температурах, приближающихся к холоду космических пространств. На одну тонну выработанного аммиака можно получить стакан тяжелой воды. Стоимость дейтерия как горючего уже сейчас составляет менее одного процента стоимости угля.

Легче всего осуществить управляемую термоядерную реакцию на смеси из равных частей дейтерия и трития. Однако трития в природе ничтожно мало. Тритий искусственно получают путем облучения металла лития нейтронами. Пока это — дорогое производство. Но советскими учеными предложен остроумный выход: ведь при работе термоядерных установок будет выделяться огромный поток нейтронов. А что, если окружить реактор оболочкой из лития? Тогда под влиянием нейтронной бомбардировки литий начнет расщепляться на тритий и гелий. В ходе работы реактор будет сам для себя готовить ядерное топливо. Более того, запасы лития будут при этом непрерывно возрастать.

Хитроумные приборы выставки, подступившие к океану,—это прототипы грядущих термоядерных реакторов. Одна из американских моделей называется «Перхэпсатрон», что в переводе значит «возможнотрон». Можно сказать, что все экспонируемые приборы в какой-то мере «возможнотроны», они с большей или меньшей убедительностью демонстрируют лишь принципиальную возможность построения термоядерного реактора. Они так же относятся к своему грядущему потомку, как старинный эолипил Герона — к современной паровой турбине, как сегнерово колесо — к современному гидравлическому двигателю, как магнитные подковки и катушки Фарадея — к современному электрогенератору, как грозоотметчик Попова — к современной радиостанции.

Поразительно принципиальное сходство приборов, построенных антиподами на разных концах Земли, за семью замками лабораторий, в обстановке глубочайшей секретности. И наивно полагать, что ученым удалось разгадать секреты друг друга. Они просто пытались проникнуть в одну общую тайну — великую тайну природы. Они порознь вели единоборство с природой и держались единственно возможной тактики: разгадать законы природы, подчиниться этим законам и тем самым подчинить природу себе. Их конечные выводы получились едиными, как едины законы природы.

Теперь стало возможным проследить перипетии мировой изобретательской и исследовательской мысли по дороге на океан.

Грандиозные успехи атомной энергетики, опирающиеся на деление тяжелых ядер, стали возможны благодаря отвлеченной работе ученых, бескорыстно изучавших сердце атома, эту крохотную каплю ядерной материи, затаившую энергию сокрушительной мощи. И мы вправе сказать, что к первому этапу атомной энергетики человечество проникло через узкие дверцы микромира.

Ко второму этапу атомной энергетики, опирающемуся на слияние легких ядер, привели бескорыстные исследования звездного неба, отвлеченные достижения астрофизики, изучающей жизнь колоссальных космических тел Вселенной. Человечество идет к термоядерной энергетике сквозь широкие ворота макромира. В кулуарах конференции шутят, что идеи термоядерной энергетики буквально свалились с небес. И в этом еще одна разгадка их единства. Ведь над русскими, англичанами, американцами — одно и то же небо.

Термоядерные реакции потому и называются так, что происходят при очень высоких температурах. При таких температурах материя, вещество, образует первозданный хаос из мятущихся электронов и голых атомных ядер, с которых совлечены электронные оболочки. Из подобного материала построены Солнце, звезды, туманности. Это состояние вещества называется плазмой.

Плазма очень подвижна и живет своей сложной, прихотливой жизнью. Электрические заряды привносят в ее движение свои склонности и антипатии, а течения, вихри и струи плазмы обладают капризными свойствами намагниченных током проводников.

Поведением плазмы занимается теоретическая наука — магнитогидродинамика, младшая сестра аэрогидродинамики. Специалисты по магнитогидродинамике гордятся своей сложной наукой. Она шире объемлет мир, чем ее старшая сестра. Аэрогидродинамике подчиняется лишь нижняя часть атмосферы и четыре океана земного шара, а магнитогидродинамике — вся остальная Вселенная. Магнитогидродинамика — это и есть тот теоретический мост, который объединяет Крабовидную туманность, затерянную в безднах неба, и прообраз термоядерного реактора на лабораторном стенде. Уравнения ее описывают анатомию мощного электрического разряда и кипение пламенного океана на поверхности Солнца, «огненные валы» которого воспел еще Ломоносов. Она вооружает инженерную мысль возможностями небывалого величия и красоты. На протяжении многих тысячелетий истории материальной культуры люди строили свои орудия из организованной материи — камня, бронзы, железа, стекла. А теперь они могут создавать и их из первозданной материи — звездного хаоса, и человечество с надеждой взирает на этот гордый акт творения.

Магнитогидродинамика тренирует такую систему мышления, которая помогает искателям термоядерных реакторов преодолевать почти непостижимые трудности. Вот лишь одна из них.

Для того, чтобы «второй огонь», принесенный современным Прометеем с небес на Землю, смог охватить плазму, для того, чтобы плазма загорелась негаснущим ядерным пламенем, необходимо достигнуть температуры в 50 миллионов градусов. (Заметим, что это минимальная цифра для смеси дейтерия с тритием, в случае же чистого дейтерия необходимы сотни миллионов градусов.) Только при этих температурах ядра тяжелого водорода начнут метаться с такой бешеной скоростью, что смогут преодолеть могучие электрические силы взаимного отталкивания и будут во множестве сливаться в ядра гелия.

Перед создателями термоядерных реакторов возникает задача построить топку, в которой могли бы протекать процессы при столь высокой температуре.

Но ведь это невозможно! Ведь при столь невыносимом нагреве давление газов в сосуде повышается в миллионы раз, и любой, самый прочный сосуд рискует превратиться в бомбу. Впрочем, это обстоятельство нетрудно обойти. Надо лишь начинать подогревать плазму, начиная от давлений, в миллионы раз меньших, чем может выдержать хороший паровой котел. Тогда в горячем состоянии сосуд выдержит, и реактор не взорвется. В камерах будущих термоядерных реакторов тяжелый водород будет находиться в таком разреженном состоянии, как атмосфера тех высотных слоев, где летает советский спутник.

Как обезопасить стенки сосуда от жара плазмы? Но это не единственная забота. Оказывается в довершение всего, что стенки представляют для плазмы еще бо́льшую опасность, чем плазма для стенок. Вспомните, что вещество в сосуде очень разрежено. При таком разрежении даже при сверхвысоких температурах в плазме накапливается ничтожное количество тепла, немногим большее, чем нужно для того, чтобы вскипятить чашку чая. Если плазма чуть коснется стенок, она тут же охладится. Подсчитано, что достаточно одной булавочной головке металла испариться со стенок сосуда, чтобы охладить, загрязнить, «отравить» несколько железнодорожных цистерн плазмы. Как же все-таки изолировать плазму от стенок? Магнитогидродинамика

учит, что с помощью электрических токов и магнитных полей можно в принципе построить из плазмы такое образование, которое повисло бы в центре сосуда хотя бы на некоторое время и за этот срок не касалось бы стенок. Академик Курчатов в 1956 году впервые поведал миру эту идею, зародившуюся еще в 1950 году у советских академиков А. Д. Сахарова и И. Е. Тамма. Роль термоизоляции в плазме могут играть, оказывается, незримые стены магнитного поля. При электрических импульсных разрядах колоссальной силы, пропускаемых через плазму, магнитное поле стягивает плазму в узкий огненный шнур, как упругая труба с резиновыми стенками. Эксперимент показал, что в канале шнура возникают температуры порядка миллионов градусов и рождаются нейтроны — первые вестники ядерных реакций. Если создать сильное магнитное поле, то оно способно удержать под высоким давлением плазму, как стальной баллон сдерживает сжатый газ. Поле, в десятки тысяч раз превышающее силы магнитного поля Земли, ориентирующее компасную стрелку, способно противостоять давлению плазмы в сотни атмосфер. Заметим для строгости, что сравнение магнитного поля со стальным стаканом имеет ограниченный характер.

Опыты по термоизоляции плазмы в импульсном электрическом разряде, производившиеся совсем недавно в обстановке секретности и лишь немногими людьми на Земле, теперь может видеть каждый посетитель выставки.

Маленький шнур, или комочек плазмы, в сосуде очень капризен и неустойчив. Он извивается, как червяк, в нем образуются коварные перетяжки и вспучивание, он выбрасывает язычки, похожие на солнечные протуберанцы, норовящие коснуться холодных стенок.

Магнитогидродинамика помогает советским и зарубежным ученым искать более надежные незримые магнитные сосуды для плазмы, которые позволили бы сохранить ее в устойчивом и равновесном состоянии на достаточный срок.

Рассматривая множество макетов и действующих экспериментальных установок в советском, американском, английском разделах выставки, посетитель видит, как люди постепенно научаются повелевать плазмой. Посетитель старается вникнуть в сложные схемы устройств, позволяющих создавать всевозможные незримые магнитные трубки, «бутылки», резервуары в форме спасательных поясов. В них возникают на какой-то миг в большей или меньшей степени изолированные от стенок сгустки и кольца плазмы. Посетитель подолгу стоит у электрической пушки, стреляющей комочками плазмы, подгоняемыми электрической волной, и с удовлетворением наблюдает отклонение массивного маятника, отмечающего меткие попадания. Здесь демонстрируется действие на плазму электромагнитных волн, тех самых волн, которые развевают шлейфы комет в межпланетных просторах. Магнитные пробки — сгущения магнитных полей—ограничивают движение плазмы, и они же, став подвижными, теснят ее, подобно поршням дизеля, сжимающим горючую смесь. В свою очередь, плазма расширяет, двигает незримые магнитные поршни и наталкивает их на неподвижные электрические проводники. В проводниках возникает ток по законам индукции, знакомым каждому школьнику. Другие приборы раскручивают плазму, как маховик, регистрируют импульсы тока при ее торможении. Так готовится чудо прямого превращения термоядерных реакций в электрический ток. Разнообразны способы нагрева плазмы до высоких температур. Здесь и мощные импульсные электрические разряды, и высокочастотное магнитное поле, и «магнитные насосы», о которых упоминалось выше.

Любопытно, что вокруг предтечей термоядерных реакторов собрались измерительные приборы, позаимствованные главным образом из арсенала астрофизики. Инструменты, позволившие человечеству заглянуть в пылающие бездны, переделываются теперь для изучения земных лабораторных объектов. Это оптические спектроскопы и специальные радиоприемники, улавливающие в плазме радиошум, подобные тем радиотелескопам, которые подслушивают радиоголоса космических туманностей.

И тот, кто осматривает эту выставку, похожую на космогоническую мастерскую, где дерзко готовятся как бы действующие детали небесных светил, с удовлетворением и гордостью замечает, как быстро растет свобода обращения человека со звездным веществом, с таинственной плазмой. Пройдет немного лет, и не будет казаться поэтической гиперболой стихотворение Маяковского о человеке, пригласившем Солнце на чашку чая.

Три новейшие установки для исследований возможности управления термоядерными реакциями составляют центральные экспонаты выставки. Это английская «Зета», о которой подробно писала наша печать, это американский «Стелларатор» и советская «Огра». В «Стеллараторе», спроектированном американцем Спицером, плазменный шнур принимает форму овального кольца или восьмерки. Только физик-специалист может оценить все изящество структуры как бы скрученного жгутом магнитного поля «Стелларатора», предназначенного для устойчивой термоизоляции плазмы. Установка снабжена своеобразным «магнитным насосом» для дополнительного подогрева плазмы и магнитным очистителем плазмы от загрязнения.

Фотография установки «Огра», сооруженной в Институте атомной энергии Академии наук СССР под руководством И. Н. Головина, уже публиковалась в «Огоньке». Эта новая машина принадлежит к богатырской дружине гигантов советской исследовательской атомной техники. Шведский профессор Альфен восхищенно сказал, что создатели ее вдохновлялись, возможно, процессами, происходящими в Крабовидной туманности, или поэтической идеей северного сияния, которое вызывается в ионосфере прилетевшими из космоса быстрыми частицами, плененными магнитным полем Земли. Ионы дейтерия и трития, рожденные в мощном ионном источнике и ускоренные электрическими полями, впрыскиваются в обширную камеру «Огры» и пленяются здесь магнитным полем. Плазма термоизолируется здесь в незримом цилиндрическом магнитном сосуде, закупоренном по концам двумя магнитными пробками. В установке не производится постепенного нагрева холодного газа. В нее сразу впрыскиваются «горячие» частицы, ускоренные до необходимых скоростей электрическим полем, и вступают здесь в конце концов в хаотическое движение.

С помощью «Огры» советские ученые будут стремиться достичь температур в миллиард градусов при сравнительно высокой плотности плазмы. На выставке демонстрируется лишь макет «Огры», потому что вся установка с приданной ей электростанцией не поместилась бы во всем выставочном павильоне. У макета постоянно собираются посетители. Здесь можно было встретить почти всех руководителей делегаций, президента конференции Перрэна, вице-президентов англичанина Коккрофта, американца Рааби, индийца Баба, внимательно изучающих и обсуждающих «Огру».

На пленарном заседании конференции выступил «отец американской водородной бомбы» — выдающийся физик Э. Теллер. В своей речи, яркой и эмоциональной, он дал очень высокую оценку работам советских ученых, сообщил, что и американские ученые широко рассекречивают свои работы в этой области. Но в прогнозе сроков промышленного освоения управляемых термоядерных реакций доктор Теллер оказался наибольшим пессимистом. Он отнес эти сроки к началу следующего тысячелетия и закончил свое выступление призывом, озадачившим и смутившим всех: он призвал использовать в мирных целях... водородные бомбы, чтобы изменять физическую географию Земли.

Я задал доктору Теллеру немудреный журналистский вопрос: не изменится ли к худшему после этих атомных географических упражнений демография мира, то есть численность его народонаселения, под воздействием вредных термоядерных взрывов?

И большой ученый, яркий полемист, доктор Теллер не нашел успокаивающего ответа. Он сослался лишь на некую туманную «чистую» бомбу, которая станет, быть может, еще более чистой в будущем. Очень трудно отвечать на простые вопросы, когда правда жизни не на твоей стороне.

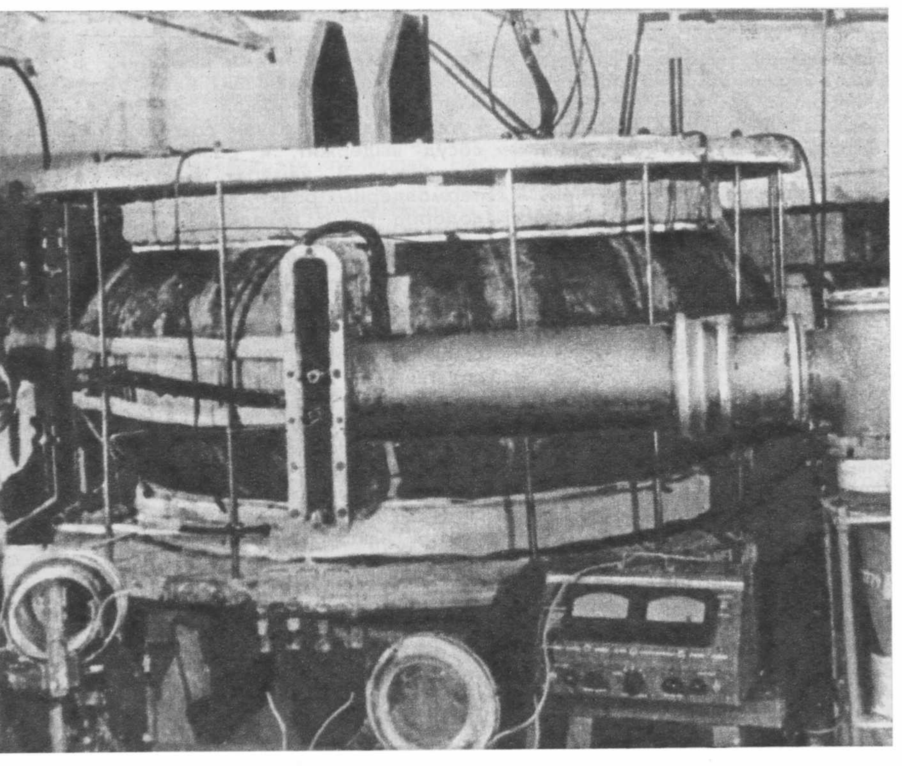
Настоящую бурю протеста вызвал сделанный американским физиком Джонсоном доклад «О применении ядерных и термоядерных взрывов в невоенных целях». Возражали докладчику не только японские и шведские, но даже и американские ученые. На докладчика пошел в атаку почти весь журналистский корпус. Глава делегации советских ученых В. С. Емельянов разоблачил предложение Джонсона как попытку прикрыть пальмовой ветвью продолжение атомных испытаний и дальнейшее совершенствование водородного оружия.

В кулуарах и на заседаниях конференции, в газетах и журналах предрекают сроки наступления эры термоядерной энергии. Это сроки большой, длительной, трудной работы. Но сегодня предсказатели сходятся на том, что в результате международных усилий эти сроки будут сокращены...

На ребре алюминиевой крыши выставочного павильона по соседству с Дворцом наций в Женеве, словно аисты над мирным жилищем, тихо машут водяными крыльями дождевальные установки. Они силятся умерить охватившую Европу тропическую жару.

В перерывах ученые прогуливаются по берегу Женевского озера, где плещется складками нейлона невысокая голубая волна. Но ученых не очень трогают идиллические красоты природы. Они думают о мощных белогривых океанских валах и об огненных валах, бороздящих поверхность дневного светила. Их зовет на новые подвиги высокая дума об океане.

Женева. По телефону.

Тороидальная камера, сооруженная в Институте атомной энергии Академии наук СССР для исследования возможностей получения управляемых термоядерных реакций.

Поэзия великого Китая

Академик Н. КОНРАД

1

Передо мною лежат уже заметно тронутые временем листки машинописи: «Оглавление антологии китайской поэзии». Это составленный более пяти лет назад проспект задуманного тогда большого собрания образцов поэзии китайского народа в русских поэтических переводах. Проспект этот был создан совместными усилиями китайских и советских литературоведов.

Изучая проспект, я тогда не мог не видеть огромных трудностей, лежавших на пути осуществления этого замысла. Обычно издание антологии каждой национальной поэзии строится на базе существующих поэтических переводов, и задача составителей сводится к отбору из имеющегося материала того, что достойно войти в антологию; новые переводы, сделанные специально для такого издания, обычно занимают в нем небольшое место.

Ничего подобного в данном случае не было. То, что у нас тогда имелось, ограничивалось небольшой книжкой переводов Ю. Щуцкого под названием «Антология китайской лирики» (1923 год) и отдельными переводами Б. Васильева в сборнике «Восток» (1935 год).

Создавать на таком материале антологию, охватывающую китайскую поэзию с древних времен до наших дней, как ее задумали составители, было, конечно, невозможно.

Положение стало, однако, быстро изменяться. В 1949 году у нас были изданы стихи Бо Цзюй-и; в 1954 году — поэтические произведения Цюй Юаня; затем — Ду Фу и Ли Бо. В 1956 году под названием «Антология китайской классической поэзии» появилась книжка переводов стихов эпохи китайского Возрождения; недавно издан древнейший памятник китайской поэзии Шицзин. Кроме этого, развернулась обширная переводческая работа специально для настоящей антологии. И вот то, что еще пять лет назад казалось невозможным, стало осязаемым фактом: перед советским читателем лежат четыре изящных томика, на титульном листе которых заслуженно стоят имена главных редакторов — Го Мо-жо (КНР) и Н. Т. Федоренко (СССР).

Эти томики служат наглядным свидетельством общего подъема нашего китаеведения и нашего переводческого дела. Самый же подъем не только сопряжен с общим могучим поступательным ходом нашей науки и культуры, но и вызван тем огромным вниманием, которое проявляют народы Советского Союза к своему великому соседу и другу — китайскому народу.

Близких и братьев лишен
человек,— почему
В горе ему на дороге никто
не помог?

2

Что же найдет читатель в этой обширной антологии? Именно то, о чем мечтали составители первого проспекта: в избранных образцах — всю историю поэзии Китая, от песен древнего Шицзина (XI—VIII века до н. э.) до стихотворений поэтов народного Китая, наших современников. Временной охват антологии — почти три тысячелетия.

Читатель не может пройти мимо этого факта. Пусть он вспомнит, что те литературы, с которыми он более всего знаком, насчитывают от 1 000 до 1 500 лет своего существования: литературы народов Западной Европы начинаются, как известно, в IV—V веках н. э.; литература нашего народа—в IX веке. Читатель поэтому должен понять, что, открывая антологию китайской поэзии, он входит в соприкосновение с литературой, с которой по возрасту могут стать рядом лишь литературы народов Индии, Ирана, Греции. Основная часть песен и гимнов китайского Шицзина складывалась в IX—VIII веках до н. э.; в VII—VI веках до н. э. зарождались гимны Ригведы — начало индийских литератур; в VII—VI веках до н. э. создавалась иранская Авеста; в VIII—VII веках до н. э. складывались поэмы гомеровского цикла. Были литературы и более древние, но они давно исчезли вместе со своими народами; эти же четыре литературы и создавшие их народы продолжают жить и развиваться. К ним примыкают в качестве несколько более молодых сверстников только литература итальянская, если вести ее историю от древнего Рима через средневековую Италию к Италии нового времени, да еще литература армянская.

При такой продолжительности истории китайской поэзии естественно, что читатель, перелистывая томики антологии, встретится с разнообразным поэтическим материалом, столкнется с массой имен, названий памятников, наименований династий и т. д. Пусть он поэтому обратится к статьям, открывающим антологию: к краткому введению, написанному профессором Го Мо-жо, и к обширному очерку члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Т. Федоренко. Эти статьи хорошо ориентируют читателя в содержании антологии.

Горит вокруг осенняя листва,
И выси дальних гор обагрены
закатом.

Читатель найдет в антологии поэзию, характерную для древнего общества, для античности; найдет поэзию средневековья; ознакомится с поэзией эпохи китайского Возрождения и Гуманизма; встретится с поэзией, созданной эпохой, по своему историческому содержанию близкой к тому, что мы называем эпохой Просвещения; прочтет стихи поэтов народного Китая, живущих и работающих в эру построения социализма.

Не найдет он только того, с чем прежде всего привык иметь дело, обращаясь к литературам народов Европы: поэзии капиталистической эпохи. Капиталистические отношения начали складываться в Китае давно — в XV—XVI веках,— но особенности экономики этой обширной крестьянской страны, наступление западноевропейских капиталистических государств задержали развитие капитализма в Китае, и вполне выраженной капиталистической эпохи в его истории не было. Та борьба, которую с 1919 года повели народные массы Китая, была борьбой за ликвидацию остатков феодализма в своей стране и за освобождение от гнета иностранного империализма. И борьба эта велась не ради построения капиталистического строя, а для перехода на социалистический путь развития.

Вот эту особенность истории Китая и должен учитывать читатель, обращающийся к китайской поэзии.

3

Большинство читателей обратится к антологии не для того, чтобы изучать историю китайской поэзии, а ради самой этой поэзии, в надежде найти в ней то, что западет в душу. И такой читатель не обманется в своих надеждах.

Вот он откроет «Книгу песен», Шицзин, то есть образцы народной поэзии глубокой древности Разве не тронет его сердечность таких строк:

Ветер с дождем холодны,
словно лед...
Где-то петух непрерывно поет
Только, я вижу, супруг мой
со мной,—
Разве тревога в душе
не замрет?
Ветер бушует — он резок
и дик...
Вновь петушиный доносится
крик.
Только, я вижу, супруг мой
со мной,—
Разве мне в сердце покой
не проник?

Ветер с дождем, и повсюду
темно...
Крик петушиный несется
в окно.
Только, я вижу, супруг мой
со мной,—
Разве не радостью сердце
полно?

Но вот читатель дойдет до VIII века — до начала блистательной эпохи Гуманизма и Возрождения. Тут он убедится, что и там, в далеком Китае, осознание того, что человек есть высшая ценность, что его мысль, его чувства не могут быть ограничены ничем, кроме велений разума и сердца,

Уж полвесны прошло, как
я покинул
Для севера родной и милый
край.

Антология китайской поэзии. Перевод с китайского под общей редакцией Го Мо-жо и Н. Т. Федоренко. Гослитиздат, тт. I—III, 1957; т. IV, 1958.

привело к грандиозному взрыву поэтического творчества. И если вековечную славу у нас приобрели выросшие на такой же почве поэты европейского Ренессанса, Петрарка и Ронсар, то только недостаточное знание истории Китая явилось причиной того, что рядом с этими именами не стоят и у нас имена Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и.

О творчестве этих поэтов можно и должно писать книги. Но еще лучше просто почитать их стихи хотя бы в переводах, в большинстве случаев превосходно выполненных.

Бурный, безудержный в своем удивительном лиризме Ли Бо (VIII век) — «поэт-кудесник», как назвали его китайцы. Он опьянен жизнью, творчеством:

Хочу ли
Знатным и богатым быть?

Нет!
Время я хочу остановить.

И этот как будто бы уносящийся ввысь поэт пишет такие проникновенные строки:

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней? —
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко,

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

Дума о родине никогда не оставляет великих поэтов Китая. Она выражена в их творчестве по-разному. Так, в стихах другого великого поэта китайского Возрождения, Ду Фу (VIII век), она облекается в форму мечты о том, чтобы родную землю не терзали бесконечные войны.

Глубокой человечностью проникнуто творчество третьего великого поэта китайского Возрождения, Бо Цзюй-и. Составители антологии из творчества Бо Цзюй-и выбрали лишь те его строфы, в которых звучат главным образом социальные мотивы. Но читатель должен знать, что у этого поэта есть замечательные лирические строки. Например:

Утром злоба:
Иволги щебечут.
Ночью зависть:
Ласточки спят парой.
Не привыкла
Жить весной в разлуке.

Только знаю —
Плачу до рассвета.

Перелистывая антологию, читатель дойдет и до современной поэзии. В ней полным голосом говорит героическая эпоха борьбы и побед.

Почти три тысячи лет назад китайский труженик выразил в песне Шицзина мечту:

Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом,
Мы найдем свой новый дом.

Китайский народ нашел эту счастливую землю, и нашел ее не «в краю чужом», а у себя, в своей собственной стране, в своем собственном родном доме.

4

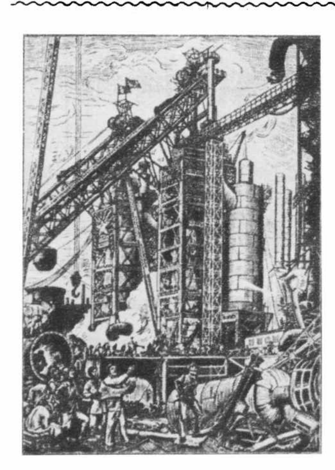
Знакомясь с китайской поэзией, читатель почувствует отсутствие в ней того, что мы зовем «экзотикой». «Восточная экзотика» — ярлык, наклеенный на поэзию народов Востока европейцами-колонизаторами. В китайской поэзии, как и в поэзии других народов Востока, есть, конечно, свои специфические приемы, свои особые образы, но это не экзотика, а национальное своеобразие. В своей же основе поэзия Востока столь же общечеловечна, как и всякая истинная поэзия. И это общечеловеческое звучание мы вполне отчетливо слышим в строках великих китайских поэтов.

Человеческую основу поэзии китайцы подметили еще в глубокой древности. В «Книге Истории» — одном из памятников китайской письменности VII—VI веков до н. э.— сказано: «Поэзия есть устремление». Много веков спустя, в XII веке н. э., крупнейший философ эпохи китайского Возрождения Чжу Си, сам большой поэт, раскрыл эту формулу так: «Устремление есть то, что содержится в человеческом сердце. Когда это содержание сердца высказывается в слове, рождается поэзия». В своем комментарии к древней «Книге песен» Чжу Си развил эту мысль до конца:

«От своего рождения человек пребывает в состоянии **покоя;** такова его естественная природа. Но он входит в соприкосновение с вещами и под воздействием вещей приходит в **движение;** это — **желания,** свойственные человеческой природе. Но когда есть желание, не может не быть и **мысль;** а когда есть мысль, выразить ее в словах полностью невозможно: она находит свое выражение и в возгласах и восклицаниях; в сердце человека возникает **звучание,** и сдержать его невозможно. Вот это и есть основа поэзии».

Поэзия есть, таким образом, как бы пение души. Но она все же выражается в словах. Что же должен делать поэт со словами в своих песнях? Старая теория китайской поэзии отвечает на этот вопрос так: он, поэт, должен «чеканить слова» и «придавать им полет и движение». Для чего? «Для того, чтобы они были исполнены жизненной силы».

Думаю, что изданная у нас антология китайской поэзии показала, что китайские поэты сумели придать своим стихам эту жизненную силу. Советский читатель, несомненно, ее почувствует.

Отныне, каждый новый год
веками измеряя,
Вперед стремится весь
народ великого Китая...

ПО МАНДАТУ ДОЛГА

«...Если три, четыре года у меня нет новой книги, я чувствую себя плохо, я не вижу за собой права выступать перед читателями, перед своими товарищами...»

Когда читаешь новый роман Всеволода Кочетова «Братья Ершовы», невольно думаешь, что эти слова, которые вспоминает один из его героев, принадлежат не какому-то безымянному писателю, а самому автору. И потом, когда размышляешь о той силе, которая все более и более властно приковывает к страницам романа, заставляет волноваться вместе с его героями, любить одних и ненавидеть других, вновь приходят на память эти слова. Речь здесь идет о чувстве профессионального долга, ответственности перед теми, для кого ты обязан и хочешь работать. Именно это большое чувство владело писателем, когда он взялся за перо, чтобы рассказать о семье Ершовых, о партийном работнике Горбачеве, об актере Гуляеве — о многих хороших людях и о тех, кто мешает им и нам вместе с ними трудиться и жить.

Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга —

эти слова Маяковского, пожалуй, могут точно определить чувство, заставившее автора романов «Журбины» и «Молодость с нами» написать новую книгу, посвященную событиям буквально вчерашнего и сегодняшнего дня нашей идеологической жизни.

...Нежная, красивая душа изуродованной фашистами Лели, ее жизнь в рыбачьем бараке, отношения с Дмитрием, горькие мечты о любви и материнстве... Метания инженера Искры Козаковой, жены талантливого, милого, верного, но очень эгоистичного и нравственно неустойчивого художника... Сложность чувств цельного, как из одного слитка стали выкованного Дмитрия Ершова, вдруг потянувшегося к Искре...

Жизнь каждого героя кочетовского романа — поистине золотая жила для писателя! Кочетов открывает их перед читателем, но не хочет шаг за шагом, внимательно и досконально разрабатывать открытые им богатства: он поставил перед собой иную цель. Роман «Братья Ершовы» задуман и выполнен как произведение полемическое, во многом публицистичное. Под напором гражданского темперамента писателя, его непреодолимого стремления поделиться с читателем, передать все значительное. что накопилось на сердце, что наболело в еще не остывших идейных спорах,— под этим мощным напором любви и ненависти рухнули традиционные рамки психологического романа, в него ворвалась прямая, острая полемика против ложных, искажающих нашу жизнь литературных произведений, против конъюнктурных очерков и статей, против салонных поборников «свободы творчества», ведущих закулисную возню ради личной монополии на художественные вкусы и на руководство в творческих союзах...

Сила и обаяние этой твердой, закаленной в борьбе убежденности таковы, что, ломая каноны романической композиции, она увлекает за собой непредубежденного читателя, который в другом случае вряд ли простил бы писателю такое «бесхозяйственное» отношение к собственным немалым психологическим и бытовым находкам и возможностям.

«Братья Ершовы» — произведение лирическое, хочется сказать, очень личное: на каждой его странице — страстная писательская взволнованность тем, что делают, говорят и думают его герои. И автор романа становится необычайно близким нам; ему до всего дело: его волнуют и способы повысить производительность труда доменщиков, и безнаказанность гнусных клеветников, вроде бездарного «изобретателя» Крутилича, и сегодняшние пути нашей живописи, и вопросы министерского руководства на местах, и условия труда металлургов, и «мелкотемье» в драматургии последних лет, и ошибочные обобщения некоторых писателей, неверно истолковавших партийную критику культа личности...

Большой рабочей семье братьев Ершовых — доменщикам Платону Тимофеевичу и Андрею, оператору прокатного стана Дмитрию, директору театра Якову, их родным, друзьям и товарищам по труду, — всем им далеко не чужды эти вопросы, не безразлична идейная борьба за революционное единство народа, строящего коммунизм. И Кочетов не стал и не мог ждать, пока уляжется пестрый вихрь больших и малых проблем и событий последних лет. Он не искал, не хотел искать широкого и спокойного места в русле реки, кипящей перед его глазами бурным водоворотом столкнувшихся глубинных и поверхностных течений, постоянных и случайных притоков. Именно в бушевании этого водоворота писатель стремится найти ту главную, определяющую струю, которая одна может вывести на стрежень.

В этом Всеволод Кочетов по праву увидел сегодня свой долг и призвание писателя-коммуниста.

Всеволод Кочетов. Братья Ершовы. Роман. «Нева», 1958, №№ 6, 7.

Д. СТАРИКОВ

НОВЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Приятная весть: появился еще один журнал — «Театральная жизнь», орган Министерства культуры РСФСР, Всероссийского театрального общества и Оргкомитета Союза писателей РСФСР.

«Театральная жизнь» — журнал массовый, рассчитанный не только на актеров, режиссеров, драматургов, но и на самого широкого театрального зрителя. Ориентация на массового читателя чувствуется в вышедшем недавно первом номере журнала во всем: в обилии интересных рубрик — «О нашей профессии», «Наш корреспондент встретился...», «Реплики в сторону», «Заметки бывалого театрала».

«Мчится поезд по русской земле. Мелькают за окнами города. И в этих городах каждый вечер многие тысячи советских людей заполняют зрительные залы, ежевечерне раздвигаются сотни театральных занавесов, и звучит с нашей сцены вдохновенный голос самого передового в мире искусства. Так представим себе огромную карту, карту театральной России...» Такими словами начинает редакция обзор российской театральной периферии. В первом номере рассказано о калужском, воркутинском, лакском, стерлитамакском, хабаровском, ростовском, йошкар-олинском театрах.

Журнал начал большой разговор накануне Всесоюзного театрального совещания и двух писательских съездов. Своими раздумьями, мыслями, замечаниями делятся на страницах первого номера народный артист СССР Алексей Попов, заслуженный деятель искусств РСФСР А. Шубин, главный режиссер Тульского драматического театра Ю. Юровский.

— Мы хотим создать журнал боевой театральной публицистики и театральной критики,— сказал нам в беседе главный редактор «Театральной жизни» Юрий Александрович Зубков.— Журнал задуман как массовый иллюстрированный оперативный двухнедельник. Театр и жизнь — вот что должно быть главным в журнале.

В. ВОРОНОВ

ДВА ГОДА МОЛОДОСТИ

Такими они были в августе 1956 года. Фото М. Савина.

Георгий РАДОВ Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

«Отработка» * Семнадцать из Турочака * «Разлетелись...»

Он вошел, поставил в углу чемоданчик и небрежно объявил:

— Ну вот, кончилась отработочка! — И, выбросив передо мной ладони, похвастался: — В-во, мозолистые!

— Кем же ты был, Игорь? Плотником?

— Сварщиком! Оч-чень важно для будущего врача...

Это «очень важно» он произнес иронически, и мне стало не по себе. Парень этот в позапрошлом году не прошел в институт по конкурсу, потом два года жизни, два года молодости, отдал труду и вот сидит теперь повзрослевший, сильный, здоровый, а глаза смотрят зло, обиженно, точно его, Игоря, обманул кто-то.

— Пропали два года! Работал в какой-то шарашкиной артели. Абы стаж, абы строчка в анкете... Нужна мне эта электросварка, как рыбе зонтик. Я же иду в медицинский!

В тот вечер я долго не мог успокоиться. Все думал и думал об Игоре, и тут-то — в который раз! — взгляд упал на карточку: она уже много месяцев лежала под стеклом письменного стола. Обыкновенная карточка: восемь парней и шесть девушек стоят на пригорке, а за ними простирается бескрайнее пшеничное поле.

Да, это было как раз два года назад, в то лето, когда и Игорь поступал на работу. В канун уборки я прилетел на Алтай, заехал в совхоз «Краснодарский» и тотчас увидел палатку. Горел костер, дымок стлался над степью, а над костром хлопотали парни и девушки. А уже в том году на целине кончалась палаточная «эпоха». Совхоз отстроился, и эта палатка выглядела диковиной. Кто ее раскинул? Туристы? Студенты, приехавшие на уборку? Я подошел к костру.

— Нет, мы не студенты,— возразила девушка с косичками.— Мы из Турочака, из Горно-Алтайской автономной области. Десятый класс...

— На уборку?

— Нет, насовсем.

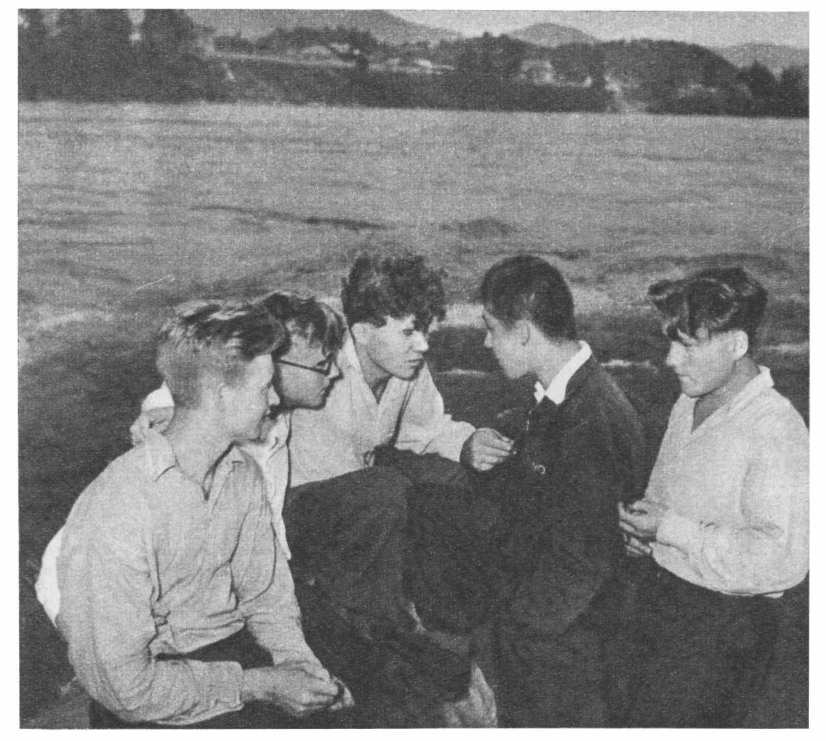
— Десятый класс? Насовсем? Почему же о вас не слышно в Барнауле?

— А нас провожали без оркестра,— усмехнулся парнишка в вельветовой курточке.

Да, их провожали на целину «без оркестра». Их не пускали родители. Колю Калинина, высокого тонкого белоголового хлопца, вовсе не провожал отец. Председатель колхоза, он был взбешен тем, что сын уезжает, когда в родной деревне уйма работы. Не простился. Не дал ни гроша на дорогу. Сказал: «Если уедет, он мне больше не сын»... Со скандалом, со слезами вырвались из дому и другие ребята. Да и не только из дому, а из района. Местные товарищи справедливо считали, что десятиклассникам найдется дело и дома — дальний горный район нуждался в молодых рабочих руках. Но самих выпускников почему-то не влекла романтика подвигов у родного порога, их звали дальние дороги. Семнадцать десятиклассников, а с ними молодая учительница снялись и отправились в целинный совхоз...

Тогда я ни строчки не написал о турочакцах, да и о чем было писать? Они только приехали... Но стоило ребятам в первый раз выйти на работу, как на них нацелились объективы фотоаппаратов, и на страницах молодежных газет и журналов замелькали их лица и имена... А осенью был опубликован Указ о награждении алтайских хлеборобов, и все, как один, семнадцать школьников награждены орденами «Знак Почета», а учительница И. И. Третьякова — орденом Трудового Красного Знамени. В том Указе прочел я две прелюбопытнейшие строчки. Председатель колхоза А. З. Калинин и без малого не проклятый им сын, уехавший на целину, оба награждены орденами «Знак Почета»! Их фамилии были напечатаны одна под другой...

С тех пор и лежала на столе карточка... Но вот разговор с Игорем, тревога на душе, а тут, кстати, поездка на Алтай... Днем могучий «ТУ-104» взмыл в московское небо, вечером опустился в Новосибирске, а к вечеру следующего дня наша машина скатилась с холма, и впереди показался знакомый совхозный поселок. У мостика дорогу перегородила телега. Рыжий парень в рваной безрукавке понукал лошадей.

Такие они в 1958 году. Слева направо: Василий Фадеев, Иван Нилов, Борис Парфенов, Алик Птиченко и Юра Кабаков.

— Из Турочака? — спросил я наугад.

— Не-ет, я здешний.

— А как турочакцы?

— Какие?

— Что значит «какие»? Из школы...

— Знаю, что из школы. Какого выпуска? Прошлогодние?

— Позапрошлогодние.

— А, с орденами? Тех нету. Одна Тамара осталась.

— Как одна? А остальные?

— Разлетелись! — Парень махнул рукой.— Чего им тут сидеть, в степи? Институт заработали — и привет, целина! Н-но, проклятая!

Он гикнул на лошадь, освободил дорогу, и мы въехали в поселок...

— Эх, опоздал ты! — сказал, здороваясь, директор совхоза Владимир Макарович Савчинский.— Кабы на недельку раньше! На днях проводили ребят. Чин по чину! Дали каждому путевку в институт! А что? Молодцы! Заработали. Пускай учатся...— Он был все такой же, директор: добродушный, шумливый, необыкновенно подвижной толстяк. Покосился на мою кислую физиономию, утешил:— Да ты не расстраивайся! Ну, они уехали, да мы-то не обеднели! Еще есть полсотни десятиклассников.

— Еще полсотни? Откуда?

— Вот тебе раз! А прошлогодние... Из Турочака сколько приехало? Двадцать? Да из нашего районного центра Усть-Пристани — двадцать три. Да из Перми, из Казани. Глянь-ка, глянь, как вышагивают!

Был вечер воскресного дня. Солнце, окунаясь в пыль, взметенную автомобилями, садилось за холмы. По совхозной улице к клубу спешили парни и девушки. Не-ет, это было что-то новое в целинном пейзаже! Совхоз основан кубанцами, и, помнится, еще в позапрошлом году типичными фигурами совхозной улицы были парни лет двадцати восьми, прокаленные ветрами и грозами, остриженные под бокс, но чубатые, с татуировкой во всю грудь, в сапогах гармошкой. То были великолепные мастера своего дела, лихие хлопцы, но... с образованием «два класса, третий коридор» и, как говорится, «со всеми вытекающими» отсюда последствиями. И вот та же улица и не та, что-то в ней городское. Идут стройные, скромно одетые юноши, шагают девчата — изящные, нежные, в летних платьицах и босоножках...

— Главная наша опора! — сказал Савчинский.— Бедовый народ, хотя и хлопот с ними...

Главная опора * Так рождаются хозяйки * Пастух со средним образованием

Главная опора! Когда горожане-десятиклассники приходят на заводы, их еще не один месяц учат, а план, программу «тянут» пока люди постарше... Не то на целине! Пятьдесят десятиклассников попали в совхоз как раз в то время, когда каждая пара рабочих рук была на строжайшем учете. Они явились в канун уборки. Некогда было думать об ученичестве... Их приставили к комбайнам, послали на прополку сахарной свеклы. Колесо завертелось, и ребята и девушки сами не заметили, как они вросли в совхоз и стали его важнейшей силой...

Прошлогодняя уборка затянулась до «белых мух». На сотнях гектаров неподобранные валки ушли под снег. В огромных, как ангары, складах лежало влажное зерно. Оно могло согреться, погибнуть. И в мороз, в пургу десятиклассники садились на тракторные сани, отправлялись за двадцать километров на дальнее отделение и там в холодном металлическом складе работали, а спали в вагончике, продуваемом со всех сторон ледяным ветром...

Это сама жизнь устраивала им на первых же порах строжайший экзамен.

А весной в руки десятиклассников совхоз передал треть тракторного парка. Вынужден был передать: не было других трактористов. Одна треть парка, считайте грубо,— одна треть напряженнейшего посевного плана! А знаете, что такое выплавить подшипник в самый разгар посевной, когда телефонные провода, и те гудят надрывно, словно и они не в силах вынести решительнейших команд: «Скорее, скорее! Сроки уходят!»? А Толя Мацнев, милый хлопец, красавец, любимец девушек, как раз и начал с того, что выплавил подшипник, и было ему «выдано» все сполна: и косые взгляды товарищей, и сорвавшееся сгоряча непечатное словцо бригадира, и «Эх, растяпа!», презрительно брошенное механиком.

Нет, в строгие, в жесткие руки забрала ребят целинная жизнь! И именно она, жизнь-то, и вдалбливала им в головы и в души то самое чувство ответственности, без которого немыслим наш человек.

Сложнее было с девушками. Парни, те как-то враз вошли в ритм совхозной жизни, для них была готова профессия — тракторист, а девушки служили по должности «кто куда пошлет». А в совхозе уже была ферма. И были там доярки — ленивые девицы. И была эта ферма бельмом на глазу у совхозного руководства. Партийное бюро решило отдать ее в комсомольские руки. Собрался комсомольский актив, секретарь произнес речь, но молчание было ему ответом. И неспроста! Доярка — самая, пожалуй, трудная должность в сельском хозяйстве. Вставай на заре, колготись до поздней ночи — ни тебе отдыха, ни гулянки. Словом, девушки испугались, и даже член комитета Шура Легостаева, самая, кажется, активная и дисциплинированная, и та сказала: «В доярки? Не пойду, хоть убейте!» Так и разошелся актив. Ничего не решили!..

А утром все семнадцать десятиклассниц принесли заявления: «Переведите на ферму». В. М. Савчинский и секретарь комсомольского комитета Виталий Степанов, обрадованные и слегка огорошенные неожиданным поворотом дела, переглянулись:

— Что у вас там случилось, девчата? Передумали? Когда? В общежитии продолжили актив? Ночью?

— Вроде этого,— засмеялись девушки.— Давайте ферму!

А месяц спустя Виталий Степанов в Кисловодске, во время отпуска, получил письмо от Шуры Легостаевой, деловое письмо. «Вряд ли придется устранить падеж скота, не говоря уже о продуктивности,— с горечью писала девушка.— Сегодня в газете районной одна полоса была полностью посвящена колхозу «Родина», вернее, ферме этого колхоза. Там и сено-то рубят и мешают с концентратами. Сено! А у нас и соломы нет... Вот и надои! На днях у нас на ферме было комсомольское собрание, так мы решили сообщить в райком партии».

Это уже писала хозяйка! Не барышня с косичками, а государственный человек!

А в другом письме, от Вали Унжаковой, бойкой, острой на язык девушки, были такие строки: «В общем, все хорошо... Съездила домой, удивляются, что я работаю дояркой, но все-таки одобряют. На что уж мама все охает, и та сказала: «Везде ведь, дочка, надо поработать». Ну я и подросла...»

Дрогнуло сердце у Степанова. Он-то знал, чего стоят девушке эти строчки. В грязи, на холоде ревут некормленые коровы, а у девчат с непривычки распухли, покрылись болячками пальцы, но... «в общем, все хорошо».

Нет, не ждите восклицательных знаков в конце этой истории: дескать, десятиклассницы стали лучшими доярками района. Не стали! Далеко до этого... Мы навестили летний лагерь фермы в июльский полдень. Скот пасся неподалеку, все девчата были в вагончике. На обычных доярок, они, по правде сказать, мало были похожи: ни дородности, ни осанки. Как туристы, все сплошь в спортивных штанах. Нет, они не бодрились, не хвастались попусту. Трудно! Большая нагрузка. Руки все еще ломит с непривычки. И стадо неважное, загубили его ленивые люди...

— Плохо будет с надоем! — вздохнула Валя Унжакова.— Ох, плохо...

И в этом «Ох, плохо...» прозвучала не жалоба растерявшейся девушки, а озабоченность взрослого человека, научившегося смотреть правде в глаза.

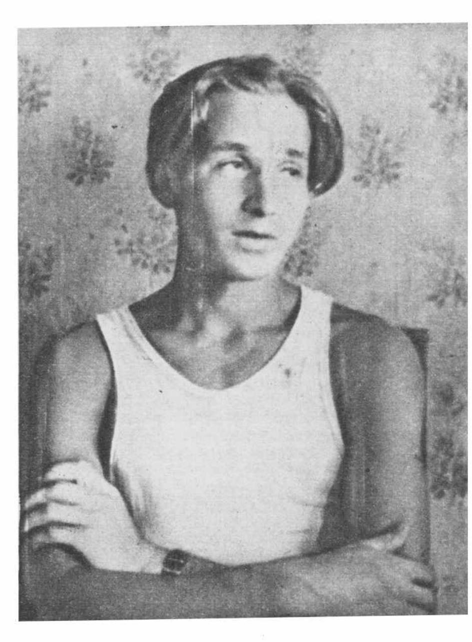
...Помнится, еще в Москве все допытывался у меня один заводской инженер: что это такое пастух со средним образованием?

— Все понимаю,— говорил он.— К станку становятся с аттестатом — понимаю! На трактор садятся — и это понимаю. Но вот пишут в газете: «Пастух со средним образованием...» Не могу понять. Кнут в руке и аттестат в кармане? К чему же аттестат?

Я тоже не мог уразуметь, «к чему» тут аттестат. И вот в совхозе довелось повстречать пастуха со средним образованием. Это был Женя Рябов, высокий большерукий парень с гладкими длинными волосами, сын погибшего на войне корреспондента «Правды». Он хорошо учился в школе и только по случайности не получил медаль. И еще в десятом классе овладел токарным станком. А потом был запевалой поездки в совхоз, председателем школьного оргкомитета. Но почему он пастух, а не тракторист, как другие ребята? А так сложились обстоятельства...

...Ох, как же узко, как по-делячески судим мы порой о целях трудовой подготовки десятиклассников! Имеем в виду только приобретение профессии! Одной профессии! Говорят: «Вот девушка пошла в доярки, из нее получится хороший зоотехник». Правильно, зоотехник, но только ли зоотехник? А если она, став хорошей дояркой, поступит в медицинский институт? А если она пойдет на философский факультет университета, значит, понапрасну пройдут у нее годы «доярочной» службы?! Я спросил у директора В. М. Савчинского: как он думает, на пользу ли Жене Рябову пойдет «пастушья» служба, если парень собирается в политехнический институт?

— А вот тебе случай,— сказал Савчинский.— Представь такую ситуацию. Весна! Снега тают, вода обступила ферму, коровы, как на острове. А тут наш управляющий прошляпил, не подвез кормов. И я замотался с посевом, упустил из виду ферму. Но там-

Женя Рябов, пастух со средним образованием.

Нина Чернакова, трактористка-десятиклассница.

Тамара Казанцева.

то комсомольцы! Десятиклассники! Грамотный народ! Собрались, обсудили, и вот тебе Женя Рябов седлает лошаденку — и в район. А речки разыгрались, дорога трудная. Еле добрался хлопец! И прямо к первому секретарю. А в тот день как раз пленум райкома... Ну и причастили нас по первому разряду: и меня, и зоотехника, и секретаря партбюро. Думаешь, приятно было? Эге... А когда узнал я, что это Женя нам устроил баню, и совестно стало, но, поверишь, и хорошо на душе! Вот он какой у нас, пастух! Политик! Не постеснялся ни чинов наших, ни рангов... А ты спрашиваешь, на пользу ли ему пастушья служба. Ну, положим, забудет он, как пасти коров, так основное-то останется! Он же в тот день, когда в райком ездил, можно сказать, первую политическую школу прошел! Да разве такое бесследно пройдет? А первая посевная, а морозы, а трудности?.. Как это поточнее выразиться? — задумался он.— Школу жизни они у нас проходят, вот как...

Держатся! * Посылать классами * Еще новая фигура — секретарь с университетским значком

Итак, школа жизни... Среди турочакцев — и старших и прошлогодних — не было ни одного дезертира! Из двадцати трех усть-пристанских десятиклассников спасовали только двое...

Значит, держатся? А в чем секрет? Может, совхоз создал им хорошие условия?

Нет, к сожалению, не было этого. В. М. Савчинский, политработник фронтовой выучки, души не чаял в ребятах, но целина — она и по сей день целина! Давным-давно распаханы совхозные земли и поселок отстроился, но следы целинной неустроенности и сегодня дают знать о себе. Нет воды — ее возят цистернами, и в метель, в буран ребятам негде умыться. Нет пока мастерской — трактора ремонтируют под брезентом и на жестоком морозе. Нет еще хорошего общежития, и ребята теснятся, спят по двое на одной койке, что, впрочем, зимой даже удобнее: сборнощитовые, или, как их окрестили в совхозе, «сборнощелевые», дома доступны всем ветрам. Не все ладно и с заработком. И столовая по ценам больше походит на городской ресторан: совхоз, добывающий миллионы пудов хлеба, дающий молоко и мясо, по какому-то нелепому распорядку не может кормить рабочих по дешевке, своими продуктами, а пользуется услугами кооперации с ее наценками, накладными расходами, серым хлебом и солониной...

Но ребята держатся. Что это — юношеский энтузиазм? Невзыскательность? Терпение?

— Знаешь, в чем соль? — объяснил мне «старый» целинник, комбайнер, человек умный и наблюдательный.— Вот я гляжу на них, на ребятишек, и замечаю: очень это хорошо, что они приехали классами. Классами, понимаешь? Еще в школах сдружились, притерлись друг к дружке... А это же важная штука на первых порах! Семья! Коллектив! Ответственность за товарища! Сам черт им не страшен... Заметь, как они живут! Коммунами! Всем делятся... Видал: все девчушки с часами. Получают получку, покупают часы, бросают жребий: «Тебе, Маруся!» А через месяц другой часы... О, это большое дело! Ей-богу, я бы всем школам подсказал: не раздробляйте вы своих коллективов, посылайте их классами в совхозы, на заводы, на стройки...

— В этом все дело? В коллективах?

— А роль личности? — улыбнулся он.— Ты что же ее не берешь в расчет, роль личности?

— Какой личности?

— Здравствуйте! А Степанов? Это ж их счастье, что им достался Степанов...

И. И. Третьякова, учительница, которая привезла первых десятиклассников, уехала с целины. На посту секретаря комсомольского комитета совхоза оказался не малограмотный хлопец, изнывающий под непосильной «нагрузкой», и не «из молодых, да ранний» чиновник, действующий по принципу «давай, нажимай, вкалывай»,— а воспитатель, умный, чуткий, с университетским образованием...

Да, с университетским! Милые выпускники университетов! Юные философы и филологи, помышляющие об аспирантуре и «чистой» науке! Ей-же-ей, прежде чем «распределяться», задумайтесь над судьбой Виталия Степанова!

И он хорошо, даже очень хорошо учился в Ленинградском университете. И он имел склонность к науке и вполне мог остаться в аспирантуре. И он тем более мог остаться в Ленинграде, что уже был и мужем, и отцом, и имел родственников, у которых можно пристроиться на первое время.

Но он не остался. Он уехал учителем в Усть-Пристань, далекий район Алтая, а через три года, возглавив десятиклассников, переехал в целинный совхоз, где его выбрали секретарем комсомольского комитета...

Будем честны: ему несладко пришлось. Резко снизился заработок, и жене, тоже выпускнице университета, не нашлось подходящей работы. И худо было с квартирой... И я уже вижу усмешки на губах ровесников Степанова, смолоду окопавшихся в канцеляриях: «Секретарь комитета комсомола совхоза! Под-думаешь, вершина! Стоило кончать университет?!»

Нет, Степановы вовсе не считают себя подвижниками. На материальные невзгоды они смотрят по-юношески весело. Видно, другое их согревает. Что же? Наверное, любовь молодежи...

— Ну чем он их причаровал? — все удивлялся директор, кивая на Степанова.— Чем?

А он, кажется, ничем их и не «причаровывал». Он попросту полюбил их, разных: плохих и хороших, самолюбивых и покладистых, бойких и ленивых; полюбил деятельно, и ищет, и ищет в каждом что-то свое хорошее, и вытаскивает это хорошее на свет божий.

А чего только с ними не случалось! Вот разыгралась трагикомическая история. Турочакские девочки вдруг забастовали, отказались готовить обеды хлопцам, и те — молодцы, как на подбор,— перекочевали на довольствие к другим девчатам, выпускницам усть-пристанской школы, а они приняли красавцев-нахлебников с превеликим удовольствием. Вот уже и конфликт, и бойкот, и «мы с вами не разговариваем», и вот-вот он вспыхнет, огонек ревности,— и гаси, гаси его скорей, Степанов, припоминай Шекспира, ссору Монтекки и Капулетти, чтобы и рассмешить и примирить воюющие стороны...

Вот парень, славный, работящий, влюбился в кокетливую девушку, а она предпочитает иных поклонников, а у бедного хлопца все валится из рук, и он по-сыновьи смотрит на Степанова, безмолвно, одними глазами спрашивает, «как быть»,— и снова мучайся, воспитатель, ищи выход, кажется, из совершенно безнадежного положения...

Вот другой хлопец схитрил на пахоте, и вся бригада требует снять его с трактора, и только один молчит — комсорг, его напарник, а наутро этот же комсорг отказывается работать с бракоделом. И опять-таки терзайся, Степанов, думай, как привить этому комсоргу настоящую принципиальность.

По ночам долго горит огонь в комнате у Степанова. Секретарь пишет книгу о десятиклассниках. Я еще не читал ее, но, думается, книга эта, родившаяся в самой гуще жизни и согретая любовью к людям, будет в миллион раз ценнее тех скороспелых поделок, которые выдают «на-гора́» заезжие литераторы. И очень жаль, если в этой книге Степанов из скромности минует фигуру секретаря с университетским значком. Правда, это в какой-то мере новая фигура, так же, как, впрочем, новы и трактористы и пастухи с аттестатами зрелости. Но это в нынешних условиях необходимейшая фигура! Меняется облик рабочей молодежи, должен меняться и облик молодежных вожаков... И жизнь уже меняет его,

Виталий Степанов (справа) среди доярок-десятиклассниц.

этот облик. Жизнь диктует: когда на стройку или в совхоз является большая группа десятиклассников, с ними же, непременно с ними, должен явиться и воспитатель.

Молодость трогается в дальний поход — как же оставить ее без хороших наставников?!

Что же дальше? * Школа жизни * Почему уехали? * Тамарина дорожка * Огонь — на новые рубежи

Но что же дальше? Вот прошли «школу жизни» и «разлетелись» старшие турочакцы. Пройдет год — и эти пятьдесят трактористов, доярок и пастухов, может, покинут совхоз... Что получится?

От старших турочакцев в совхозе остался «след» — груды бумаг в комитете комсомола. Акку-

ратно исписанные листочки. Ответы на вопрос: «Что мне дал совхоз за два года». Что же он дал им?

Борис Парфенов: Целину я считаю второй моей школой, только более суровой. Были ошибки, но о них не приходится жалеть. На ошибках мы учимся...

Валентин Коньшин: Теперь я не сомневаюсь, кем я буду, а после десяти классов я вообще не думал, кем буду. Мой путь — механизация сельского хозяйства...

Василий Фадеев: Я познал труд не только как романтику, но и труд со всеми присущими ему неудачами и ошибками...

Иван Нилов: Узнал, как трудна жизнь, научился смотреть на нее трезво...

Нина Матвеенко: Ничто не могло так сдружить нас, как работа...

Юрий Кабаков: Особенно будет помниться, когда, не имея практики, маленько не сошел с трактором с моста. Запомнится еще, какую роль сыграл коллектив в моих взглядах на жизнь.

Алик Птиченко: Мне больше всего будут вспоминаться трудности... Я имел ошибки в трудовой дисциплине, но комсомол воспитал во мне чувство настоящего понимания... Я твердо верю, что в любых условиях жизнь прекрасна, если она вдохновляется работой...

Конечно, молодость — мастерица порисоваться, щегольнуть звонким словцом, но то она и молодость, но, ей-же-ей, слова вполне отражают то, что думали ребята. Две недели спустя в горном селе Турочак я отыскал авторов этих записок. Оговорюсь: не всех! Так и не повидал Колю Калинина: он, помирившись с отцом, жил в колхозе, готовился в сельскохозяйственный институт. Не увидел и Юру Маркова, славного совхозного тракториста.

На берег полноводной Бии, на скользкую скалу, под которой билась о порог бешеная река, сошлись Борис Парфенов, могучий, широкогрудый юноша, лучший тракторист, о нем больше всего вспоминают в совхозе; Вася Фадеев, красивый белокурый хлопец, тоже тракторист и тоже хороший; Ваня Нилов, застенчивый юноша в очках, он служил учетчиком — должность, кстати, далеко не канцелярская на целине,— а теперь поступает в медицинский... Еще пришли Алик Птиченко и Юра Кабаков— оба плотные, загорелые, приземистые парни. Не зря благодарили они комсомол за то, что он «воспитал чувство настоящего понимания». Пришлось-таки повозиться с ними совхозному комсомолу! Дай бог, чтоб пошла им впрок целинная наука...

Я собирался расспросить их о жизни, но они сами атаковали вопросами:

— Так вы только что из совхоза? Ну, как там наши? Как Владимир Макарыч? Виталий Андреич?

Они еще жили совхозом, и мне вспомнилось письмо, которое я прочел в комитете комсомола, шутливое письмо из армии от бывшего десятиклассника и бывшего тракториста Виктора Новичихина: «Сознание мое в армии, а душа у вас, в совхозе. Вы поищите ее там и выгоните в три шеи...»

И души этих ребят были еще там, на целине.

Но почему же они уехали?

Это был неделикатный вопрос. Что значит «почему уехали»? Не самовольно же они уехали! Не сбежали! Два года, как положено, отдали совхозу, заслужили награды, получили путевки на учебу... Все совершилось законно, по правилам. И все-таки это был уместный вопрос. Почему? Да потому, что, глядя на этих ребят, я подумал о Тамаре Казанцевой...

...Да, из семнадцати «старших» турочакцев в совхозе осталась только она, Тамара. Я встретил ее в воскресенье на стадионе. Ливмя лил дождь, но болельщики — всегда болельщики: совхозная публика, закрывшись плащами, ватниками, газетами, как ни в чем не бывало, следила за игрой своих футболистов с районной командой. Тут, обнявшись с подругой, стояла и Тамара. Я не узнал ее. Два года назад это была беспечная резвушка-хохотушка (она на снимке крайняя справа). А теперь передо мной стояла худенькая, но как-то очень повзрослевшая девушка. Строго и настороженно смотрели ее крупные печальные глаза.

Разговорились после матча. Собственно, я уже слыхал ее историю. Как и все, она получила орден «Знак Почета», потом на год отправилась учиться садоводству к ученому-садоводу Лисавенко, затем была делегатом XIII съезда комсомола, а перед этим сдала экзамены в заочный сельскохозяйственный институт. Было у нее и горе, личное горе, о котором с чужими не говорят... Все это я знал, и, тем не менее, нельзя было не волнуясь, слушать эту девушку. Сколько перемен за два года, только за два года молодости! И где! В глуши, в дальнем совхозе, откуда в буран и до города-то не доберешься.

О себе она говорила торопливо: видно, боялась нескромных вопросов. Но вот речь зашла о саде — и враз с лица ее схлынула настороженность. Ну что это, никуда не годится: совхоз живет третий год, каждую весну садят деревца, а не уцелело ни былиночки! Ребятишкам негде укрыться от солнца. А фрукты... Кто их тут видел, фрукты?

— Думаешь вырастить?

— Обязательно! Вот осенью посадим сад, заложим парк... Не уеду, пока не попробую яблок!

— А почему ты, Тамара, не поступила на дневное отделение? Делегат съезда комсомола. С орденом. Приняли бы!

— Стыдно было,— сказала она, подумав.— Совхоз меня учил, надеялся, а я уеду. Нет, как же это! И что же тогда получится из совхоза? Одни будут уезжать, другие приезжать? Проходной двор?

— На заочном-то труднее...

— Ох, как трудно! — вздохнула она.— Это же совхоз, не город. Не дом, а общежитие... А все-таки лучше! Трудней, а лучше... Я же на плодоягодном факультете. И бригадиром в саду...

Вот она, вот она где была, трудная, но верная дорожка! Но нет, не ступили на нее старшие турочакцы. Да и младшие, и они что-то не спешат последовать примеру Тамары. Работают хорошо, с душой, а живут по-бивуачному, на неустройства быта смотрят с усмешкой: ничего, мол, перетерпим, дело временное.

То-то и горе, что временное...

Мы разговорились об этом со Степановым. В самом деле, чем станет совхоз? Пересадочной станцией на пути из школы в институт? Полевой базой шлифовки характеров? Или он вырастит из десятиклассников свои постоянные кадры?

— Закреплять их надо,— сказал Степанов.— А что значит закреплять? Устраивать им тут хорошую, интересную жизнь.

Да, устраивать. Когда парень делит койку с приятелем, а в комнате живут еще шестеро,— вряд ли они почувствуют себя постоянными жителями совхоза! И если они не могут кормиться в столовой, а ходят на поклон к добровольцам-поварихам,— и это вселяет чувство «временности». Нет, конечно, юношеская стойкость — хорошая вещь, но, ей-ей, не стоит ее испытывать неустройствами быта!

Значит, быт, быт прежде всего! А культура... Конечно, десятиклассники сами принесли в совхоз культуру: их самодеятельность заслужила доброе имя в крае,— ну, а им-то самим нужна добавочная порция культурных благ? Понимают ли деятели, ведающие культурой и искусством, что теперь-то, с приходом в совхозы и на стройки десятиклассников, изменилась аудитория? Ее уже не накормишь «дикой» концертной бригадой, не насытишь шпагоглотателями, которые, кстати сказать, еще рыскают по целине, заполняя вакуум, образовавшийся из-за инертности деятелей искусства.

А учение? Ну, положим, десятиклассники сами с охотой пойдут по пути Тамары Казанцевой. А где тут, на целине, условия для заочного обучения? Не пришла ли пора подумать об учебно-консультационных пунктах в совхозах? Это же не новость! В Павловском районе, на Кубани, два года действует такой пункт, и доярки и трактористы получают высшее образование, не выезжая из станицы. Но почему такие пункты — редкость? Не прозевают ли товарищи из Министерства высшего образования массового наплыва заочников, который хлынет, вотвот хлынет во все институты?

Мы сидели со Степановым, и он, глубоко задумавшись, постукивал пальцами по столу.

— Интересно выходит,— сказал он,— не успели мы разрешить одну задачу: призвать молодежь на производство,— а вот она и другая задача на пороге: закреплять...

Уже на пороге! Сегодня, как и вчера, мы хлопочем о том, чтобы десятиклассники шли на заводы, на стройки, на целину, но ведь они уже идут! Идут массово! Так не пора ли и нам перенести огонь на новые рубежи?!

— Одну минуту! — поднялся Степанов.— Посмотрите в окно.

По совхозной улице на полной скорости катился небольшой краснобокий трактор. За рулем важно, слегка откинувшись назад, восседал коренастый, широколицый парнишка. Утром я видел его. Это был парень с интересной фамилией — Вольных. Он только что окончил школу, явился в совхоз и на третий день оседлал трактор.

— Ишь, как красуется!— засмеялся Степанов.— Нарочно проехал под моими окнами. Вот так они и входят в жизнь!

Волшебный ЦИНКОГРАФ

...Взметая облако пыли, приземляется самолет. Испытания закончились, и летчиков, разумеется, сразу же окружают фоторепортеры, которые потом мчатся в редакции газет и журналов, чтобы быстрее поведать миру о рождении новой машины... Проявив верх оперативности, они положат на стол редактора готовые, чуть влажные снимки.

А когда их увидят читатели? Через час? Два? Увы, гораздо позже. Чтобы размножить иллюстрацию на печатной машине, необходимо клише. А сделать его не так-то просто. В процессе его изготовления участвуют рабочие высокой квалификации: фотограф, копировщики, травильщики, граверы,— нужна дорогостоящая аппаратура.

А нельзя ли поручить их обязанности какой-либо умной машине?

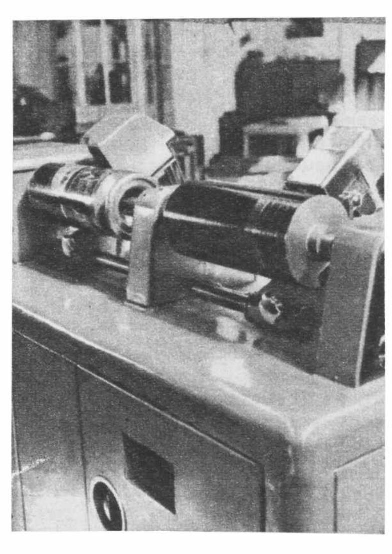
...Мы в лаборатории электронной автоматики Института полиграфического машиностроения. По одному названию можно догадаться, на какой основе ее научные сотрудники создавали ту чудесную машину, которая полностью заменяет кропотливый труд цинкографа. В 1956 году здесь был создан опытный образец электронного гравировального автомата «ЭГА».

Вот оригинал и несколько отпечатков. Их трудно различить, настолько они похожи! Автомат перенес на цинковую пластинку все оттенки фотографии. Даже на пористой оберточной бумаге клише, изготовленное автоматом, давало отчетливый оттиск.

Чтобы увидеть автомат в работе, мы побывали на Московском экспериментальном заводе полиграфического машиностроения, где осуществляется его серийное производство. «Волшебник» оказался внешне простым. Одетый в железный корпус, сверкающий нитролаком, он напоминал холодильник, только сверху были два валика. На левом закрепляется иллюстрация, на правом — цинковая пластинка. Впрочем, она может быть алюминиевой, медной, пластмассовой. Над валиками склонились две головки — два гнома, которые работают в тесном содружестве. Это фотоэлемент и режущая система. Повинуясь приказам — сигналам фотоэлемента, — острый резец послушно наносит на цинк штрихи. Проходит 15 минут — и клише готово.

Автоматы «ЭГА» можно встретить в типографиях Москвы, Киева, Вильнюса, Магадана, Ногинска. Но и заявок на них множество. Чтобы снабдить типографии страны такими автоматами, требуется не меньше пяти лет. Заводы полиграфического машиностроения в Москве и Одессе не справляются с многочисленными заказами. В этом году они выпустили всего лишь 190 машин.

С. НИКОЛАЕВ

Гравировальный автомат.
Фото А. Новикова.

КРИШАН ЧАНДАР

Рассказ

Рисунки А. ВАСИНА.

ГОВОРЯТ, ЧТО ЛЮБОВЬ СЛЕПА

Первое, что я понял тогда и о чем хочу сказать вам в самом начале моего рассказа, чтобы потом не вышло недоразумений,— это вот что: я стал испытывать нечто вроде ненависти к слову «любовь», к понятию «любовь», к названию «любовь».

Во-первых, в Индии не существует любви. Исчезла она, исчезла, как многие другие вещи, которым следовало бы существовать. Возьмите хотя бы индусов и мусульман. Говорят, что есть индусы и мусульмане. Да по-настоящему ни один из них не индус и не мусульманин. Или вот еще говорят: индийцы — древний народ, а Индия — страна многовековой культуры. Это все так, а вы посмотрите, до чего измученный народ живет в этой стране. И любовь в нашей стране находится в таком же состоянии. Я утверждаю, что в этой стране вообще нет любви, а если где-нибудь и есть, то настолько неживая, настолько приниженная, настолько уродливая, изломанная и наводящая тоску, что уж лучше самая жгучая ненависть, чем такая любовь.

За примерами недалеко ходить. Вы только посмотрите на тех, кто любил друг друга в этой стране: Хир и Ранджха, Сохни и Махинвал[1] и много, много других. Посмотрите на них. Вы увидите, что над всеми как будто тяготеет злой рок, их мучает трусость и чувство безнадежности. И любовь их какая-то болезненная, чахоточная. Вот уж умирает человек, а в любви не признается, слова «любовь» ни за что не произнесет, о своем желании не скажет. Смелости не хватит. Тоскует влюбленный в разлуке со своей возлюбленной, тает, как воск, а возлюбленная никак не решится сказать ему: я тоже люблю тебя, давай убежим куда-нибудь.

Ранджха стал нищим, нанялся пасти буйволов, Афзал-хан сварился в железном котле, но ни у одного из этих ослов не хватило пороху взять и сказать попросту: дескать, знаешь, дорогая, я тебя люблю, помоги мне. Ну посмотрите сами, как глупо и никчемно любят в нашей стране! Ох, хоть бы научились у нас поменьше любить и побольше ненавидеть, может, хоть тогда бы мы сумели построить социализм!

Меня же любовь доконала. Ни в одной стране, ни в одном уголке мира ни один человек не любит своих врагов, а если найдется такой, что любит, то это непременно индиец. В стране, где змей поят молоком, все что угодно может быть. Да, впрочем, все это не мое дело, господин. Я просто рассказываю одну историю. Рассказ мой — на две минуты, какое мне дело до двухтысячелетней истории Индии! Я ведь о любви упомянул только потому, что собираюсь рассказать вам историю одной любви. Это рассказ об одном сборщике налогов из нашей деревни и о Чхабели, девушке, которую он любил. Сказать по правде, этот господин был влюблен во всех молоденьких девушек в нашей деревне. А как они к нему относились — это другой вопрос. Я знаю, что он влюблялся не только в молоденьких девушек или в маленьких девочек, но и в девочек, которые еще должны были родиться. Я до сих пор помню, что он сказал по поводу Пару, беременной жены деревенского кузнеца.

Было утро, и небо было обложено серыми облаками, звонко пели птицы в ветвях манговых деревьев, трава была усеяна тысячами капелек росы... Короче говоря, представьте себе, что весь воздух был напоен стихами Джоша Малихабади[2]. Вот в такое утро мы с господином сборщиком налогов вышли на прогулку. Гулять поутру очень полезно для здоровья: дышишь свежим воздухом, у лестницы, что спускается к воде, толпятся девушки, можно полюбоваться на них. Я не знаю, для чего этот господин ходил гулять каждое утро, я лично гулял исключительно с целью укрепления здоровья. Кроме того, конечно, приятно прогуливаться по деревне с самым большим начальством, которому люди так низко кланяются... Да, так я забыл рассказать, что тогда сказал господин сборщик налогов о Пару.

«Миян,— обратился он ко мне.— Видишь Пару? До замужества она была недурна.— И добавил после продолжительного молчания:— У нее должна родиться красивая девочка...»

«Значит, этот господин любит девочку Пару,— подумал я,— девочку, которая еще не родилась. Что ж, это хорошо: девочка родится, подрастет, станет девушкой... В один прекрасный день господин сборщик увидит ее и почувствует, что взгляд ее, подобно стреле, ранил его сердце... Ничего хитрого нет в том, чтобы полюбить девушку, а вот начать любить ее прежде, чем она родилась,— вот это здорово!» Я не представляю себе человека, который больше подходил бы для этого, чем господин сборщик налогов. А если вы представляете, то можете продолжать рассказ сами.

Так вот этот господин влюбился в старшую дочь деревенского сапожника — Чхабели. Это была настоящая любовь. Правда, до этого он уже был влюблен в нескольких девушек в нашей деревне и тоже по-настоящему, но потом как-то оказалось, что та любовь была не настоящей. Но теперь он мне сам сказал: «Ты знаешь, я по-настоящему влюбился в эту девчонку из низшей касты».

Господин сборщик налогов был женат три раза и поочередно испытывал любовь к своим трем женам. После смерти последней из жен он начал влюбляться и влюблялся по-настоящему во всех девушек округи. В поисках любви он доходил до отдаленных деревень, а однажды чуть не дошел до тюрьмы, но деньги вовремя выручили его.

Вообще-то в этой стране многие умеют любить по-настоящему; вся беда в том, что не у всех есть деньги, а настоящая любовь только тогда может быть успешной, когда у человека есть деньги. В этом особенность настоящей любви. Вот если бы у вас были деньги, вы бы сами увидели, сколько нашлось бы желающих полюбить вас настоящей любовью. Ну, а если денег нет, то в этой стране любить по-настоящему небезопасно.

Я и сам заглядывался на Чхабели, но я был учителем в деревенской школе, я был человеком, призванным охранять мораль моих учеников, а, по мнению деревенских жителей, хорош лишь тот учитель, который и на мужчину-то не похож. Они считают, что учитель не может влюбиться, потому что если он посмеет это сделать, то это потрясет основы деревенской жизни и будет угрозой для нравственности детей. Именно поэтому, когда я стал школьным учителем и воплощением доброты и учености, мне пришлось перестать влюбляться в девушек. Единственное, что я

[1] Хир и Ранджха, Сохни и Махинвал — герои пенджабского народного эпоса.

[2] Джош Малихабади — один из виднейших современных индийских поэтов (род. в 1894 году).

позволял себе, — это смотреть на них. Где это сказано, что молодому, здоровому и сильному парню нельзя даже посмотреть на девушку! Вот я на них и смотрел... Чхабели я любил, но где это видано, чтобы деревенские жители позволяли любить учителю!

Каждое утро мы с господином сборщиком налогов отправлялись на прогулку и иногда встречали Чхабели у лестницы, ведущей к реке, или на опушке леса, где никого, кроме нас, не было. Мне очень нравятся романы, в которых описывается свидание влюбленных на берегу реки или ручья или где-нибудь на опушке леса... Мне хочется перечитывать такие романы снова и снова. Вы только представьте себе, что это вы сами встречаетесь с той, кого вы любите, на берегу реки или на опушке леса. От одной этой мысли сердце прыгает в груди. Правда ведь?

Вы, писатели, и наживаетесь на этой нашей слабости и в каждый свой роман хоть одну такую сценку, да вставите. А мы, дураки, потом читаем эту сценку и перечитываем и создаем вам популярность.

Так вот иногда мы встречали Чхабели одну на опушке леса, или у лестницы, ведущей к воде, или на дороге. Я уже сказал, что только издали заглядывался на нее, вот и приходилось довольствоваться этими взглядами. Господин сборщик не только смотрел на Чхабели, а и заговаривал с нею, шутил, смеялся и старался как-нибудь прикоснуться к ней — так всегда делают, когда любят по-настоящему. Чхабели обычно отвечала на все это нетерпеливым жестом, сердилась и отворачивалась и никогда не позволяла прикоснуться даже к краю своей одежды. Он был крайне недоволен этим и говорил: «Дрянь такая, ломака! До задницы даже не даст дотронуться».

Тем не менее он продолжал любить ее понастоящему: дарил подарки, серебряные кольца, разные шелковые тряпки, тисненные золотом сандалии, которые делал ее собственный отец, разные монеты — иногда золотые чеканные кружочки, иногда серебряные кусочки, иногда кусочки серебра пополам с никелем, но все это были деньги. Отец Чхабели был очень умный человек. Он брал эти деньги и понемногу расплачивался ими с деревенским лавочником, выкупил землю, которая была в закладе у самого господина сборщика налогов, отремонтировал свой глинобитный домик, и в то же время он не дал и волоску упасть с головы своей дочери.

Разве вы найдете такого отца среди буржуа? Эти люди до изнеможения кричат о своей чести. Когда же они видят, что никакой надежды на спасение нет, они посылают своих дочерей на улицу торговать честью, а сами умирают, оплакивая их память. Таковы уж эти люди, лживые, непрактичные, обманывающие даже самих себя.

Отец Чхабели был человек другого склада, да и сама Чхабели была другой: они были бедняками. В них не было достоинств буржуа, и они не умели мыслить, как люди среднего класса. Эти люди выросли среди бедняков, которым каждый день приходилось сталкиваться с господином сборщиком. Так продолжалось в течение столетий, и они научились бороться против него. Они знали поражения, знали победы и уж, во всяком случае, могли разбираться в обстановке лучше, чем кто-либо другой. Ваш покорный слуга во всем этом никак не мог бы разобраться. Вы — дело другое, вы, конечно, можете, потому что ваши дочери растут дома, учатся в школе, выходят замуж за клерков и не зависят от всяких сборщиков, по крайней мере, непосредственно не зависят.

Так вот скоро все узнали о любви этого господина к Чхабели. Девушки начали петь насмешливые песенки, пастухи — свистеть. Господин сборщик думал о Чхабели день и ночь. Он похудел и пожелтел, часто его рвало по утрам, как это и бывает при настоящей любви. Правда, некоторые влюбленные умирают от любви, но господин сборщик довольствовался рвотой. Во всем была виновата хитрая девчонка Чхабели: несмотря на все подарки этого господина, несмотря на правдивые заверения и настоящую любовь, она не давала ему и пальцем до себя дотронуться. Знала о настоящей любви господина сборщика и все же отвергала ее, желая, чтобы этот господин на ней женился.

Женился? Почему вы вздрогнули? Разве всякая любовь не стремится завершиться свадьбой? На небесах или на земле свадьба означает, что мужчина и женщина живут вместе и другие не говорят об этом плохо. Если бы это можно было устроить без свадьбы, то, конечно, людям не было бы никакой необходимости жениться, но из-за людской глупости без этого обойтись нельзя, поэтому Чхабели и настаивала, чтобы господин сборщик на ней женился. Он же настаивал на свободной, настоящей любви и говорил, что где два сердца, понимаете, два сердца, две души встретились, туда смотрит сам бог, и поэтому в свадьбе нет никакой необходимости, ну и все в таком духе. Однако ему никак не удавалось убедить Чхабели, и в результате он так и оставался при своей настоящей любви.

И все же в один прекрасный день господин сборщик согласился жениться на Чхабели. Если вы помните, вся история тянулась два с лишним года, и он был так измучен своей настоящей любовью, что решился на все, только бы завладеть этой девушкой. Он готов был принести ей в жертву самое дорогое, что у него было,— он готов был истратить на нее бо́льшую часть своего богатства. Свадьба была для него обычной вещью. Сначала он, правда, колебался: сборщик налогов, и вдруг женится на дочери сапожника,— но настоящая любовь заставила его решиться. Если императоры из династии Великих Моголов женились на рабынях, а один махараджа женился даже на девушке-рыбачке, то почему не может господин сборщик поступить так же, почему не может он жениться на Чхабели?

Когда господин сборщик налогов подготовил к этому решительному шагу свои религиозные чувства и свою совесть, начались приготовления к свадьбе. Все были потрясены. Если бы на месте сборщика налогов был кто-нибудь другой, его, наверное, просто выгнали бы из деревни, но этот господин был хозяином деревни и хозяином денег — золотых и чеканных кружочков, и серебряных кусочков, и кусочков серебра пополам с никелем... Все восхищались благородным поступком господина сборщика и его настоящей любовью. Почему-то всегда, когда богатый человек женится на бедной девушке, повсюду разносится молва о его благородстве, а вот если бедняк вздумает жениться на богатой, весь мир восстанет против него. В обоих случаях мы видим настоящую любовь, и вся разница только в том, что в первом случае есть еще и деньги, а во втором — одна только любовь.

Чхабели поставила условие, что до свадьбы господин сборщик должен выплатить ее отцу шесть тысяч рупий. Сначала ему это очень не понравилось, и, если бы в сердце его не пылала настоящая любовь, он бы наверняка отказался, но он этого не сделал и дал ей потихоньку деньги, чтобы она передала их своему отцу. Это было за день до свадьбы.

В день, когда должна была состояться свадьба, Чхабели исчезла из деревни, исчезла, ну, точно сквозь землю провалилась! Когда господин сборщик узнал об этом, он упал в обморок — сказалась настоящая любовь, — а потом, придя в себя, начал неистово ругаться и грозить полицией. Сыграло ли роль то, что он был сборщиком налогов, или опять же сказалась настоящая любовь, — этого я не знаю. Отец Чхабели тоже был вне себя от гнева, потому что девушка отдала ему только четыре тысячи рупий, а сама сбежала, захватив с собой остальные деньги и кое-что из украшений и одежды. Сбежала она не одна, с ней был человек, который не любил ее настоящей любовью, а только позволял себе любоваться ею издалека,— ничтожный раб ваш, деревенский учитель.

В конце концов господин сборщик и отец Чхабели все же нашли нас в отдаленной деревушке. Как бы далеко мы ни убежали, деньги всегда поймали бы нас. Господин сборщик дал врачу взятку, и тот засвидетельствовал в суде, что Чхабели еще не достигла зрелости. Она не достигла еще зрелости — и была беременна, она не достигла зрелости — и была моей женой. Это произошло потому, что, во-первых, так заявил врач, во-вторых, господин сборщик питал к Чхабели настоящую любовь, в-третьих, отец Чхабели не получил своих шести тысяч рупий.

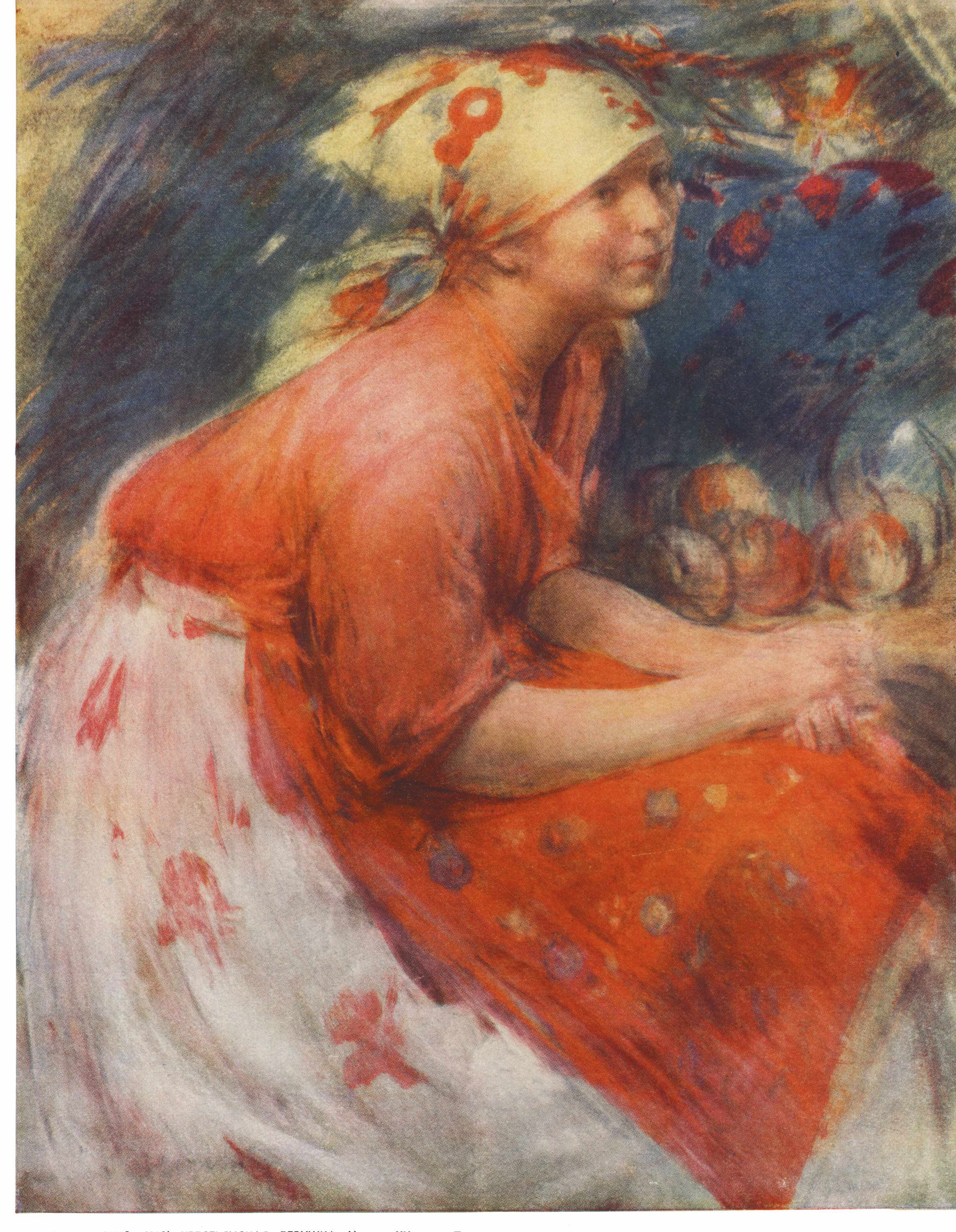
В результате всего этого деревенский учитель был приговорен к трем годам тюремного заключения.

Когда я вышел из тюрьмы, я приехал в Бомбей. В школе преподавать я бросил и сейчас тачаю башмаки. Этим я не подрываю нравственных устоев молодежи и могу заработать немного больше денег. Школьному учителю в деревне платят пятнадцать рупий, а я за одну пару башмаков беру двадцать. Вместе с Чхабели мы можем сделать в месяц пар десять — двенадцать. Дочка наша — Альбели [1] — действительно так и брызжет весельем, и жена уверена, что когда она вырастет, то в нее непременно влюбится владелец какого-нибудь завода, и она покажет ему, что такое настоящая любовь.

Перевела с урду М. САЛГАНИК.

[1] Альбели — веселая, жизнерадостная.

А. Е. Архипов [1862—1930]. КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА. Начало XX века. Пастель. **Серпуховский историко-художественный музей.**

А. С. Янов (1857—1918?). В ПРИКАЗЕ. 1879 год.

Серпуховский историко-художественный музей.

В. Д. Поленов (1844—1927). МЕЛЬНИЦА. 1880 год. Серпуховский историко-художественный музей.

В. Е. Маковский (1846—1920). ОХОТНИКИ В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ. Конец XIX века.

Серпуховский историко-художественный музей.

Первый советский танк

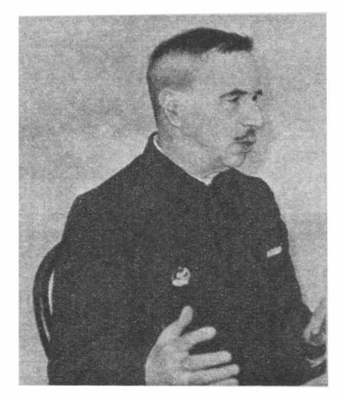

Группа строителей первого советского танка. Во втором ряду в центре сидит И. И. Волков.

Немногие знают о том, что Сормово — родина советского танкостроения. Тридцать восемь лет назад из заводских ворот вышел первый советский танк.

В рабочем поселке Копосово, близ города Горького, проживает один из строителей первого советского танка, ныне пенсионер И. И. Волков.

Иван Ильич — потомственный сормовский рабочий. В годы гражданской войны он воевал против Колчака, плавал механиком на судах, которые перевозили по Волге части Красной Армии.

Иван Ильич Волков. 1958 год.

Молодая армия Страны Советов нуждалась в вооружении, и механик Волков вновь оказался на родном заводе. Руководимая им бригада ремонтирует орудия, одевает в броню автомобили, поезда, дрезины, суда Волжской военной флотилии.

И настал день, когда Волков и его товарищи начали строить первый танк.

— В начале 1920 года,— рассказывает Иван Ильич,— завод получил задание от Владимира Ильича Ленина строить советские танки. Приступать к строительству танков приходилось в исключительно трудных условиях. В стране разруха. Враги со всех сторон наседают. Опыта и необходимой техники нет. Что и говорить, было над чем поломать голову. Однако вера Ленина в рабочего человека вдохновляла сормовичей.

К нам на завод был прислан легкий танк «Рено», захваченный в боях на Южном фронте. Вот, говорят, вам образец. Делайте. А «образец» этот больше походил на груду металла, чем на настоящий танк. В нем отсутствовали все важнейшие узлы. Не было мотора, коробки передач, множества других ценных деталей. Но унывать было некогда. В два месяца нужно было изготовить всю техническую документацию.

Группа инженеров, возглавляемая Н. И. Хрулевым и П. И. Салтановым, энергично взялась за дело. На помощь приехали конструкторы с Ижорского завода. Трудности подстерегали нас на каждом шагу. Начали раскраивать и подгонять броню, а резцы не берут ее. Скользят — и только. Выручил начальник хозяйственного цеха Ф. Г. Ястребов. Он создал резец повышенной стойкости.

Сборка происходила в дизельном цехе. Вместе со мной ею руководили мастера Ф. А. Елистратов, А. А. Чепурнов и другие. Мы ощущали недостачу в материале, инструментах. Но и здесь выручала смекалка рабочих: находили заменители.

В сентябре танк собрали. Это была шеститонная боевая машина длиной в 5 метров, с 4-цилиндровым мотором «АМО» мощностью в 30 лошадиных сил, хорошо бронированная, вооруженная пушкой.

На бортах белой краской вывели: «БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ — ТОВ. ЛЕНИН». Так пожелали назвать мы первый советский танк.

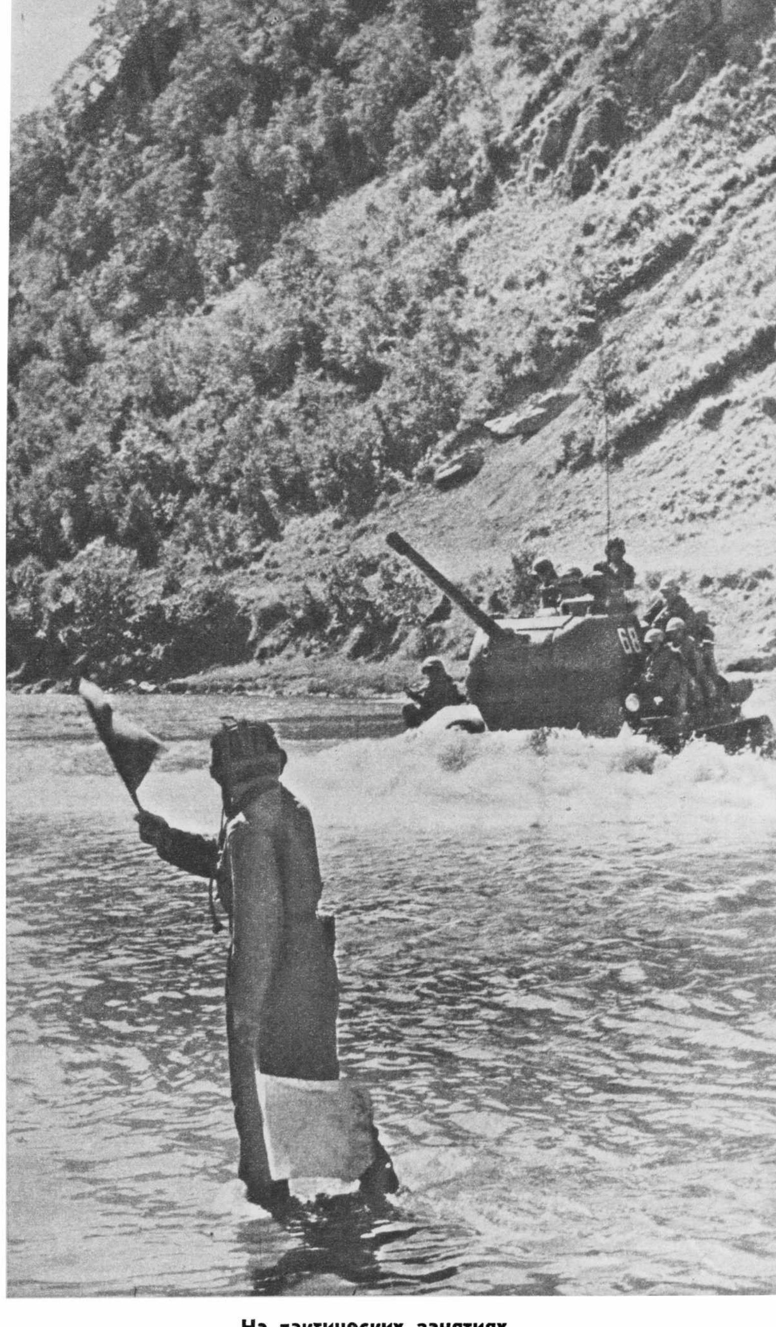
Вскоре настал момент испытаний. Все волнуются: как танк будет управляться, брать скорость, стрелять?

Экипаж — в машине. Танк взревел и медленно тронулся. Раздалось ликующее «ура». Но неожиданно мотор заглох: отказал масляный насос.

Через два дня снова испытание и снова неудача. И лишь в третий раз танк не подвел. Он успешно выдержал экзамен!

Почетное задание Ильича было выполнено. Вскоре танк был отправлен на фронт.

В. ЧИНГУЗОВ

На тактических занятиях.

Фото Е. Удовиченко.

Обелиск на площади

В архив Министерства обороны СССР пришло письмо от комсомольцев 9-го «Б» класса 64-й россошанской средней школы. Они писали: «Занимаясь изучением истории родного города, мы узнали, что Россошь освобождала в январе 1943 года танковая часть, которой командовал полковник Алексеев, родом, кажется, из Полоцка. Он погиб в бою и похоронен на площади, носящей теперь его имя».

Ребята, решив оформить красочный стенд, посвященный танкистам, обратились в архив с просьбой подробнее рассказать о воинах — освободителях Россоши.

Работникам архива пришлось пересмотреть много документов, собрать воспоминания участников минувших событий, чтобы ответить на вопросы ребят.

...В бою обстановка меняется быстро и иной раз совершенно неожиданно. Во время наступления танковая часть вырвалась далеко вперед и оказалась в тылу врага. В распоряжении командира осталось всего 20 танков. Пехота отстала. Остановиться и ждать подхода главных сил? Нет, полковник Алексеев принял иное решение. Вооружив и посадив на машины освобожденных в совхозе Копенкино военнопленных, танкисты начали ночной марш.

Герой Советского Союза И. Е. Алексеев.

На рассвете 15 января Россошь была разбужена лязгом гусениц и выстрелами танковых пушек. По улицам громыхали краснозвездные «тридцатьчетверки», уничтожая панически мечущихся фашистов. Силы противника превосходили силы советских танкистов. Но внезапность, бесстрашие, дерзкий прорыв вызвали растерянность гитлеровцев, стоявших в Россоши.

Алексеев, опытный командир-танкист, понимал: не успеть воспользоваться смятением в стане врага — значит погибнуть. Танкистов-то небольшая горстка!

...Полковник наклонился к радисту.

— Передавайте: Сачко атаковать аэродром. Комбату 305 выдвинуться в район станции... Действовать молниеносно.

Вместе с майором Сачко аэродром, находящийся в трех километрах от города, должны были атаковать танки капитана Малышенко и старшего лейтенанта Цыганка.

Фашисты сразу же заметили двигающиеся в сторону аэродрома советские машины и открыли артиллерийский огонь. Вражеский снаряд зажег машину капитана Малышенко, и тут же пришла еще одна беда: пытаясь переправиться по льду через речку Черная Калитва, утонул танк майора Сачко. Сзади шел Цыганок. На какуюто долю секунды он в нерешительности остановился у реки, только что поглотившей его боевого друга.

— Вперед, Шахватов! — скомандовал он механику-водителю. И тридцатитонная машина осторожно спустилась на лед.

Выдержит или нет? Лед, потрескивая, прогнулся, но выдержал.

Ведя огонь с ходу, танк Цыганка ворвался на аэродром. Гигантскими факелами запылали бензиновые цистерны.

После разгрома аэродрома Василий Цыганок повернул назад. На берегу Черной Калитвы лежала девушка в шинели. Это была санитарка Ира Белова. Она ходила в атаку с десантниками, была ранена, но продолжала перевязывать бойцов. Когда Иру ранило вторично, в бедро, девушка осталась лежать на снегу. Бережно перенес ее старший лейтенант в свой танк.

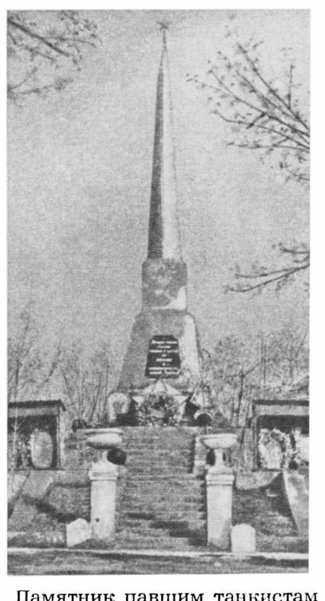
А бой продолжался. Он длился день, ночь и еще день. К исходу вторых суток танки Алексеева израсходовали почти весь запас горючего и боеприпасов.

Наступил тот критический момент боя, когда в атаку идет сам командир, собрав остаток всех своих сил. Машина Алексеева первой достигла железнодорожных путей, и тут же в нее угодил вражеский снаряд. Обугленное тело полковника вытащили из горящей машины и положили на землю. А танки, выполняя приказ погибшего командира, шли вперед. Эшелоны гитлеровцев так и остались на станции: танкисты, захватив ее, удержались там до прихода главных сил. И как-то сразу утихла канонада: бой кончился.

...В братской могиле на площади у вокзала танкисты похоронили павших товарищей и двинулись дальше, на запад. Известие о посмертном присвоении Ивану Епифановичу Алексееву звания Героя Советского Союза застало его часть, ставшую уже гвардейской, на пути к Харькову.

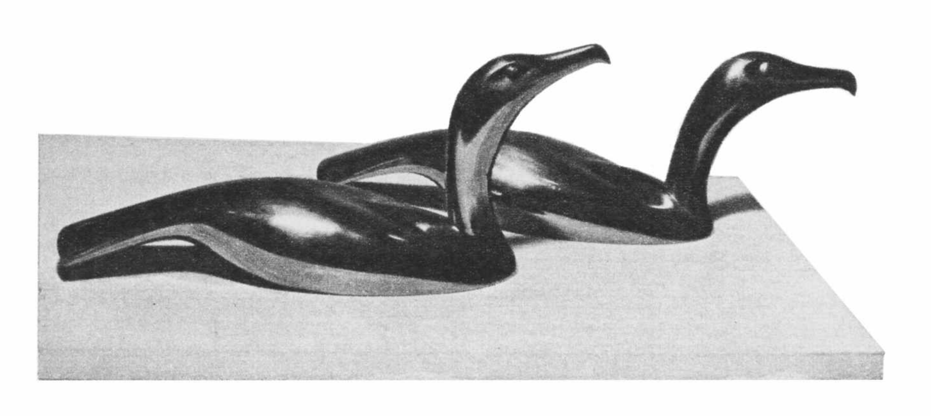
С того времени прошло более 15 лет. В центре Россоши, словно часовой, высится мраморный обелиск павшим освободителям.

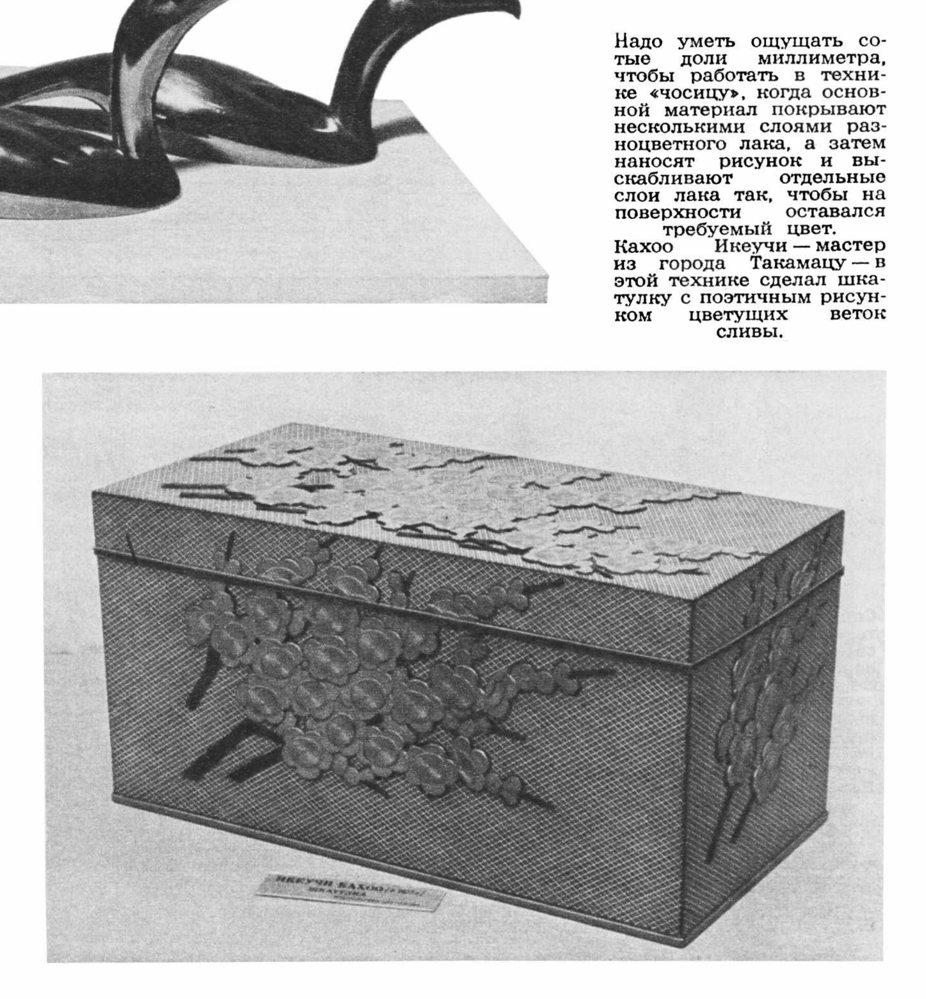
Т. СТЕПАНЧУК,
И. ДЕРГУНОВ,
сотрудники архива Министерства обороны СССР

Памятник павшим танкистам в Россоши.

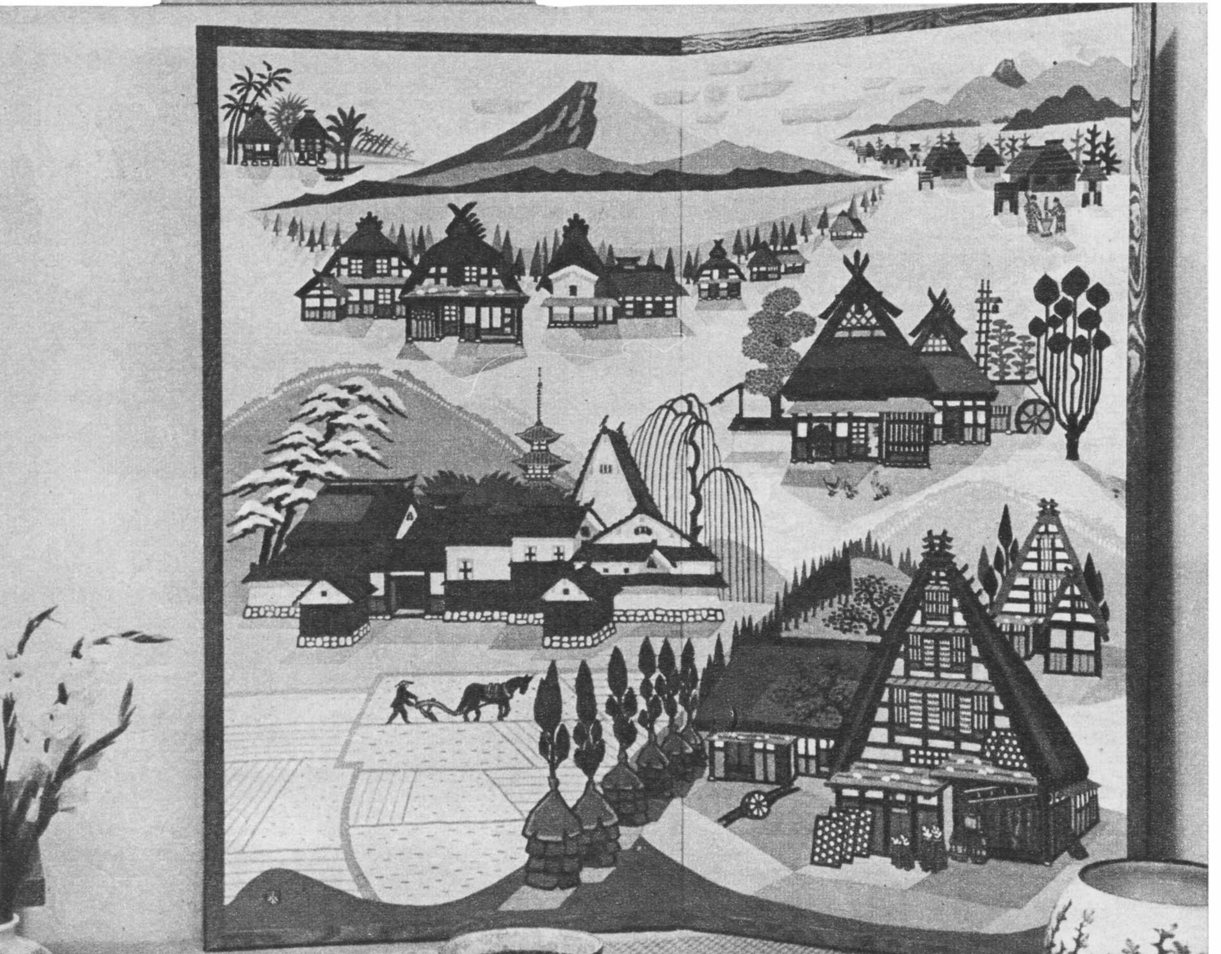

Надо уметь ощущать сотые доли миллиметра, чтобы работать в технике «чосицу», когда основной материал покрывают несколькими слоями разноцветного лака, а затем наносят рисунок и выскабливают отдельные слои лака так, чтобы на поверхности оставался требуемый цвет. Кахоо Икеучи — мастер из города Такамацу — в этой технике сделал шкатулку с поэтичным рисунком цветущих веток сливы.

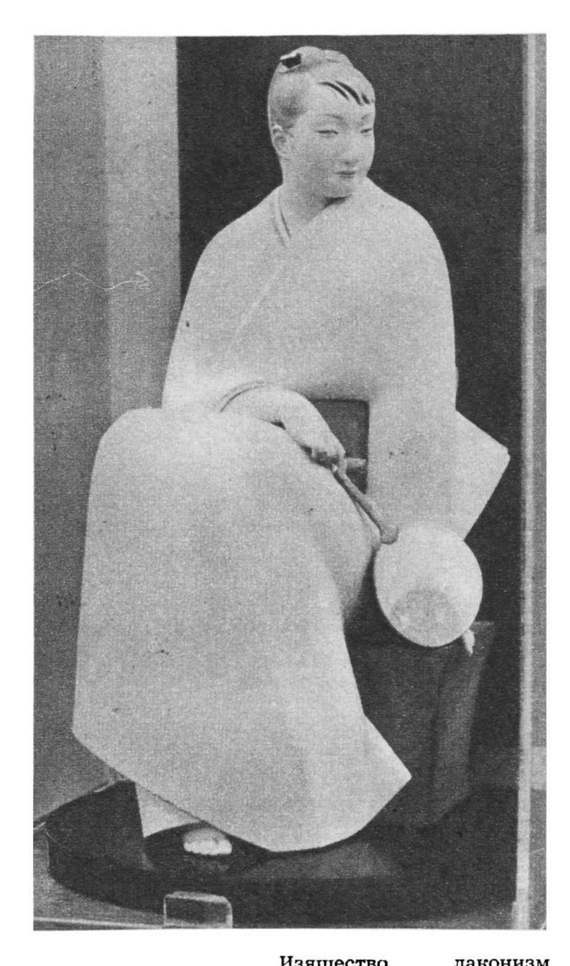
Н. СВЕТЛОВА

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

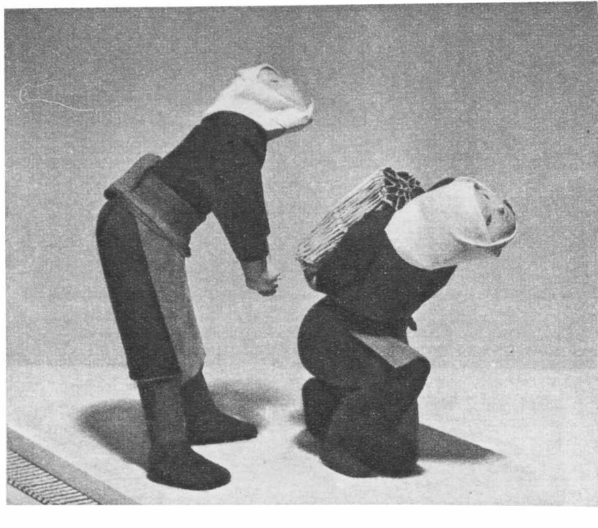
С давних пор в Японии существует выражение: «Снег, луна, цветы». Так лаконично японцы восхваляют красоту своей страны: сверкающий снег зимой, луна, серебрящая последнюю зелень осенью, а весной и летом — цветы, яркие и нежные, всех красок, оттенков и форм. Народ Японии любит природу, и его мастера в своем творчестве не прибегают к гиперболам и стилизации. Не меняя существующей в действительности формы, они необыкновенно внимательно стараются передать совершенную красоту созданий природы: цветов, деревьев, птиц, рыб, животных. С превосходным чутьем и вкусом выявляют художники своеобразие и красоту материала, в котором работают, будь то дерево или фарфор, бамбук или шелк, медь или серебро. Искусные пальцы и точ-

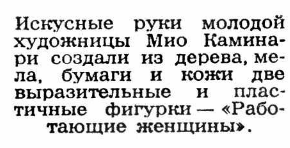

Ширма — традиционная принадлежность японской комнаты. Известный мастер по росписи тканей Таидзо Минагава черпает сюжеты для своих произведений из жизни народа Японии. «Ширма с изображением домов» поэтично повествует об одном из уголков его родной страны.

Изящество, лаконизм формы и цвета покоряют в этой статуэтке, вырезанной из дерева заслуженным художником Японии Гооиоо Хирата, известным мастером-реалистом, изображающим современных японок в небольших скульптурах и в облике кукол.

Искусные руки молодой художницы Мио Каминари создали из дерева, мела, бумаги и кожи две выразительные и пластичные фигурки — «Работающие женщины».

Старый мастер из города Токио Дзюничиро Иосида создает реалистические произведения в стиле народных традиций. Одна из последних его работ — роспись цветным лаком книжного шкафа, который, без сомнения, может украсить любую комнату.

ный глаз японских мастеров не только показывают красоту самого материала, но и прекрасно воплощают его в художественное изделие.

В 1957 году в Токио была собрана выставка современного японского прикладного искусства.

Эту выставку, на которой представлены совершенные произведения лучших мастеров Японии, Советское правительство приобрело ныне для музеев нашей страны.

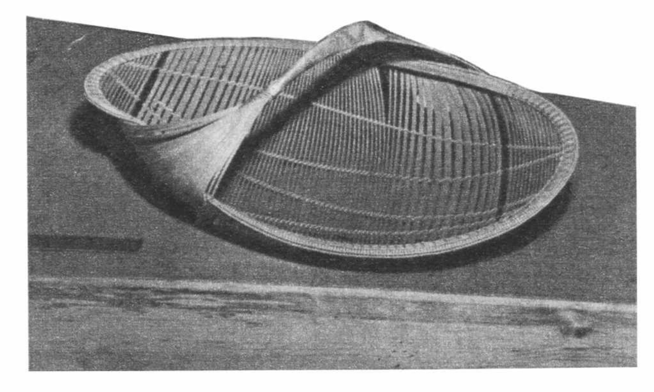
Сейчас в залах Государственного музея восточных культур свободно и красиво расположилась экспозиция из новых приобретений. Сотрудники музея оформили выставку, бережно сохраняя стиль искусства и быта Японии. Обойдя выставку, можно легко перечислить основные предметы, украшающие быт японцев: ширмы, экраны, шкатулки, блюда, вазы.

Но какое фантастическое разнообразие форм, рисунка и цвета! Та же простота и логика, порой неожиданная, которая существует в природе, торжествует в лучших творениях японских мастеров.

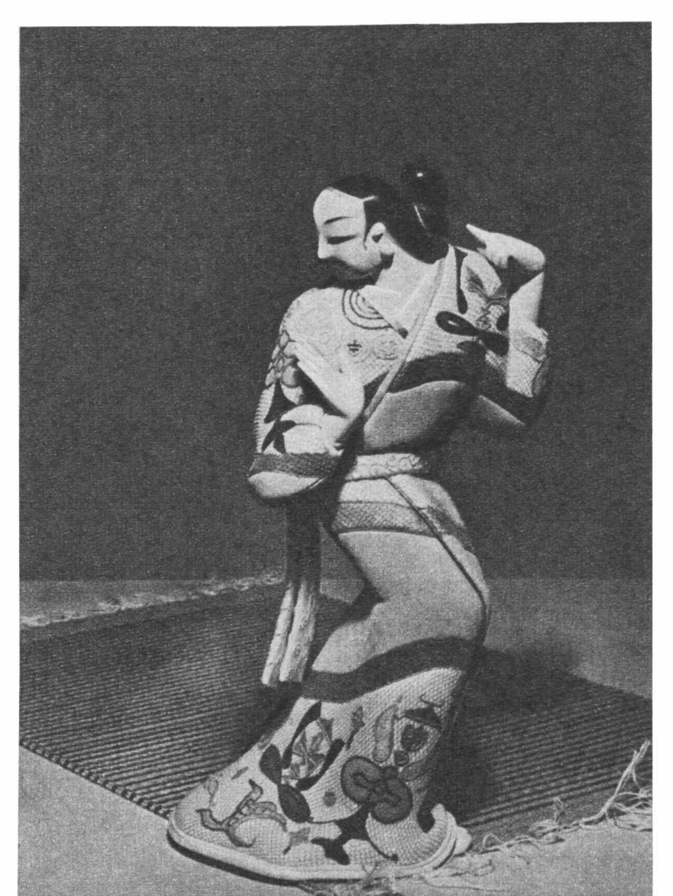
В последнее десятилетие в Японии сложились новые требования к прикладному искусству, его назначению: изделия прикладного искусства не должны служить только украшением! Необходимо искусство мастеров направить на создание утилитарных вещей, предметов, употребляемых в быту, в обиходе. И это направление в прикладном искусстве Японии широко отразилось на выставке.

Строгая комиссия, состоящая из видных деятелей искусства Японии, тщательно отбирала для этой выставки экспонаты. Искусствовед Рюити Осима, специалист по прикладному художественному творчеству, утверждает, что здесь представлены лучшие современные произведения.

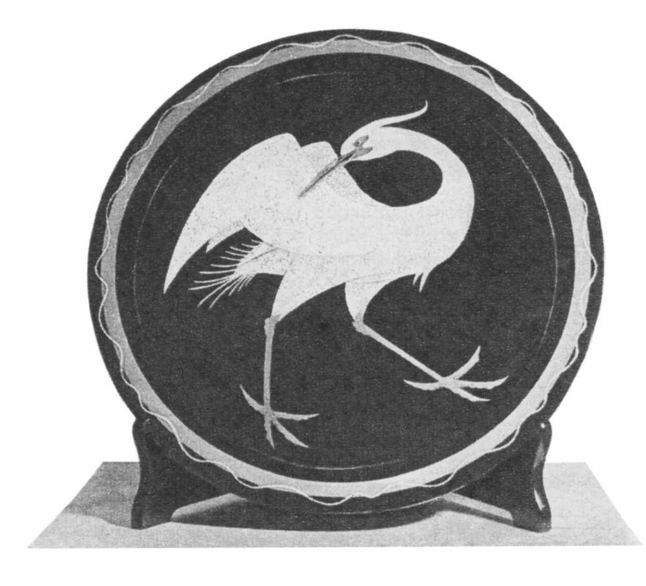
Музей восточных культур из вновь приобретенных произведений организует затем передвижную выставку, которая побывает во многих городах Советского Союза.

Сиооунсаи Сиооно умеет искусно использовать бамбук. Его изделия, сохраняя традиционность, выражают богатство фантазии. По утверждению мастера, форма этого блюда навеяна движением морской волны.

Заслуженная художница Японии Рюудзио Хори славится как мастер «кукол, одетых в кимоно». Ее создания всегда милы и кокетливы.

Интересную технику применяют японские мастера, используя скорлупу от яиц и цветной лак. Так расписал декоративный поднос из искусственного дерева с изображением цапли Сюндзи Муросэ.

Японцы — мастера декоративных игрушек. Безымянные народные умельцы создают чудесные куклы, напоминающие наших матрешек, фантастических зверей, головы которых от малейшего колебания воздуха двигаются и как бы кивают зрителям.

Ташкент встречает гостей

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Недавно в столице Узбекистана закончился международный кинофестиваль стран Азии и Африки. Представители более двадцати стран показывали в Ташкенте художественные и документальные фильмы.

Ташкентские улицы еще сохранили праздничный наряд. Многие зарубежные друзья — участники фестиваля — продолжают знакомиться с культурой и бытом узбекского народа, а город уже готовится к встрече новых гостей.

В первых числах октября в Ташкенте соберутся писатели двух континентов — Азии и Африки. В адрес Азиатско-Африканского подготовительного комитета, который работает в Ташкенте, поступают многочисленные письма и телеграммы от писателей, желающих участвовать в конференции.

Площадь Навои. Здесь, в Театре оперы и балета, состоится открытие конференции писателей стран Азии и Африки.

Первый секретарь Правления Союза писателей Китайской Народной Республики Лю Бай-юй познакомился с председателем колхоза имени Вильямса Г. Азматовым.

— Рад приветствовать вас на нашей земле,— сказал Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР писатель Ш. Рашидов генеральному секретарю Общества африканской культуры Алюну Дьопу.

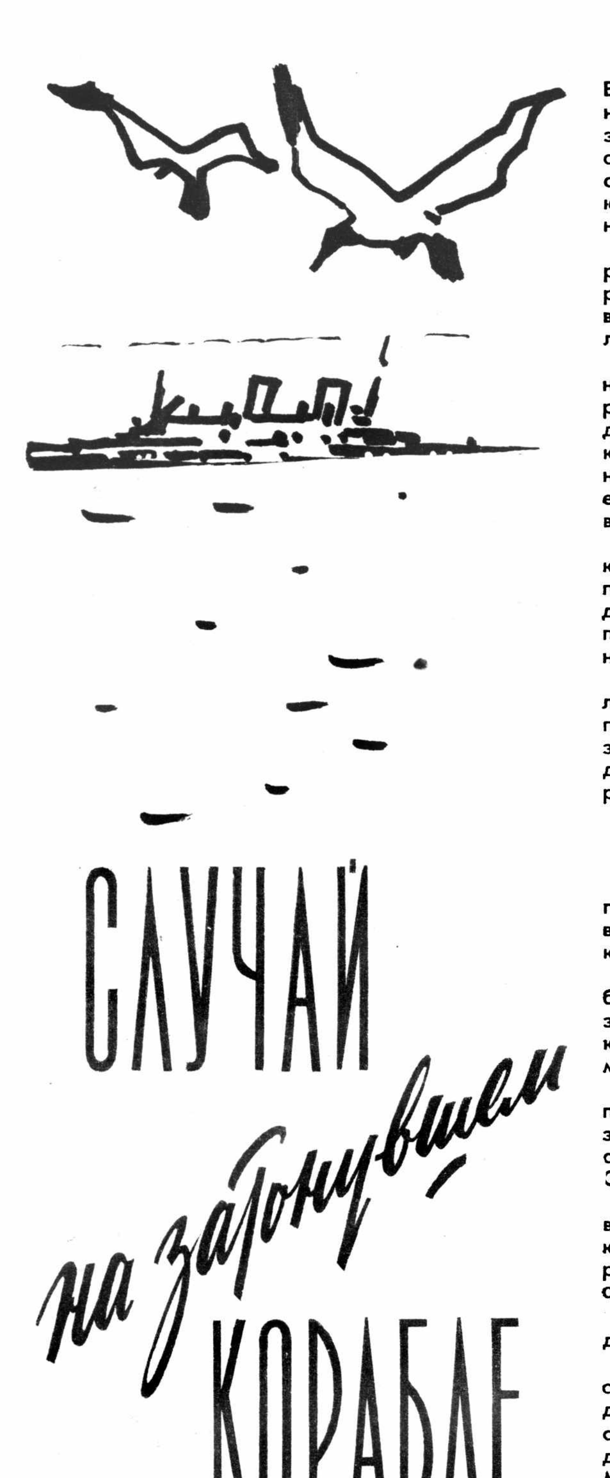
В парке Янги-Юля, близ Ташкента, проходил «Пахта байрами» — праздник хлопка. Зарубежных друзей, приехавших в гости к хлопкоробам, тепло приветствовал член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. А. Мухитдинов.

← Взволнованную речь произнес на митинге хлопкоробов деятель культуры государства Гана Жозеф Одантон.

→ Бирманский писатель У Та Ньюунт (слева), секретарь Союза писателей Узбекистана Б. Р. Рахманов и доктор Бенерагама с Цейлона у книжного киоска.

СЛУЧАЙ на затонувшем КОРАБЛЕ

Рассказ

К. БАДИГИН

Рисунки А. ПОБЕДИНСКОГО.

Над морем летают чайки. Распластав крылья, они лениво кружат в воздухе, высматривая добычу. Иногда птицы смело садятся на странный корабль, неподвижно стоящий на море. Они привыкли к этой безмолвной громаде, возникшей здесь в дни войны. Пронзительно гомоня, чайки усаживаются по закраинам палуб, влетают через разбитые иллюминаторы в пустые помещения, сидят на мачтах, на высоких надстройках.

Океанский лайнер «Меркурий» затонул на небольшой глубине, и море не поглотило корабль целиком. Несколько лет он, словно стальной остров, отражал натиск штормовых волн. Непогоды потрепали корабль: остались без стекол иллюминаторы, спасательные шлюпки, подвешенные на металлических балках, разбиты, погнуты железные стойки и поручни трапов.

Мертво и пусто на заброшенном лайнере. Все ценное: дорогая мебель, ковры, картины, все, что было на верхних палубах, — свезено на берег. И теперь бесчисленные каюты, обширные салоны и рестораны выглядят пустыми и жалкими. Но стальной корпус очень крепок, а затопленные машины почти не тронула ржавчина.

И вот наконец корабль ожил. Веселые моряки заполнили каюты «люкс». Ничего, что роскошные ванны и умывальники не действовали, зато каюты находились на верхней палубе и даже в шторм вода не попадала сюда. Два раза в неделю из порта к «островитянам» приходил небольшой пароходик «Шустрый», привозил почту, пополнял запасы отряда и увозил на берег немногих счастливчиков. Дни в напряженной работе проходили незаметно. А вечером и ночью портовый маяк ехидно подмигивал морякам большим рубиновым глазом.

Шесть месяцев люди готовили огромный корабль к подъему. Круглые сутки стучала топорами боцманская команда. Сотни раз на дно моря спускались водолазы; на большие пробоины они ставили тяжелые пластыри, сотни мелких закрывали пробками и щитами.

Последние сутки пожилой усатый капитан-лейтенант провел без сна. Он сам спускался под воду, снова и снова осматривал каждую заплату на корпусе. Вконец измотавшись, едва держась на ногах, Фитилев разрешил генеральную откачку.

Лайнер медленно всплывал. Издали он был похож на огромное чудовище, изрыгающее воду. Вокруг него, точно покрытое белыми кружевами, пенилось море...

Двум матросам в чистых парусиновых робах, стоявшим на палубе корабля, все было знакомо и привычно. Близко наклонясь друг к другу, они разговаривали под несмолкаемый грохот десятков мотопомп.

— Называется, глотнули свежего воздуха, понимаешь... Дышать нечем, — косясь на сизые облака выхлопных газов, говорил плечистый водолаз Петя Никитин. — Шуму, гаму... Окрест всех чаек распугали.

— А как ты д-думал? Ежели тысячи тонн водички за час откачивать требуется... Ш-шутка!.. Посмотри, ш-шлангов-то батя Фитилев распихал, — слегка заикаясь, ответил Зосима Фролов, друг-приятель Никитина.

Он был небольшого роста, худощав и подвижен.

По бортам лайнера торчали, словно дула орудий, толстые гофрированные шланги. Содрогаясь от мощных усилий помп, они выбрасывали упругие пульсирующие фонтаны. Падая вниз, бурлящие потоки вспенивали воду. Море вокруг корабля кипело как в огромном котле.

— Вот такие-то дела, друг! — выкрикнул Никитин в ухо товарищу. — Сегодня буду на берегу... Прямо с причала в родильный, вызываю медсестру. А она мне: «Поздравляю вас, товарищ Никитин, с рождением сына». Понимаешь? Андрей — сын Петров.

— Почему именно сын?

— А почему бы и не сын?

— Пусть б-будет сын, не хочу спорить. — Фролов посмотрел на море, на небо. — Однако, д-друг, быть в-великому авралу... Небо, смотри... — показал он на черные штормовые тучи.

— Авось, мимо пройдет, мне на берег надо. Пойдем вниз, глянем, как братки трудятся. Мы-то с тобой в ночь отработали.

Большую часть помещений корабля, как раз до кормовых трюмных отсеков, удалось осушить почти полностью. Десятки людей трудились, переставляя тяжелые мотопомпы, перетаскивая толстые «крупнокалиберные» шланги. В кромешной темноте мелькали слабые огоньки «летучей мыши»: электрики разматывали резиновые провода переносных ламп. Боцманская команда расчищала забитые илом и песком многочисленные переходы, ставила времянки взамен сгнивших деревянных лестниц. Работа шла споро, весело. Как не радоваться: всплывает судно, еще поднажать немного — и огромный корабль будет стоять в порту.

Никитин любил бродить в помещениях только что поднятого корабля. Ему казалось, что каждая закрытая дверь прячет тайну. Хотелось ему открыть что-то важное, похороненное вместе с судном на дне моря... Во время своих экскурсий он старался представить себе трагедию, разыгравшуюся на корабле в последние минуты.

На нижних палубах сыро, грязно, скользко. Никитин и Фролов осторожно переставляли ноги, идя по узкому и захламленному коридору, останавливались у дверей, заглядывали в помещения. Голоса людей терялись в лабиринте тесных и сырых коридоров, звучали глухо, как в подземелье.

Трудно было представить, что в этом царстве мрака и сырости не так давно лежали ковры, сияли хрустальные люстры, носились, звеня посудой, официанты в белоснежных куртках, прохаживались разодетые пассажиры, раздавалась музыка...

— Зосим, а Зосим! — окликнул товарища Никитин. — Страшно как-то здесь, под водой и то лучше.

— Запашок! — потянув носом, согласился Фролов. — До печенок пробирает.

На одной из площадок им встретился инженер Тарасов. Обшаривая темноту карманным фонариком, он что-то искал, сверяясь с чертежом, наклеенным на картонку.

Матросы с грохотом катили за ним сварочный аппарат.

Большинство дверей разбухло и не открывалось. В некоторых каютах дверей не было вовсе, иные были полуоткрыты.

— Номер двести восемнадцать, — разобрал Фролов, очистив грязь с белого эмалированного кружочка. — П-посмотрим. — Он потащил в каюту длинный шланг с электролампой.

Там, где были когда-то деревянные, до блеска отполированные койки, покрытые белоснежным постельным бельем, теперь лежали на полу беспорядочные кучи хлама, покрытые пахучей слизью. В углу каюты из мокрого песка торчали ножки разломанных стульев. Вместо стекла в иллюминаторе толстая деревянная пробка с ржавым болтом посредине. С потолка и стен клочьями свисают куски отвалившейся краски, бежит тонкими струйками вода. Полочки, деревянные украшения разваливаются, как только прикоснешься к ним.

Из темноты послышался шорох, будто кто-то легонько царапался. Осветив дальний угол, водолазы увидели большого серого краба, копошившегося в мокром мусоре.

— Гадость, — поеживаясь, сказал Никитин. — Интересно, чем он питается?.. Закрывали иллюминаторы давно, недели три назад. Понимаешь?

В четвертом отсеке покрытые грязью мотористы налаживали помпу. Они торопились; стучали гаечными ключами, разгребали руками песок, тянули шланги.

— Ну, давай, Евсюков, — махнул рукой худощавый узколицый моторист Носенко.

Рыжий Евсюков нажал кнопку стартера, мотор рявкнул и дробно застучал. Послышалось громкое чавканье, шланги стали засасывать воду.

— Петька, — услышал он голос Зосимы, — сюда, брат, давай... Еще одну палубу осушили.

Никитин шагнул вперед. Перед глазами возник черный провал; лестницы не было. Водолазы спустились на руках.

На свету заблестели большие лужи воды; здесь совсем сыро. Со всех сторон слышатся звуки падающих капель. Коридор завален кучами размокших книг, валяющихся в жидкой грязи. Книги расползаются под ногами, сапоги хлюпают, скользят в клейком месиве.

— Смотри, — схватил друга за руку Фролов, — видишь?.. — Он поднял фонарь над головой.

Из кучи разорванных книг, обложек, скомканных листов торчали рыжие сапоги на шнуровке с позеленевшими петлями.

— Чуть не наступил, — выдохнул Петя, отскочив в сторону. — Давай свет сюда! Смотри, и здесь...

Еще несколько поворотов по узким коридорам — и водолазы вышли на широкую площадку. Здесь находились служебные помещения.

Огромный камбуз с электрическими печами

и котлами. Медная посуда валяется на полу из метлахской плитки. На всех тарелках, сковородках и кастрюлях — слой серой слизи.

В обширной кладовке около камбуза—оцинкованные ящики, бутылки с соусами. Множество разнокалиберных консервных банок раскатилось по всем углам.

Сюда успел забраться краснощекий повар Заремба. Он сидел на корточках возле отобранных на кухню продуктов и с аппетитом облизывал ложку.

— Малиновое варенье, — сообщил он водолазам. — Вкусное.

— Спасибо, дорогой, ешь на здоровье, — сказал Фролов.

Дверь в холодильную камеру не поддавалась. Дернув за медную ручку, Фролов вытащил ее вместе с замком.

В буфете — десяток луженых портомоек из красной меди, множество шкафов, подъемные лифты. Пол усыпан осколками фарфоровой посуды; в мусоре — множество мельхиоровых кофейников, тысячи ножей, вилок, ложек. Много чайной и столовой посуды торчало по полкам. Петя увидел совершенно целый, небольшой красивый чайничек зеленого цвета.

— На память Андрюшке, — сказал он, вытирая находку рукавом, — вместе чайком будем баловаться.

— Это какому Андрюшке? — поднял брови Фролов.

— Сыну, — отрезал Петя и посмотрел на часы. — Пойдем-ка, друг, пора мне на берег собираться.

Ровно в девятнадцать часов в каюте командира отряда появился встревоженный инженер Тарасов.

Фитилев, стоя у стола, раскуривал трубку. Сапоги, ватная куртка, брюки и даже волосы — все у него было перепачкано серой липкой грязью.

— Что будем делать, товарищ капитан-лейтенант? — спросил Тарасов. — Всплытие идет медленно. Шторм скоро начнется, крупная зыбь неизбежна. Несколько ударов корпуса о грунт — и наши пластыри полетят к дьяволу.

Фитилев резко повернулся к инженеру.

— Но почему, черт возьми, судно не выравнивается? Что? По твоим расчетам к полудню корабль должен быть на ровном килю, с осадкой не больше десяти метров, а сейчас семь вечера, и осадка... Что?

Фитилев стал с ожесточением насасывать трубку.

— Нос девять, корма тринадцать с половиной метров, товарищ капитан-лейтенант, — уныло отозвался Тарасов, отмахиваясь от едкого махорочного дыма.

— А глубина портового фарватера всего десять метров... Что предлагаешь?

— Немедленно поставить судно в исходное положение.

— Затопить корабль? — привскочил Фитилев. — Нет, дорогой товарищ инженер, рано играть заупокойную. Бросить собаке под хвост столько труда! Нет и еще раз нет... Раз вода не уходит, стало быть, есть где-то дырка, с которой мы с тобой, друг, еще незнакомы. Что?

Фитилев замолк. Трубка захрипела громче.

Тарасов ждал, свесив набок голову. Он немного побаивался грубоватого, хотя и справедливого командира отряда, бывшего водолазного старшину, не стеснявшегося другой раз на крепкое словцо.

— Повреждено днище. Что? — вдруг зарычал Фитилев, раскрыв красные припухшие глаза. — Пробоина! Я ее, проклятую, ясно вижу. Должна быть пробоина. Найти и заделать! Послать лучших водолазов Фролова и Никитина! Буксиры заказаны. К рассвету начнем движение в порт... Выполняйте. Немедленно!

Трубка Фитилева опять угрожающе захрипела.

Оставшись один, он задумчиво покрутил усы, взял со стола замусоленный чертеж «Меркурия», включил электрическую лампочку и усердно принялся что-то мерить и подсчитывать.

— Всплывет, — сказал он, щелкнув пальцами.— Расчеты мои хоть в Академию наук,— нате, старички хорошие, проверяйте...

— Ну, вот и они, как всегда, вместе... Кастор и Поллукс, — обрадованно сказал инженер Тарасов, открыв дверь обширного, в два света, зала.

Когда-то здесь отдыхали пассажиры первого класса, а сейчас хранилось водолазное оборудование и все запасы судоподъемной группы. Салон был отделан мореным инкрустированным дубом. На темном фоне стен выделялись вырезанные из крепкого и белого, как слоновая кость, дерева фигуры древних мореплавателей. Тарасов покосился на викинга Эриксона; в шлеме, в кольчуге под развевающимся плащом, он наклонился, вглядываясь вперед, словно отыскивая в тумане путь своему кораблю.

Тарасову куда больше нравилось спокойное лицо Христофора Колумба в широких одеждах, с картой в руках. Недурно был изваян и скромно опустивший глаза Магеллан с градштоком и еще каким-то замысловатым прибором. Но почему-то в этом салоне Тарасов всякий раз не мог отвернуться от пронзительного взгляда деревянного викинга.

Старшины Петя Никитин и Зосима Фролов курили в углу, усевшись на мешках с паклей. Друзья поджидали «Шустрого», который сегодня запаздывал.

Фролов, попыхивая папироской и заикаясь, с воодушевлением что-то рассказывал другу.

Никитин внимательно слушал, слегка усмехаясь. Он был высокий и плечистый, глаза у него были серые, необыкновенно ясные и добрые.

Оставляя грязные следы на мозаичном полу, инженер Тарасов подошел к друзьям. Матросы поднялись, пряча папиросы в рукавах бушлатов.

— Значит, собрались на берег, товарищ старшина? — спросил Тарасов.

— Так точно, по вашему разрешению, товарищ старший лейтенант, — отрапортовал Никитин.

— Видите ли, какое дело... — тянул Тарасов. Он не любил отменять своих распоряжений. Покосившись на водолаза, он опять перевел взгляд на викинга в темной нише.

— Вот так, значит. Отставить берег, товарищ старшина.

Никитин испуганно посмотрел на Тарасова, добродушная улыбка разом сползла с его лица.

— Но ведь утром вы...

— Да, утром я дал разрешение, а сейчас отменяю.

— Т-товарищ старший лейтенант, — вступился Фролов, — Никитину надо быть на берегу. У н-него жена в родильном, сына сегодня ж-ждет.

— Почему сына? — удивился Тарасов.

Никитин снова улыбнулся, словно был уверен, что теперь, когда старшему лейтенанту известно, почему он должен быть на берегу, все будет в порядке.

Тарасов посмотрел на улыбающегося Никитина и снова уставился на деревянного своего Эриксона.

— Обойдется без вас... — устало сказал он.— Без вас...

— П-правильно, — обрадовался Фролов, — без него обойдемся, я все сделаю.

— Без Никитина, говорю, жена обойдется... А вот я без вас обойтись не могу. Оба немедленно под воду, осмотреть корабль.

Никитин во все глаза смотрел на Тарасова.

— Что? — подражая Фитилеву, резко произнес Тарасов.

— Есть осмотреть к-корабль, — за двоих отчеканил Фролов.

Тарасов присел на табуретку и торопливо, в двух — трех словах сказал, что надо сделать.

— Днище-то в песке было, — закончил он, — поэтому раньше могли не заметить. Он поднялся и быстро пошел к выходу. Створчатая дверь хлопнула.

— Над морем красавица-дева с-сидит;
И к другу, ласкаяся, так говорит:
«Д-достань ожерелье, с-спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!
Ты этим докажешь с-свою мне любовь!»
В-вскипела лихая у юноши кровь,
И ум его обнял невольный н-недуг,
Он в п-пенную бездну кидается вдруг...

Лермонтов, брат, сочинил, не кто-нибудь. — Фролов хитро подмигнул деревянному Христофору Колумбу. — Видишь, вьюношу какая-то дева просила, так он слова не сказал, в воду полез, а тебе не дева, а сам старший инженер-лейтенант Тарасов... Н-ничего, Петя, — успокаивал он друга, — все будет как надо. Жена и вправду б-без тебя обойдется...

— Да-а...— протянул Никитин.— Только вот командир наш, Фитилев, не такие бы слова нашел, если даже и нужно остаться. «Как и что? Как, мол, сына назовешь? Как дома, здоровы?» И сейчас бы вот про жену спросил. Понимаешь? Это точно, спросил бы.

— П-подход другой у командира... А с-скажи, Петька, п-почему ты все сын да сын. А в-вдруг дочка, и в-выйдет, настраиваешь себя по-понапрасну?

— Сын, назову Андреем, — упрямо сказал Никитин.

— Ладно, — махнул рукой Фролов, — пойдем одеваться.

Привязанный к якорю толстой цепью «Меркурий» медленно описывал огромную дугу. Так уж всегда: корабль, стоящий на якоре, стремится повернуть нос против ветра. Изменит направление ветер — и вслед за ним, натянув цепь, немедленно начнет поворачиваться корабль.

Восемь часов вечера. Непроглядная тьма окружает «Меркурий». На поднятых из воды палубах лайнера горят огни. Большая люстра освещает железные трапы, по которым только что спустились водолазы. Мерно постукивают поршни водолазных помп. Мичманы Коротков и Снегирев, надев наушники, настороженно следят за сигналами.

Неожиданно раздается хриплый тонкоголосый свисток: это пароходик «Шустрый» торопится в порт.

Ветер крепчает. По морю непрерывно катятся волны, наседают на борт и чуть-чуть колышут тяжелое тело корабля.

Водолаз Никитин уже не слышал прощального гудка пароходика. Усердно нажимая воздушный клапан, он опускался на грунт.

— Стою на дне, чувствую себя хорошо, — встав на песок, сказал он в телефон обычные слова.

Подвязав крепче мешок с аварийным материалом, подошел к стоявшему рядом Зосиме Фролову и плотно прижал свой шлем к его шлему.

— Счастливо, Зосим! — крикнул Петя.

— Желаю удачи, — прогудело в ответ.

Отсалютовав друг другу фонарями, водолазы разошлись.

На долю Никитина досталась добрая сотня метров толстых стальных листов, добротно соединенных между собой тысячами заклепок. Освещая путь яркой электрической лампой, он

двигался медленно, как всегда внимательно осматривая каждый сантиметр.

— Ушел пароходик, — вздохнул он. — Что ж, ладно...

Он притронулся к оранжевой звезде, примостившейся на выступе старого пластыря; будто протестуя, она пошевелила живыми лучами и загнула их кверху.

— Сын... скоро, сегодня... Может быть, завтра, — повторял он, переставляя в песке пудовые водолазные галоши. — Сын, Андрей.

Над водолазом железной крышей простиралось черное днище, границы его сливались с темнотой и были неразличимы.

Неожиданно Никитин почувствовал толчок, будто кто-то дернул за шлем.

«Зацепили шланги», — пронеслось в голове.

Он быстро повернулся; в упор на него смотрела большая пучеглазая рыбина. Неподвижно застыв на месте, она лениво пошевеливала плавниками. Петя улыбнулся. «Со шлангами, значит, все в порядке, дорогой мой Андрюшка».

Взглянув на клубы мути, медленно расплывавшейся от следов тяжелых галош, водолаз двинулся дальше. Теперь рыбы, большие и маленькие, то и дело мелькали перед стеклами иллюминатора. Их, точно бабочек в теплую летнюю ночь, манил свет фонаря.

«А где же дыра?» — Никитин почувствовал беспокойство.

Он вынул из брезентового мешка горсть мелких опилок. Увлекаемые течением (был отлив), они дружной золотой стайкой медленно плыли под днищем корабля. Вдруг маленькие разведчики-крупинки, словно притянутые магнитом, стремительно понеслись вперед и закружились на одном месте.

«Есть, нашли, голубчики, — обрадовался Никитин, ускоряя мерный свой ход. — А-а-а, вот оно что, заклепки выпали. Невелика беда», — рассуждал он, нащупав светом фонаря две крупные дырки в шершавом днище.

Стайка опилок, втянутая водоворотом, мгновенно исчезла в чреве корабля. Заколотив вместо выпавших заклепок две сосновые пробки, Петя выпустил в воду новую порцию опилок. Но теперь они повели себя иначе: стремительно метнулись вперед и мгновенно исчезли.

Никитин почувствовал, будто его легонько подталкивают в спину. Сделав еще два шага, он увидел, что мешок у него в руках сам по себе, как живой, потянулся куда-то кверху. Впереди, вытянувшись гирляндой, заплясали прозрачные пузырьки воздуха.

«Эге-ге, — догадался водолаз, — пробоина близко... Помпы работают, вот и тянут воду».

Он остановился и, высоко держа фонарь, стал шарить светом по днищу. Идти дальше было опасно: вода мощным потоком всасывалась в пробоину, могла затянуть и его.

— Вот она, — увидел водолаз рваные края пробоины. — Ишь, заусеницы выгнулись, о такой ноготь только задень... Рубаху, что гнилую тряпку, распорет...

Даже сквозь шлем было слышно, как глухо бурлит вода в водовороте.

— Товарищ Коротков, — сказал в телефон Никитин, обойдя вокруг зияющего темнотой отверстия, — обнаружена пробоина... Понимаете? Да, большая, нужен пластырь... Иду дальше.

У середины корпуса Никитин, стоя на грунте, доставал стальные листы вытянутыми руками, а здесь, под кормой, ему приходилось пригибаться. Пробравшись к винтам, он увидел, что скуловой частью лайнер почти касается грунта. Здесь колебания корабля были хорошо заметны. Покачивая корабль, волны то подымали, то опускали его. Каждый раз тяжелая корма с глухим скрежетом оседала в песчаное дно. Ветер медленно разворачивал корабль на якоре. Корма, забирая вправо, с каждым ударом входила в песок на новом месте.

Оберегая шланги, водолаз осмотрел корму. Ни пробоины, ни даже маленькой трещины больше не нашлось.

Теперь, когда осмотр был окончен, снова вспомнилось о доме. Ему казалось, что в последний раз он видел свою синеглазую Наташу очень, очень давно. Пополневшая, немного бледная, она сидела у окна и шила крохотную рубашонку.

— Ната-шень-ка, — вслух отчетливо сказал он.

— Повтори, плохо понял, — тотчас же откликнулось в телефоне.

— Это не вам, товарищ мичман, — смутился Никитин. — Иду к пробоине, здесь делать нечего.

Напоследок он еще раз осветил корабль. Над головой нависали огромные винты, черной тенью уходил вверх многоэтажный корпус. Луч фонаря скользнул вниз, потом вправо, пробежал по неровной поверхности дна, вырвал из темноты остов затонувшей шлюпки, витки ржавого троса, выглядывавшие из-под песка. Еще дальше раскорячилась исковерканная шлюпбалка.

А это что? Из грунта, почти под самой кормой, торчал какой-то странный продолговатый предмет.

Сначала Никитин подумал, что это кусок толстой трубы или обрубок дерева. Мало ли таких штук на дне моря!

«Пусть лежит еще сто лет», — решил Петя и собрался было уходить, но задержался, подошел, осторожно, стараясь не замутить воду, осмотрел странный предмет со всех сторон. Яркий свет снова привлек морских жителей; рой мелких рыбешек замельтешил перед стеклом шлема, зарябило в глазах. Никитин взмахнул рукой — мелкота разом шарахнулась в сторону, но через несколько секунд так же дружно снова окружила водолаза. Прозрачная, в кружевных оборках медуза, пошевеливая своим огромным помелом, медленно спустилась откуда-то сверху. Две длинные большие рыбы быстрыми тенями промелькнули над головой.

«Разбудил все морское царство, — усмехнулся Никитин, счищая с шершавой поверхности густо налипшие ракушки. — Что за черт, тут ребра какие-то, — раздумывал он, пережидая, пока осядет муть. — Да ведь это авиабомба! — вдруг догадался он, инстинктивно отдергивая руку. — Подожди, Петя, рано пугаться. В сорок четвертом была пострашнее, а эта бомба выдержанная, ни с того ни с сего не взорвется. Но... но... ведь корма движется!?» Никитин замер и стал наблюдать.

Стальная громада корабля приближалась. Тревожно заколотилось сердце.

«Спокойнее, Петя, — снова сказал себе Никитин, — водолазу волноваться не положено. А вот математикой заняться надо».

Корма судна двигалась по ветру, описывая широкую дугу. Авиабомба лежала как раз на пути, являясь одной из точек этого полукружия.

Взглянув еще раз на исполинские следы, которые оставляла корма, и заметив, что она опускается в грунт приблизительно через каждые две минуты, он прикинул на глаз расстояние до авиабомбы.

«Через шесть минут, — решил Никитин, — корма припечатает эту штуковину... тогда конец... Взрыв!»

В смятении он передал наверх все, что увидел, и тут же хотел дернуть три раза за сигнальный конец, что означало: «Поднимайте меня, выхожу наверх».

Но не сделал этого.

Его остановили четкие удары, раздавшиеся изнутри корабля. Кто-то часто и сильно бил кувалдой.

Никитин представил себе скользкие темные палубы... Две сотни товарищей копошатся, как муравьи, в огромном чреве корабля. Они совсем не думают об опасности, нависшей над ними.

Никитин бросился к бомбе. Он попытался сдвинуть ее, оттащить от кормы, но она не шевелилась, будто вросла в песок.

«Тяжела, — задохнувшись от напряжения, подумал Петя, — не осилить. А если копать?» Он схватил какой-то железный стержень, валявшийся под ногами, и с ожесточением стал ковырять слежавшийся грунт. Руками, точно крот, он отбросил песок, еще разрыхлил, снова отбросил... Еще раз... и налег на лом. Бомба подалась, шевельнулась. Петя почувствовал на спине ручейки пота.

Илистая муть окутала страшную болванку и, клубясь серым облаком, медленно расплывалась в темной воде.

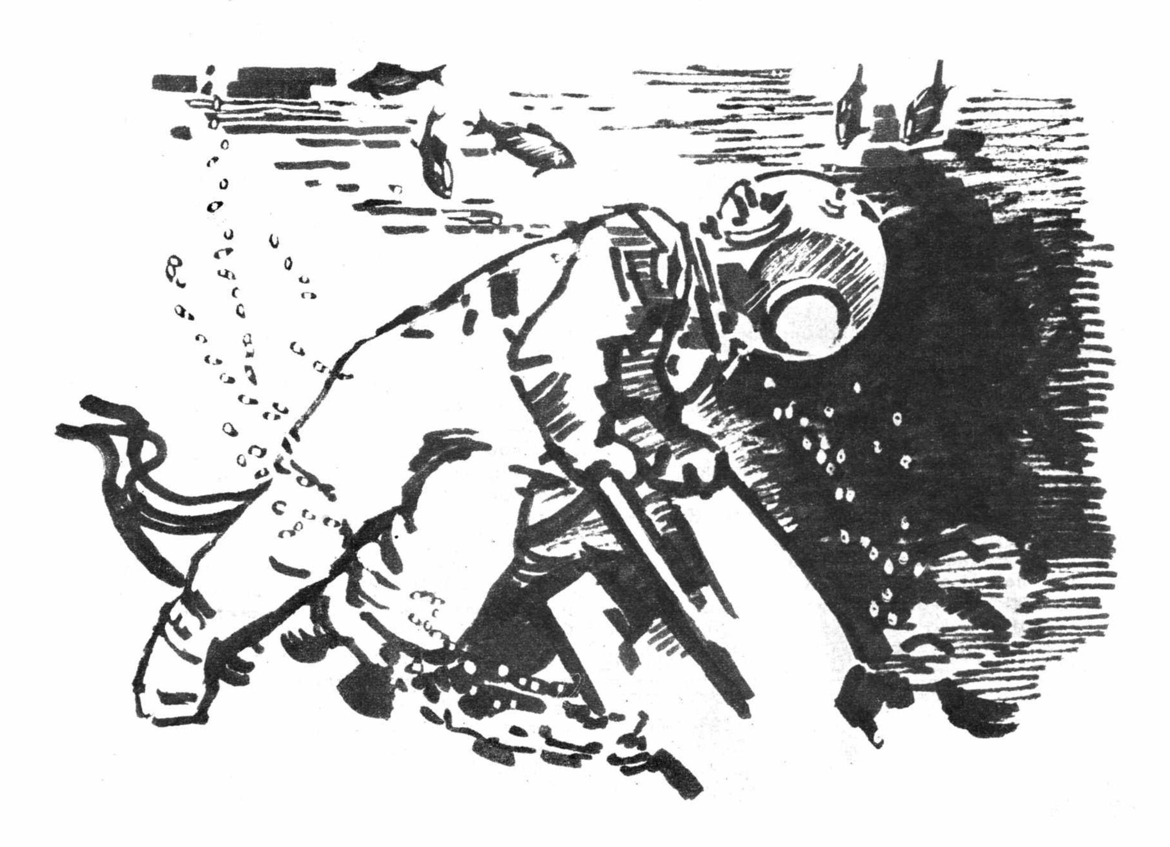
Облапив бомбу, Никитин яростно толкал, расшатывал, боролся с чудовищем, как с заклятым врагом. Все силы напряглись в одном порыве — одолеть!

Ничего не вышло. Оттащить бомбу не удалось. Обессиленный, чуть не плача, Никитин повалился на край вырытой им ямы.

Стайка рыб кружилась возле брошенной на песок лампы. Большой пучеглазый краб выполз на свет, пошевелил усами и, не торопясь, убрался куда-то в темноту.

— Корму наваливает на авиабомбу. Времени осталось пять минут... Никитин предлагает оттащить бомбу лебедкой, просит стальной строп, — торопливо передал командиру отряда мичман Коротков, стоящий на телефоне.

Фитилев, чувствуя необоримую дрожь в коленях, прислонился к поручням. Последние слова мичмана донеслись до него словно сквозь вату. Фитилев рванул вверх рукав, взглянул на часы — было двадцать два часа

ноль три минуты. Через мгновение слабость ушла.

«Водолазов наверх, судно затопить, потом убрать бомбу?» — Длинные усы командира шевелились, как у таракана, попавшего в беду. Он уже раскрыл рот, чтобы отдать команду, но мелькнула другая мысль: «А если затопленное судно сядет как раз на бомбу... Да, так и будет. Только ускорю аварию!»

Фитилев опять взглянул на часы. Прошла минута. Времени для размышлений не было.

Выхватив трубку из рук мичмана, он закричал в микрофон:

— Никитин, сколько до бомбы?.. Да, это я, Фитилев. Что? Четыре минуты?.. Никаких стропов, марш к подъему! Немедленно! Приказываю... Что? — Фитилев почувствовал удар корпуса по грунту и инстинктивно сжался.— Дурак, не разговаривай!.. Снегирев,— приказал он главстаршине у второго телефона,— Фролова наверх... Всех наверх!

Он сунул телефон мичману Короткову, а сам бросился к большому колоколу и ударил тревогу.

Три раза потух и зажегся свет: это электрик, стоящий у дизель-динамо, услышав тревогу, вызывал всех наверх.

Из всех дверей на палубу посыпались встревоженные матросы. Некоторые находились близко, другие поднимались от самого днища корабля. Они бежали перепачканные, мокрые, застигнутые тревогой в пылу работы.

Мимо Фитилева пробежал замполит Кудряшев и затопал вниз по лестницам. Командир понял — проводил его благодарным взглядом.

— Успеют ли? Скорей же, скорей! — Фитилев посмотрел на часы: как быстро движется стрелка!.. Четыре минуты прошло... Еще прошла минута.

Все ли, все ли вышли наверх?

Гулко прогремел взрыв. Оборвалось четкое постукивание дизель-динамо. От внезапно наступившей темноты стало больно глазам. Корабль вздрогнул всем корпусом и, покачиваясь, стал медленно погружаться.

Где-то за кормой с шумными всплесками падала вода, взброшенная взрывом. Ветер донес оттуда тысячи мелких брызг, накрывших палубу проливным дождем.

В кромешную темень корабельного чрева обрушились бесчисленные водопады. Через пробоины, через все щели, обнаженные взрывом, вода неудержимо вливалась внутрь корабля. Она шумела со всех сторон, ревела и била в стенки.

...Замолкли голосистые мотопомпы; утих звенящий шум водопадов.

Только качальщики без устали вращали маховики, поглядывая на стрелки манометров. В наступившей тишине слабые постукивания поршней водолазных помп казались морякам ударами тяжелого молота.

Внизу под водой оставались водолазы Никитин и Фролов.

— Никитин! — раздался неуверенный голос Фитилева.— Никитин!

Оглянувшись, Фитилев увидел сотни глаз, устремленных на него.

— Как люди? Целы все? — отрывисто спросил он.

— Водолаз Фролов идет на подъем, беспокоится, как Никитин, — доложил мичман Снегирев.

Рапорты посыпались со всех сторон.

— Затоплены все отсеки. Мотопомпы, оборудование остались под водой.

— Разрушено взрывом дизель-динамо.

— Сорван с места кормовой пластырь, носовой поврежден...

К Фитилеву протиснулся замполит Кудряшев. Без фуражки, с окровавленным лицом, с волосами, перепачканными грязью.

— Николай Иванович, люди наверху, все. Мотористов Евсюкова и Носенко едва удалось спасти. Только корабль...

— Все исправим,— махнул рукой Фитилев, — вот люди...

Вздохнув, он снова сказал в микрофон:

— Никитин, Никитин!.. Это я, Фитилев. Слышишь меня?

Телефон молчал.

— Да жив он! — уверял себя Фитилев, всматриваясь в манометр водолазной помпы, — клапан-то ведь работает!

Свирепо захрипев потухшей трубкой, он снова сказал в микрофон:

— Никитин!.. Это я, Фитилев...

Корабль, опустившись на дно моря, снова превратился в стальной остров. Волны, ударяя в борт, заплескивались на палубу. А ветер все крепчал. Начался шторм.

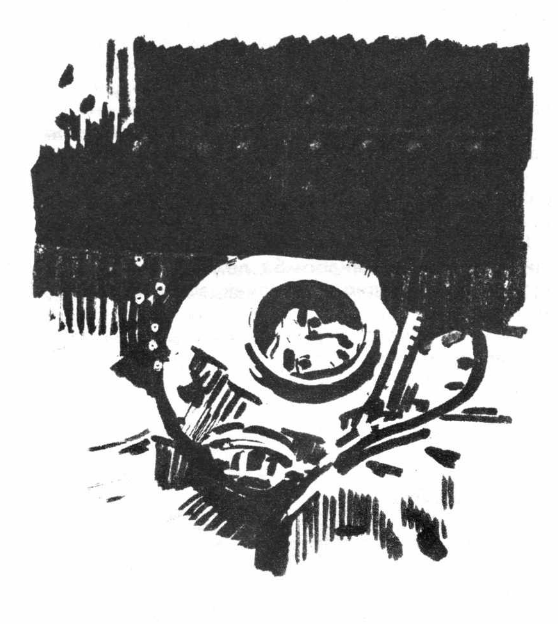
С корабля взлетели вверх одна за другой три красных ракеты. Сигнал говорил: пришлите буксир, нужна помощь.

Взрыв оглушил Никитина, отбросил куда-то в сторону, лишил сознания. С первым проблеском мысли он почти автоматически нажал головной клапан и выпустил лишний воздух. Затем попытался встать. В голове шумело, глаза застилал туман. Ему удалось подняться на колени. Шлем упирался во что-то твердое, неподвижное. Лампочка не горела, густой мрак окутывал водолаза.

«Корабль... Взрыв...— припоминал Никитин. — Затонул корабль... На грунте стоит. Но где я?»

Он рванулся вперед, ощупывая стальные листы руками; всего два метра — и руки водолаза встретили песок. Кружа, он пополз дальше, тыкаясь то в песок, то в железо. Наконец, нащупал свои шланги, застрявшие в плотном грунте.

И теперь он все понял. Взрывом его отбросило в небольшое углубление песчаного дна, а сверху лег корабль... Как просто. Если бы не эта ямка... И он представил себе стальную махину в несколько десятков тысяч тонн, неотвратимо опускавшуюся на человека.

Никитина охватил страх. Затуманилось сознание, и он провалился в черную безмолвную пустоту.

Тихо и темно. Совсем тихо и совсем темно. «Хоть какой-нибудь звук! Чертова тишина», — подумал Никитин, когда снова вернулась мысль. Страшно остаться одному в беде... Ведь и раньше бывали трудные минуты, но таким одиноким и беспомощным он никогда себя не чувствовал.

«Слово бы услышать, одно слово,— повторял он, напрягая слух.— Нет, ни звука». Сигнальные концы накрепко зажаты судном. Но ведь воздух поступает непрерывно... Значит, о нем помнят?

Но вот все вокруг Никитина сразу наполнилось странными звуками. Заскрипел песок, придавливаемый тяжелым корпусом. Песка будто становилось все больше и больше. Скрип перешел в скрежет. Оседавший песок мягко подталкивал водолаза. Через несколько мгновений все стихло.

Никитин попытался встать, но шлем сразу уперся в днище корабля. Лежа на спине, он рукой легко доставал стальные листы. Корабль надвинулся по крайней мере на полметра.

— Матушка-мама,— по-детски вырвалось у моряка. Он еще и еще ощупывал шершавое днище.

— Я Никитин, — без всякой надежды сказал он в микрофон. Ему просто хотелось услышать свой голос. — Я Никитин, слышите ли меня?

Не слышат.

Тишина сделалась еще злей.

— Разгильдяй, подлец! Что? На партийном собрании шею намылим, — ворвался вдруг шумный голос Фитилева. — Смотри, провода оборваны, не видишь? Черт знает что такое!

— Я слышу, Николай Иванович, — выдохнул Никитин.

Закончить фразу у него недостало сил.

— Никитин,— радостно раздалось сверху,— как себя чувствуешь? Что? Успокойся, голубчик, все будет хорошо. Рассказывай, Петя!

Словно чья-то рука сняла с плеч Пети тяжелый груз. От Фитилева он узнал, что под водой Фролов и еще два товарища водолаза ищут его.

Но что это? Опять заскрежетал песок, опять леденящие душу толчки. Но самым страшным было другое: к водолазному шлему прикоснулась сталь оседавшего исполина.

Фитилев, зажав до боли в руке потухшую трубку, прислушивался к бессвязным словам Никитина. Когда водолаз умолкал, на душе командира делалось скверно.

«Он должен прийти в сознание. Во что бы то ни стало прийти в сознание, иначе смерть...»

Вдруг Фитилева осенила мысль.

— Петя, — радостно сказал он, — сейчас получили известие. От жены... Ты слышишь, Петя?.. Родился сын, слышишь? Родился сын! Почти пять килограммов! Богатырь!

— Сын? — чуть слышно откликнулся телефон. — Сын, Андрей!

— Да, да, Андрей, — с готовностью подхватил Фитилев. — Ты того, держись, Петя! Воздух, воздух не забывай...

«Опять скрежещет песок! Нет, это снег скрипит под ногами».

Никитину чудится родной лес, вековые ели, засыпанные снегом... Звонко поют пилы, стучат топоры. Среди лесорубов он, Петя Никитин.

Вздымая снежные вихри, одно за другим падают деревья. Вот дрогнула вершина столетней ели, дерево валится на него, надо бежать. Но бежать Петя не может: не вытащить ног из глубокого снега. Он хочет крикнуть, позвать на помощь — нет голоса... непомерная тяжесть легла на грудь... Душно.

Бред и явь смешались.

Мучительное томление охватило Петю. Нудно и тошно звенит в ушах, стучит сердце. Нет, не только сердце, все существо Никитина пульсирует в неистовом ритме.

— Да, Андрей же, сын...

Кто это сказал? Он сам или кто-то другой? Отчетливо возник образ сына, каким он себе представлял его.

— Андрей! — почти кричит Никитин и приходит в себя.

Сколько прошло времени, он не знал. Час или мгновение?

Пришло сознание, пришли и звуки. Скрежещет песок... опять наседает корабль. И другие звуки проникают сквозь медный шлем; он слышит шум винта... кто-то скребется назойливо и громко. И вдруг удар...

Перед глазами пошли круги: красные, оранжевые, желтые. Дыхание перехватило.

Тихо открылась дверь в каюту. Вошел водолаз Фролов. В руках у него телеграмма.

Петя Никитин спит. Он дышит спокойно.

— Д-дочь родилась. С-сегодня утром, — бормочет Фролов.— Врачи п-поздравляют.— Он нерешительно вертит в руках бумажку.— Разбудить Петра надо?

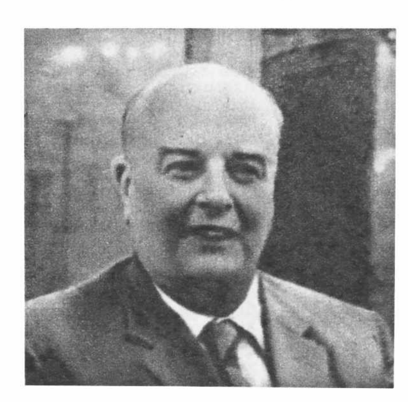
Зосима шагнул к постели, но вдруг широко открыл глаза: голова Никитина совсем, совсем белая.

— Дочь!.. А я и хотел дочь.— Никитин приподнялся на локте и, не мигая, смотрел на своего друга. — Понимаешь, нарочно это я... Страховался, когда про сына говорил, и думал... — медленно сказал он и снова свалился на подушки.

Фролов засопел носом и стал медленно пятиться к двери.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС И ПОЗИЦИЯ ЛЕЙБОРИСТОВ

Кони ЗИЛЛИАКУС,
депутат английского парламента

В свете кризиса на Ближнем Востоке еще яснее стало положение дел на Западе: нынешние правители Великобритании и Соединенных Штатов не хотят мира, но боятся развернуть войну, а еще больше боятся выглядеть врагами мира в глазах своих собственных народов. На фоне этой общей картины британское консервативное правительство ведет более «гибкую» линию. Оно испытывает более мощное давление общественного мнения, чем правительство Соединенных Штатов, над которым конгресс не имеет прямого контроля. К тому же внутри американского правительства президент Эйзенхауэр предоставил полную свободу действий во внешней политике государственному секретарю, мистеру Даллесу. И третья характерная особенность всей картины — та, что англо-американская политика приобретает все более отчетливые черты арьергардного боя старой гвардии за старый порядок, и это в мире, где напор сил, требующих перемен, все разрастается и становится непреодолимым!

Совершенно очевидно, что первоначальной целью, которую ставила себе интервенция на Ближнем Востоке, было — использовать Ливан и Иорданию как трамплин для нападения на Ирак и свести в открытую счеты с Насером, пусть даже с риском разжечь мировую войну. Но с самого начала дела пошли плохо, агрессоры растеряли свой запал и решимость на полдороге. Это был новый Суэц, но в более широком масштабе: на этот раз вместе с Великобританией на путь интервенции встали и Соединенные Штаты.

Сейчас интервентам приходится так или иначе выкарабкиваться из создавшегося положения. При этом они знают, что ни доктрина Даллеса — Эйзенхауэра в Ливане, ни режим короля Хусейна в Иордании не переживут вывода иностранных войск. Они пришли, чтобы подавить арабский национализм, навязать ему гегемонию Запада и укрепить свою антисоветскую «политику силы» на Ближнем Востоке. Вместо этого они обеспечили триумф арабского национализма; насмерть дискредитировали тех арабских правителей, которые, отдавая нефтяные богатства своих стран в руки иностранных концессионеров, получали взамен денежные подачки и военную защиту Запада от собственных обездоленных и придавленных народов; и сверх того они вынуждены были вступить в переговоры с Советским Союзом о совещании на высшем уровне по Ближнему Востоку и тем самым признать, что вся их антисоветская политика в этом районе потерпела крах.

Но этого-то и не хотят допустить твердолобые защитники старого порядка. Они даже продолжают нянчиться с жалким обрубком Багдадского пакта без Багдада, настойчиво твердя, что он еще жив. Мало того, на лондонской сессии совета Багдадского пакта было объявлено, что Багдадский пакт сохраняется и что Соединенные Штаты присоединяются к нему в связи с «последними фактами косвенной агрессии», которые «представляют все расширяющуюся и опасную угрозу независимости и территориальной целостности суверенных государств и должны получить отпор всеми законными способами, включая акции ООН».

Ту же самую песню мы слышали с правительственных передних скамей и из уст многих консерваторов-заднескамеечников во время дебатов в палате общин. В те дни наша пресса сообщала из Соединенных Штатов, что президент Эйзенхауэр и мистер Даллес собирались на совещании в верхах жаловаться на «косвенную агрессию», видимо, имея в виду гнилые томаты и камни, которыми забрасывали в Латинской Америке вице-президента Никсона во время его миссии доброй воли; или то, что народ Ирака сверг свое полуфеодальное королевское правительство; или, возможно, тот факт, что в самих США народ против интервенции, а армия не хочет проливать кровь за Шамуна, как английские солдаты не желают этого делать ради короля Хусейна.

Если послушать английских и американских консерваторов, то оказывается, что обострение социальной борьбы и рост антиколониального движения, в том числе и арабского национализма, есть не что иное, как результат «подрывной работы коммунистов», действий «агентов Кремля», короче говоря, «косвенная советская агрессия». И, с другой стороны, что представляет собой выдвинутая консерваторами идея «обороны» от мифической косвенной агрессии? Эта «оборона» есть на деле не что иное, как защита старого социального порядка с помощью политического, дипломатического, экономического и военного вмешательства во внутренние дела других стран — вмешательства с целью установить или восстановить реакционные и деспотические режимы и подавить партии или общественные течения, которые угрожают старому строю. И вот это-то и именуется «защитой демократии и свободного мира против косвенной агрессии».

Политику мистера Даллеса можно было бы, пожалуй, назвать политикой «перманентной контрреволюции». Эта политика дала осечку в Европе, выдохлась в Корее и Индокитае и провалилась в Индонезии и Китае (если не считать такого «достижения», как Тайвань). На Ближнем Востоке она терпит полное крушение: ей грозит быть захлестнутой высоко поднявшейся волной арабского национализма. Силы, действующие против этой политики, с каждым днем крепнут в раздробленных, загнанных в тупик, наполовину оккупированных странах. Народы всего мира поднимаются против нее.

Отсюда все возрастающая растерянность защитников старого порядка, в частности мистера Даллеса, перед лицом настойчивых предложений Н. С. Хрущева о созыве совещания на высшем уровне. Отсюда и их смешные и в то же время вызывающие отвращение уловки, направленные на то, чтобы саботировать и сорвать совещание и тут же свалить ответственность за это с больной головы на здоровую.

Смешны и их утверждения, будто вторжение в Ливан и Иорданию было законным и соответствующим принципам морали, а не нарушением буквы и духа Устава Организации Объединенных Наций: Устав специально запрещает вмешательство во внутреннюю жизнь государств — членов ООН, запрещает применять силу без разрешения Совета Безопасности, за исключением случаев защиты от вооруженного нападения. Американцы высадили войска в Ливане, несмотря на ясное заявление наблюдателей ООН о том, что конфликт между президентом и народом был внутренним делом этой страны. В Иордании тоже не было никакого вооруженного нападения, когда английские войска вступили в страну.

На все эти обстоятельства указывала лейбористская оппозиция в палате общин и на митингах, происходивших по всей Англии. Во время парламентских дебатов министр иностранных дел в лейбористском «теневом кабинете» Эньюрин Бивен разоблачил реакционный характер политики правительства. «Я не верю тому,— сказал он,— что обязанностью вооруженных сил Великобритании является препятствовать революциям. С каких это пор мы считаем, что если революция распространяется по Ближнему Востоку, наша обязанность — подавить ее? С каких это пор мы стали на такую точку зрения, что мы должны двинуть наши войска на священную войну против революции на Ближнем Востоке?»

В дебатах 22 июля Бивен изложил точку зрения лейбористской партии на то, какова должна была бы быть (если к власти придет через год лейбористское правительство) политика Великобритании на Ближнем Востоке. И эта речь произвела большое впечатление на обе части палаты общин. Он сказал:

«Есть четыре принципа, как нам кажется, образующие основу, в рамках которой может быть достигнуто урегулирование во всем этом районе. Во-первых, соглашение великих держав о том, что арабские государства Ближнего Востока являтся районом, в котором державы не будут искать военных союзников или добиваться формирования военных блоков. Во-вторых, гарантии, что существующие границы государств района, включая границы государства Израиль, не могут быть изменяемы без взаимного согласия, что предполагает немедленную защиту любого из этих государств, если оно подвергнется вооруженной агрессии. Здесь я говорю о гарантиях, которые должны быть даны великими державами. Эти гарантии должны находиться... под покровительством Организации Объединенных Наций и не противоречить духу или букве Устава ООН.

Третий принцип, имеющий особо большое значение,— воля к облегчению мирного объединения арабских государств в той форме союза, которую они сами пожелают. Я не думаю, что интересам нашей страны могут служить попытки углублять раскол между этими государствами, которые желают объединиться. Нам кажется, что мы должны теперь принять решение — и не только принять решение, но и положить его в основу действий,— что наши интересы ныне могут обеспечиваться получением нефти Ближнего Востока нормальными коммерческими методами, а не на путях устаревшей имперской экспансии...

Четвертый принцип — создание экономической комиссии, предпочтительно в рамках ООН, снабженной достаточными финансовыми средствами, для оказания помощи в осуществлении планов экономического развития либо району в целом, либо какой-либо его части».

Я не вижу большого различия между этими четырьмя принципами политики лейбористской партии, изложенными Эньюрином Биреном, и предложениями, выдвигаемыми время от времени советским правительством для урегулирования проблемы Ближнего Востока.

Известна также позиция лейбористской партии в таких вопросах, как разрядка напряженности в Европе; разоружение по этапам, начиная с запрещения испытаний ядерного оружия; восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН; отрицание права США использовать Тайвань как американскую военную базу. Мне кажется, что эта позиция во многом сближается с позициями Советского Союза и Китайской Народной Республики.

В эти дни, когда создавшаяся международная обстановка вызывает активную реакцию народов, я хочу надеяться и верить, что лейбористская партия будет все больше чувствовать себя независимым фактором в мировой политике и серьезно возьмется за дело упрочения всеобщего мира.

БИЗНЕС ПРЕЖДЕ ВСЕГО

«Бум в Кокоа-Бич!» — под таким заголовком был недавно напечатан репортаж в американском журнале «Лук». Кокоа-Бич — скромный городишко на восточном побережье Флориды; но с некоторого времени он стал местом бурного паломничества туристов и всяких любителей острых ощущений. Цены на земельные участки подскочили с 10 до 600 долларов за погонный ярд побережья. По вечерам городок озаряется яркими огнями рекламных вывесок над гостиницами, ресторанами, барами.

В этих рекламах, собственно, и кроется разгадка внезапного бума в Кокоа-Бич. Присмотримся к световым надписям: бар «Ракета», пансион «Авангард», пансион «Звездный свет», гостиница «Ракета над морем». Причина необыкновенной популярности Кокоа-Бич в том, что городишко... находится невдалеке от мыса Канаверал, где американское военное ведомство испытывает свои «Атласы», «Торы», «Авангарды» и прочие ракеты.

«В дни испытаний,— пишет «Лук»,— туристы считают себя счастливыми, если найдут какую-либо комнату... С белого песка пляжа они следят за тем, как ракеты возносятся в стратосферу или... валятся в Атлантический океан».

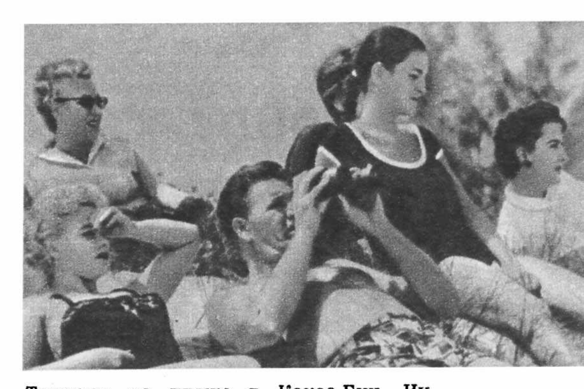
Статья в «Луке», живописующая процветание Кокоа-Бич, кончается, однако, печальным вздохом. «Над всем городком,—пишет журнал,— витает невеселое чувство: бум, расцветший здесь в один день, может так же быстро увянуть...»

Воистину неисповедимы пути американского бизнеса!

Световая реклама над Кокоа-Бич.

Туристы на пляже в Кокоа-Бич. Их называют здесь «ловцы небесных птиц».

Ракетная лихорадка проникла и в школы Кокоа-Бич.

УКРОТИТЕЛИ ФОНТАНОВ

Высадка десанта пожарных на основание буровой вышки в море.

Фото С. Галилова.

И. МЕСХИ

Это случилось на нефтепромысле Патос, в Албании, в прошлом году.

Из глубокой скважины ударил мощный газонефтяной фонтан. Нефть покрыла большую площадь, посевы хлеба, табака. Люди со своим скарбом покидали деревни. Все живое бежало прочь, подальше от опасного места.

А фонтан все бил и бил.

Отважные албанские нефтяники пытались обуздать вышедшую из повиновения скважину.

Но все было напрасно.

На промысел прибыли советские специалисты. В специальной одежде и касках, бок о бок с патосскими нефтяниками они работали у подножия оглушительно ревущей газонефтяной струи. Одежду людей непрерывно смачивали водой из шлангов. Вот кто-то упал, отравленный газом. Тотчас была оказана медицинская помощь — и снова в строй. Наконец одна из бесчисленных попыток, кажется, увенчалась успехом. Но тут ничтожная случайность испортила все: где-то в устье скважины сталь чиркнула о сталь и высекла искру. Мгновение — и над землей взметнулся гигантский факел. Фонтан загорелся!

В огонь бросились пожарные. Затем с величайшими предосторожностями вблизи горящего фонтана был подвешен заряд взрывчатки. Шнуры отвели в блиндаж. Команда. Взрыв. И пламя, оторванное от фонтана взрывной волной, вдруг исчезло. Его расстреляли. Операцией руководил высокий немолодой светлоглазый человек.

А нефть между тем продолжала хлестать. И снова люди, сбиваемые с ног перекрестными струями воды, взялись за дело. Среди всех выделялся один, саженного роста. Его неуклюжая в брезенте, громадная фигура всегда появлялась там, где было наиболее трудно. И вот он уже бьет медной кувалдой по арматуре, сажая на скважину «хомут». Уже закрыта задвижка, исчез черный столб, и укрощенная жидкость пошла в наспех вырытые земляные амбары.

Фонтан закрыт!

Какое наступило вокруг ликование! Перемазанные копотью, смертельно усталые люди обнимали друг друга, целовались. Теперь можно их разглядеть и даже узнать. Вот этот давно не бритый высокий немолодой пожарный — хорошо известный бакинцам начальник республиканского Управления противопожарной обороны полковник Константин Владимирович Ткаченко. А тот, кто орудовал кувалдой,— тоже бакинец, инженер Кон Хачатурович Мхчян, начальник компрессорного хозяйства промысла Орджоникидзенефть...

...Но в зале уже зажегся свет, и полковник Ткаченко, сидевший рядом, стал усиленно прятать от нас глаза.

— Сколько уже раз смотрю, а все волнуюсь,— как бы извиняясь, говорит он.— Хорошо, смело поработали албанские кинооператоры над своей «Скважиной № 542». Они подарили нам этот фильм.

Мы посмотрели фильм и задумались: выходит, что на промыслах сама жизнь родила новую профессию.

Укротитель фонтанов... В самом деле, кто он? Пожарный? Тогда пожарный особый, знающий скважину не хуже промысловика. Но пожарный не закроет фонтан. Здесь нужен механик высокого класса, виртуоз, артист своего дела, к тому же человек, обладающий личной отвагой и умением работать в условиях почти неизбежных пожаров.

— На Бакинских промыслах я уже около тридцати лет,— продолжает полковник.— Знал я великих мастеров по укрощению фонтанов. Вот был Леонид Герасимович Акимов. Простой механик-самоучка с Бухты Ильича, любили его все. Он работал на обвязке устьев скважин. Но если где случался фонтан, Акимова звали помочь: он всегда придумывал, как его унять. Обычно он излагал свою идею инженеру. Инженер составлял чертежи, по которым в мастерских готовили необходимые на этот случай приспособления. А уж когда доходило до дела, Акимов исполнял его сам, своими руками, никого не подпускал к опасным местам.

Появился на этом же промысле другой такой же виртуоз, механик Петр Нестерович Прокофьев. На операции они стали ходить вдвоем, а когда Акимов умер, Прокофьев приспособил к делу своего брата, Егора Нестеровича. Нефть появилась уже во многих районах страны, и братьев приглашали не только на Бакинские промыслы. Позже в Сураханах инженер Мхчян, закрыв несколько фонтанов на своем промысле без помощи Прокофьева, вошел во вкус, и как-то само собой получилось, что Прокофьеву, который сейчас ушел на пенсию, нашлась смена. Как работает Мхчян, мы видели на экране. Это талантливый инженер-механик и бесстрашный человек. Мало еще, конечно, специалистов по укрощению фонтанов, но они есть и работают успешно.

Об укротителях фонтанов, о мужестве людей, борющихся с пожарами на нефтепромыслах, рассказывает открытая впервые в республике пожарно-техническая выставка. Вот памятная телеграмма Владимира Ильича Ленина от 28 апреля 1922 года рабочим и инженерам Азнефти:

«В ночь с 9 на 10 апреля враги рабочего класса пытались рядом поджогов уничтожить Сураханские нефтяные промыслы в Баку. Ознакомившись с фактами необычайного героизма и самоотверженности, проявленных рабочими и инженерами промыслов, локализовавшими пожар в обстановке огромной опасности для жизни, от имени Советской России считаю своим долгом выразить благодарность рабочим и инженерам Сураханских нефтяных промыслов».

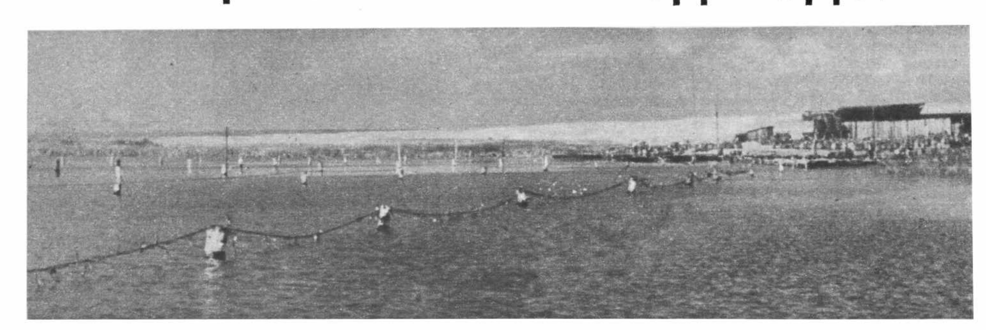
Много энергии вложено в борьбу с пожарами азербайджанскими специалистами — инженерами, научными работниками.

Мы едем на Бакинский пожарный полигон. Здесь рука об руку с лабораторией Центрального научно-исследовательского института противопожарной обороны работает Бакинская пожарно-испытательная станция, которую возглавляет инженер В. П. Сомов. Это сын погибшего в 1935 году героя-пожарного Петра Сомова, именем которого назван пожарный корабль морских нефтяников. Сын продолжает дело отца.

Полковник Ткаченко выводит нас на учебный полигон с огромными резервуарами для опытных пожаров.

— Скоро мы устроим еще один полигон, на котором можно будет создавать искусственные пожары скважин. Там будут учиться тушить и закрывать фонтаны. Инженер Мхчян вместе с Прокофьевым готовит специальное пособие. Думаю, найдутся охотники приобрести славную, благородную профессию укротителей фонтанов.

ОВОЩИ ХРАНЯТСЯ ПОД ВОДОЙ

Невдалеке от Воронежа, у берега Большого озера, расположился плодоовощной комбинат облпотребсоюза. Здесь производится заготовка овощей для зимнего хранения. Но странно: ни одного подземного сооружения тут не найдешь. Укрытием от морозов служит вода.

Сейчас трудно найти автора подводного способа хранения овощей.

— Просто вспомнили давно забытую практику,— говорит старший агроном — технолог комбината Николай Александрович Проценко.— Прадеды наши солили огурцы в бочонках, опускали их на зиму в водоем, вот и вся премудрость.

Вспомнить о таком нехитром способе пришлось в силу необходимости. Город из года в год растет. Для нормального снабжения многотысячного населения сейчас ежегодно требуется закладывать на зиму до шестидесяти тысяч тонн овощей. На сооружение хранилищ потребовались бы огромные затраты труда, денежных средств, материалов.

Вот тогда и решили возродить забытый способ хранения.

Большое озеро облюбовали для первых опытов. Продумали технологию закладки. И вот над водной гладью озера появились шесть рядов свай. На них укрепили металлические тросы для подвешивания бочек с продукцией.

...Пять бочек с засоленными овощами скрепляются проволокой в один «контейнер», или «пучок», к ним присоединяется шестая бочка, наполненная балластом. Контейнер готов и с помоста спускается в воду; лодочники отвезут его к назначенному месту. Подвешиваются бочки на метровую глубину от поверхности воды.

Первый опыт оправдал себя. Огурцы, помидоры, яблоки, сливы, арбузы, находившиеся под водой в герметически закрытых бочках с сентября по май, не имели ни малейших признаков порчи, сохранили отличные вкусовые качества.

Такой способ хранения очень выгоден: если при складском хранении расходы на каждую тонну овощей составляли двести шестьдесят рублей, то при подводном — только тридцать рублей.

В прошлом году комбинат хранил подводным способом пятьсот шестьдесят тонн плодов и овощей. В нынешнем году намечено заложить в пять — шесть раз больше. Более ста тонн огурцов нового урожая уже погружено в воду.

М. НЕЦЕПЛЯЕВ

Фото Н. Проценко.

Советская девушка Алмас

Зал Азербайджанского драматического театра имени Азизбекова полон. Идет спектакль «Алмас». Бакинские зрители принимают его со всей пылкостью южного темперамента. У моего соседа по креслам, пожилого азербайджанца, седые виски и веселые, блестящие, молодые глаза. Он задумчиво слушает со сцены любовные стихи, которыми Шариф пытается соблазнить Алмас, сочувственно кивает головой, когда героиня пьесы произносит пылкую речь.

В антракте сосед обращается к своей спутнице:

— Алмас, как тебе нравится артистка?

— Алмас? — не выдержала я, невольно вмешавшись в беседу.

— Да. Мы с женой назвали свою дочь в честь вот этой девушки из пьесы Джафара Джабарлы. Мы были молоды, и нас очень радовало тогда, что театр так верно рассказывал о нашей жизни. Но и мой двоюродный брат назвал свою старшую дочь Севиль, по имени героини другой пьесы Джабарлы. Так многие родители у нас, в Азербайджане, делали. А если нехорошему человеку давали прозвище Гаджи Ахмеда, все тотчас вспоминали хитрого кулака из «Алмас».

Мой новый знакомый задал и мне вопрос:

— Знаете ли вы другие пьесы Джафара Джабарлы? Он наш бытописец. У нас очень любят их, и не подумайте, что пьесы Джабарлы идут только в Баку, в наших театрах. Джабарлы переводят на языки других советских народов, ставят в театрах Армении, Грузии, Туркменистана.

...Спектакль продолжался. Но теперь и меня захватили события пьесы, перенесшей нас на три десятилетия назад, в пору коллективизации азербайджанской деревни. Комсомолка Алмас стала учительницей в школе своего селения. Она не может больше терпеть издевательств над женщинами. Она объединяет вчерашних рабынь в трудовую артель швейниц, борется против власти бытовых и религиозных предрассудков. Вся сельская молодежь идет за Алмас. Врагам не удается подкупить Алмас. Тогда они пускают в ход грязную клевету, угрожают убийством.

— Смотрите,— говорит мне сосед,— как Гаджи Ахмед — его играет наш народный артист А. Курбанов — сперва «мягко стелет», но скоро этот хитрый кулак в маске добродушного старика покажет свои волчьи зубы. А вот он уже понял, что почва уходит из-под ног, и поджимает хвост. Смотрите, какая это теперь смиренная овца, даже для камуфляжа рваный архалук надел...

Тут я узнала, что в новой постановке «Алмас» участвуют многие актеры, которые и раньше играли в этой пьесе. Но почему так знакомо мне лицо артистки, играющей Алмас? Спектакль смотрю впервые, а ее знаю. Ну, конечно, это заслуженная артистка республики Л. Бедырбейли. Все мы видели ее на экране кино: она играет в популярной кинокартине «Аршин мал Алан» роль Гюльчохры.

Мы видим на сцене небольшое, убогое селение 1928 года. На плоских крышах домов, как черные птицы, уселись укутанные в чадры женщины. Или они скользят, как тени, по узким уличкам, а мимо них с утра до вечера носится задорная детвора, сующая всюду любопытные носы. А вот и площадь, где идут горячие споры, так знакомые нам с тех лет, когда деревня еще только потянулась к артели. Много режиссерских и актерских находок есть и в образах спектакля, решенного в духе бытовой народной комедии.

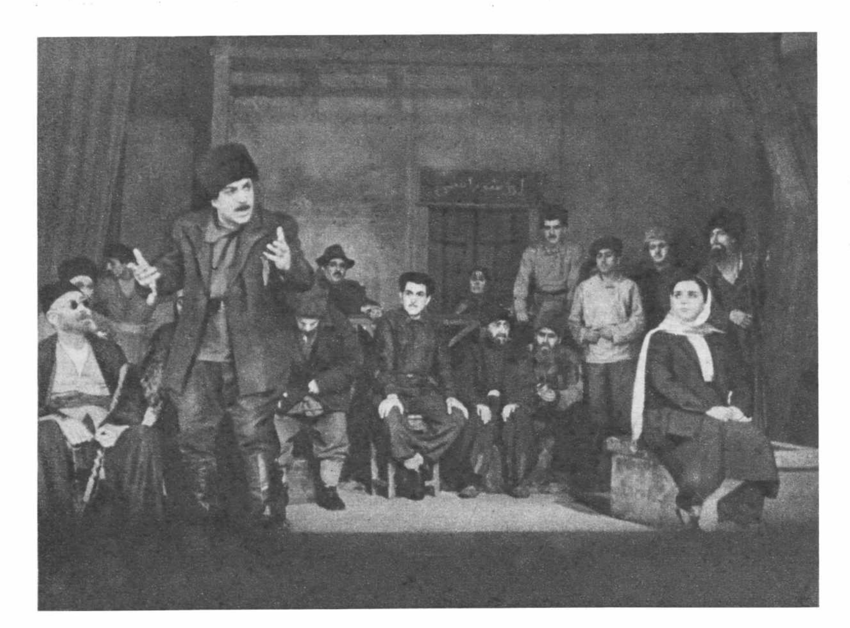
Чтоб узнать историю этого интересного спектакля, мы беседуем с постановщиком, заслуженным артистом АзССР А. Г. Алекперовым.

— Наш театр уже в четвертый раз обращается к пьесе «Алмас». Как видите, пьеса не устарела,— говорит Алигейдар Алекперов.— Впервые она была поставлена в 1931 году самим Джабарлы и А. Тугановым. Тогда я был еще помощником режиссера. Многие наши актеры не раз играли в «Алмас». Спектакль рассказывает о зарождении колхозного строя, отражает начальные годы пути Азербайджана к социализму. Так было тогда. Ну, а сейчас, когда в нашей республике много колхозов-миллионеров, мы стремимся подчеркнуть в спектакле и другие моменты, близкие современности. Так, показывая отъезд в город Джамала, которого напугали трудности работы в деревне, мы противопоставляем ему мужество Алмас. Пусть и теперешняя молодежь, оканчивающая вузы, не боится ехать работать на село, в колхоз!

Джабарлы, большой знаток нашего театра, всегда был тесно связан с ним и, как Островский, писал некоторые роли для определенных артистов,— продолжает Алигейдар Алекперов.—Роль фанатика Оджахкули написана им для М. Велиханова, которого вы и сегодня видели в этом образе. Роль знахарки Фатьманисы, любительницы сплетен, играет первая актриса азербайджанского театра Азиза Мамедова. Ведь вы, наверное, знаете, что только после революции в наш театр (хотя он существует около 85 лет) пришли артистки? Раньше мусульманки носили паранджу и не могли выступать на сцене. Так что этот спектакль исторический во всех смыслах,— улыбаясь, прощался с нами Алигейдар Алекперов.

Сценическая история пьесы Дж. Джабарлы — хороший пример неувядающей силы произведения, когда оно создано самой жизнью.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

«Алмас» Дж. Джабарлы в Азербайджанском драматическом театре имени Азизбекова. Сцена из 5-го акта.

«Алжир, родина моя!» в Узбекском театре драмы имени Хамзы. Сцена из 1-го акта. В центре Хамид Сарадж — Н. Рахимов и Умар — И. Маликбаева.

«АЛЖИР, РОДИНА МОЯ!»

Л. СКОПИНА, народная артистка РСФСР

Уже который год длится грязная война французских империалистов против алжирского народа, который добивается свободы и национальной независимости. Нищету, голод, бесправие принесли колонизаторы Алжиру.

В национально-освободительной борьбе алжирского народа льется кровь патриотов...

О борьбе сынов и дочерей Алжира за национальную независимость рассказывает спектакль «Алжир, родина моя!». Эту трагедию наших дней по мотивам романа «Большой дом» алжирского писателя Мухаммеда Диба написал и поставил в Узбекском театре драмы имени Хамзы его главный режиссер, заслуженный артист республики А. Гинзбург.

...В предрассветной мгле открылся нашим глазам двор Дар-Сбитара — обветшалого дома, в каморках которого прозябает алжирская беднота. Жалкую жизнь этого двора невозможно представить себе без этих измученных старух, без этих худеньких задиристых мальчишек и крошечных взлохмаченных оборвышей-ребятишек, которые выползают из разных нор и закоулков...

На этом дне в страшной нужде живет семья Айни, матери Марьям и Умара. Голод всегда терзает их, как и каждого здесь. Из-за корки хлеба среди ребят Дар-Сбитара завязываются драки, в потасовки вмешиваются матери, соседи, весь дом.

Жизнь обитателей Дар-Сбитара кажется беспросветной. Но среди них есть молодой рабочий, коммунист Хамид Сарадж. Его особенно полюбили юноши, дети. Им он рассказывает об их страдающей родине. Благодаря Сараджу раскрылись глаза и у взрослых. В листовках, которые он перед арестом дал спрятать мальчишке Умару, — пламенный призыв к борьбе против колонизаторов.

Один и тот же двор. Но сколько событий там происходит! По доносу предателя Сарадж арестован. Над его возлюбленной Марьям надругались в полиции, и она сошла с ума. И теперь уже Умар с помощью остальных ребят Дар-Сбитара разбрасывает во дворе и на улицах листовки Сараджа, зовущие бороться с колонизаторами. И вот будто раздвинулись стены дома: обитатели его, почувствовав силу единения, устремились на улицы, к патриотам — участникам всеобщей забастовки.

Спектакль о пробудившемся алжирском народе, поднявшемся на бой за свободу и независимость, волнует зрителей. В нем живо ощущается дыхание народной массы и в то же время глубоко чувствуются характеры отдельных людей. Их, этих людей, немало в спектакле, отличающемся мастерским исполнением ролей. Поэтический образ Марьям, надломленной жизнью, получился у одаренной молодой артистки И. Алиевой. Пытливого и смелого мальчугана Умара играет И. Маликбаева. В центре спектакля трагический образ Айни, в роли которой выступает народная артистка СССР С. Ишантураева. Доведенная непосильным трудом и вечным голодом до отчаяния, Айни озлоблена. Она как будто даже ненавидит своих близких, груба с ними. Актриса не боится вызвать к своей Айни острую неприязнь зрителей — такова сцена, когда Айни безжалостно выбрасывает из своей каморки во двор парализованную старуху-мать. Но зато потом с какой теплотой показывает талантливая актриса, как раскрылась душа Айни, когда она почувствовала, что не одинока.

Вот в грозном молчании наступает толпа на полицейских, и нельзя забыть глаза Айни, полные в эту минуту горя и ненависти. Запомнишь и первую улыбку, осветившую лицо Айни, когда она делится с соседями всем, что имеет. Тянется теперь к добру душа этой женщины, поверившей в силу народа.

Выбор пьесы и сценическое ее воплощение — показатель художественной и идейной зрелости Узбекского театра драмы. Мастера Узбекского театра говорят этой своей постановкой о том, что советским людям дорога судьба алжирских борцов за свободу и независимость.

Под редакцией гроссмейстера
С. ФЛОРА

Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

«ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ» ОТКРЫТКА

В первых числах ноября 1878 года кружок петербургских любителей шахмат, который вел борьбу на двух досках по переписке с московским любительским кружком, был охвачен волнением. По условию ответные ходы сообщались не позже чем через 3 дня, но прошло уже два срока, а москвичи молчали. Сдаться они не могли: положение на досках складывалось в их пользу. Наконец в ответ на запросы долгожданное сообщение с очередными ходами было получено. Чем же была вызвана эта непонятная для тогдашних шахматистов задержка?

Для того чтобы объяснить это, надо коротко напомнить об обстановке в стране осенью 1878 года. На почве нужды и голода поднималась новая волна крестьянского и рабочего движения. Грозные листовки «Земли и воли» приводили в трепет царских министров. В начале августа народниками был убит шеф жандармов и III отделения Мезенцев. 1 ноября в Петербурге вышел первый номер подпольно-революционной газеты «Земля и воля», звавшей народ к борьбе.

И в этот же день на почтамте в Петербурге была перехвачена «по-

дозрительная» открытка с какими-то загадочными формулами. Вот ее текст:

«С.-Петербург. Офицерская улица, д. № 10, кв. № 15. Михаилу Ивановичу Чигорину.

29 октября 1878 г.

№ 1

Петербург
24. Cb2 : f6

Москва
Cg7 : f6

если:
25. Фa1 : f6
тогда:
Фd7 — e7

№ 2

Москва
28. —

Петербург
Kb7 : d6

29. Фc6 : c7.

Вполне согласен с вашими вариантами при ходе d5. Наш клуб помаленьку растет. Игроки-то все плохие — не выдается ни одной хорошей партии.

Ф. Бовыкин».

Открытка была немедленно доставлена в III отделение, ведавшее расправой с революционерами. Полуграмотные чиновники стали в тупик: не являются ли эти загадочные письмена шифрованным приказом о восстании? Через несколько дней с почты доставили открытку с тем же текстом, но с характерной припиской: «Крайне удивлен неисправностью почты. Письма вам и г. Ш. (видимо, имеется в виду известный петербургский шахматист Э. С. Шифферс.— С. В.) были лично мною опущены в почтовый ящик после совещаний у Шмидта (видный московский шахматист.— С. В.)».

Перехватив вторую открытку, жандармы, видимо, ликовали. Обе открытки были доставлены самому председателю Совета министров графу Валуеву. Но на «шифровках» граф написал одно лишь слово: «Шахматы» — и поставил три восклицательных знака, прибавив, вероятно, на словах что-нибудь очень нелестное для старательных, но тупых служак.

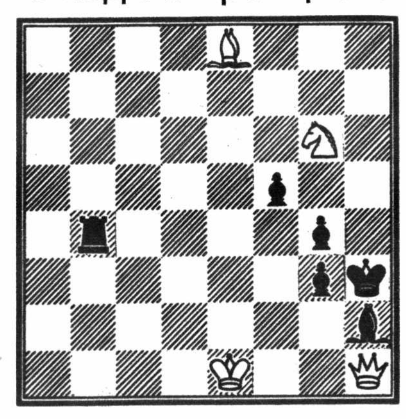

После такой резолюции дело было тотчас прекращено, но жандармы и не подумали переслать письма по назначению — М. И. Чигорину, который, как редактор «Шахматного листка», являлся посредником в матче двух столиц. Игра продолжалась дальше без осложнений, а о причинах непонятной задержки московского ответа шахматисты могли только догадываться.

Перехваченные открытки мы обнаружили в Секретном архиве III отделения, хранящемся ныне в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Обе партии можно найти на страницах «Шахматного листка» (см. №№ 2—6 за 1878 год и №№ 1—4 за 1879 год). Партии закончились победой московских шахматистов.

Кандидат исторических наук
С. ВОЛК

Этюд А. Троицкого

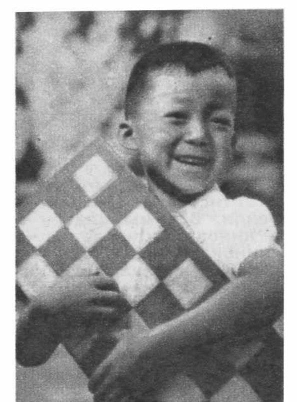
Белые начинают и выигрывают.

Алексей Алексеевич Троицкий (1866—1942)—основоположник советского шахматного этюда. Блестящему, всемирно известному шахматному композитору за 47 лет деятельности удалось опубликовать свыше тысячи этюдов. Мы приводим один из этих этюдов, составленный им свыше 60 лет тому назад.

Решение этюда следующее:

1. Ce8—c6 Лb4—b1+
2. Kpe1—e2 Лb1 : h1
3. Cc6—g2+! Kph3 : g2
4. Kg6—f4+ Kpg2—g1
5. Kpe2—e1, и единственная фигура белых — конь — следующим ходом дает мат на e2. Блестяще!

ТАК ИГРАЕТ ПЯТИЛЕТНИЙ

Выиграл!

Проигрывает...
Фото Е. Лейтмана.

Недавно мы узнали из газет, что в Ташкенте живет пятилетний мальчик, успешно играющий в шахматы с шахматистами второго разряда. Зовут его Эрнест Ким. Когда партнер сдается, Эрнест веселится, но, проиграв, откровенно плачет. «Будущий гроссмейстер не любит проигрывать!» — комментировал диктор в кинохронике, показывавшей Эрнеста Кима.

Кстати, можно напомнить, что вундеркинд С. Решевский, ныне американский гроссмейстер, в детстве расплакался, проиграв гроссмейстеру А. Рубинштейну.

Многие, приезжающие теперь в Ташкент, хотят посмотреть на шахматную «достопримечательность» города. Недавно в Узбекистане побывала делегация редакторов американских молодежных газет. Редактор «Мичиган телеграф» выразил желание сыграть с Эрнестом. Это была первая «международная встреча» Эрнеста, которому 31 июля исполнилось пять лет! На 15-м ходу редактор получил мат. «Значит, не пропаганда»,— убедился американец.

Читателям «Огонька» будет интересно ознакомиться с партией, сыгранной пятилетним Эрнестом. Партнером его был шахматист второго разряда Суворов. Следует отметить, что в этой партии борьба шла на «ставку»: противник Эрнеста неосторожно заявил, что если он проиграет мальчику, то бросит играть в шахматы...

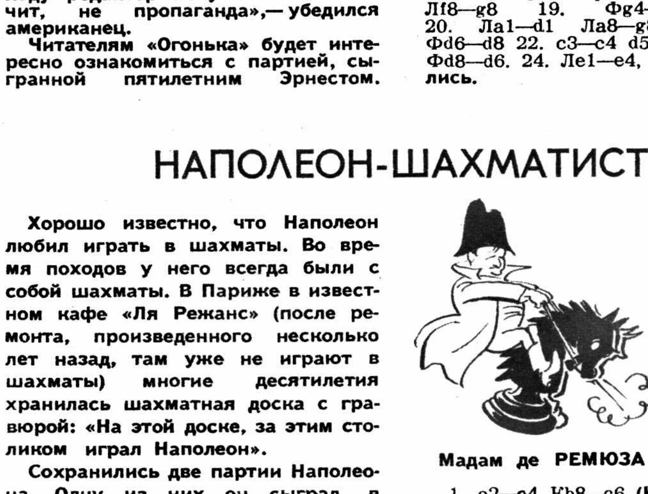
Эрнест КИМ — СУВОРОВ

1. e2—e4 e7—e6 2. Kb1—c3 d7—d5 3. Kg1—f3 Cf8—b4 4. e4 : d5 Cb4 : c3 5. d2 : c3 e6 : d5 6. Cf1—e2 Kg8—f6 7. 0—0 Фd8—e7 8. Лf1—e1 Cc8—e6 9. Cc1—g5 Kb8—d7 10. Фd1—d4 b7—b6 11. Kf3—e5 c7—c5 12. Фd4—a4 0—0 13. Ke5 : d7 Ce6 : d7 14. Cg5 : f6 g7 : f6 15. Ce2—b5 Фe7—d6 16. Cb5 : d7 a7—a6.

На этом можно было опустить занавес, и черные могли спокойно сдаться. Но Суворову очень не хотелось бросать играть в шахматы, и поэтому он «боролся» еще несколько ходов, впрочем, бесполезно.

17. Фa4—g4+ Kpg8—h8 18. Cd7—f5 Лf8—g8 19. Фg4—h5 Лg8—g7 20. Лa1—d1 Лa8—g8 21. g2—g3 Фd6—d8 22. c3—c4 d5—d4 23. c2—c3 Фd8—d6. 24. Лe1—e4, **и черные сдались.**

НАПОЛЕОН-ШАХМАТИСТ

Хорошо известно, что Наполеон любил играть в шахматы. Во время походов у него всегда были с собой шахматы. В Париже в известном кафе «Ля Режанс» (после ремонта, произведенного несколько лет назад, там уже не играют в шахматы) многие десятилетия хранилась шахматная доска с гравюрой: «На этой доске, за этим столиком играл Наполеон».

Сохранились две партии Наполеона. Одну из них он сыграл в 1804 году с придворной дамой де Ремюза.

Видимо, потому, что Наполеон любил кавалерию, в этой шахматной партии черные кони сыграли главную роль.

Мадам де РЕМЮЗА — НАПОЛЕОН

1. e2—e4 Kb8—c6 **(Кони, вперед с первого же хода!)** 2. d2—d3 Kg8—f6 3. f2—f4 e7—e5 4. f4 : e5 Kc6 : e5 5. Kb1—c3 Kf6—g4 6. d3—d4 Фd8—h4+ 7. g2—g3 Фh4—f6 8. Kg1—h3 Ke5—f3+ 9. Kpe1—e2 Kf3 : d4+ 10. Kpe2—d3 Kg4—e5+ 11. Kpd3 : d4 Cf8—c5+ 12. Kpd4 : c5 Фf6—b6+ 13. Kpc5—d5 Фb6—d6. **Мат.**

Вокруг конгресса ФИДЕ

Не так давно, как известно, в Дубровнике (Югославия) проходил конгресс ФИДЕ. Советские шахматисты на конгрессе были представлены В. Алаторцевым, М. Юдовичем и мною. Мне хочется рассказать о некоторых мелких эпизодах, происшедших на конгрессе и вокруг него.

Было бы ошибочно полагать, что все предложения делегатов конгресса отличались логичностью и целесообразностью. Делегат Бельгии, 80-летний миллионер Дирман, выразил желание, чтобы в золотую книгу ФИДЕ записали фамилии всех президентов всех шахматных федераций начиная с 1924 года! Президент ФИДЕ господин Рогард вежливо согласился с этим предложением при условии, что сам Дирман узнает все имена (их около 500!).

Как известно, французский, английский, немецкий и русский языки являются официальными языками ФИДЕ. Представитель Голландии внес предложение, чтобы все делегаты изучали эсперанто. «Пожалуйста, изучайте»,— таков был лаконичный ответ голландскому делегату.

Были на конгрессе и смешные эпизоды. Так, например, президент ФИДЕ попросил делегата США, международного мастера В. Ломбарди, сделать отчет о женском зональном турнире в Америке.

«У нас ничего такого не было»,— неуверенно заявил Ломбарди. «О, нет, мистер Ломбарди, у вас в США состоялся женский турнир, мы знаем, кто там играл и кто сколько набрал очков». «Ну, что ж, раз господин президент говорит, что у нас был турнир, значит, он был»,— признался в своей неосведомленности чемпион мира среди юношей.

Сало ФЛОР

Песня истинной любви

Лилинью МИКАЙЯ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Стихи Лилинью Микайя

На юго-восточном побережье Африки, отгороженный гребнями гор от сухих ветров пустыни, лежит Мозамбик — страна мягкого климата, пальм и роскошных плодовых деревьев, даже названия которых похожи на сказку...

Мозамбик — страна, щедро одаренная природой и жестоко порабощенная колонизаторами.

Один за другим сбрасывают народы Африки цепи рабства, но португальские колонии, к которым принадлежит Мозамбик, до сих пор угнетены тяжелейшим режимом, установленным там еще в давние времена. Оковы рабства оставляют кровавые следы не только на теле... Они душат мысль и волю народа, лишая его возможности приобщиться к культуре. Лишь единицам удается получить образование.

Особый смысл, особое значение приобретает поэтому появление из среды народа, угнетенного колониализмом, яркой поэтической индивидуальности.

Именно таков молодой мозамбикский поэт Лилинью Микайя. Ему всего двадцать восемь лет, невелик пока список его опубликованных произведений, еще только начинает он свой творческий путь. Но яркость стихов, написанных кровью сердца, идейная сила их делают его трибуном и глашатаем родного народа.

Прекрасной и горестной предстает пред нами в этих стихах родина поэта... Омытая волнами Индийского океана и слезами народа, согретая южным животворным солнцем и любовью своих сыновей, ждет она часа своего возрождения!

Лидия НЕКРАСОВА

ЗДЕСЬ МЫ РОДИЛИСЬ

Такая древняя земля,
Где мы родились,
Такое множество веков
Прошло по ней...
Здесь наши предки
Жили, умирали,
Их руки обнимали эту землю
В работе бесконечной,
Каждодневной...
Как стебли тонких трав,
Переплетались жилы,
Наполненные алым соком
жизни.
И, высекая из камней суровых
Начало плодородья мира,
В сердцах своих
Они мечту таили,
Великую мечту о счастье.

И мы с тобой
Здесь некогда родились...
Горячая и добрая земля,
Земля родившегося солнца,
Зеленая земля зеленых нив,
Как женщина прекрасная,
С цветущим телом,
Она нам отдалась,
Полна желанья...
И мы росли,
Баюкали нас песни
Чудесных певчих птиц
Родной своей земли.
Так проросло
На ниве нашей жизни
Из глубины веков
Поднявшееся чувство
Неистребимой, истинной любви.

И вот, когда по небу
Хлещет ветер,
Когда кровавый меч
Сечет огнем тела,
Когда жестокий страх
Окрашивает лица
В смертельный серый цвет,—
Тогда одна любовь,
Любовь не дрогнет наша!

Прекрасная земля,
Где мы с тобой родились;
Ее страдания —
Извечно наша боль.
Но туча желчная
Сегодняшнего дня
Должна растаять так же,
Как все тучи.

Прекрасная земля,
Земля надежды,
Открытая лишь искренним
объятьям,

Прекрасная земля,
Где по примеру
Впервые сделанных шагов
свободы
Все громче поступь твердая
слышна!

Нам,
Юным сыновьям
Дряхлеющего века,
Нам,
Самым смелым,
Самым молодым,
Дано наследье наших предков...
И мы несем его
В своих больших руках,
Чтоб начатое дело завершить
И воплотить
Мечту о счастье!

ДО КАКИХ ПОР!

Моя бабушка даже не знает,
Сколько ей лет,
И годы свои не считает,
Для нее — их нет...
Ее руки держат мотыгу
И землю рыхлят,
Так же как сотни лет назад...

А где-то бык
Тянет плуг,
Землю распахивает вокруг,
И растут на полях тех
И батат и земляной орех.

Моя бабушка ходит всегда
босиком,
От времени затвердели ноги,
И даже не знает она о том,
Куда ведут исхоженные
дороги...
Ее руки держат мотыгу
И землю рыхлят,
Так же как сотни лет назад.

А где-то трактор поля изгрыз,
Вывернула внутренности земля,
И небывало высокий маис
Покрывает чьи-то поля...

Моя бабушка не знает,
сколько ей лет,
Моя бабушка ходит всегда
босиком.
Для нее времени нет,
И не знает она о нем...
Ее руки держат мотыгу
И землю рыхлят,
Так же как сотни лет назад...

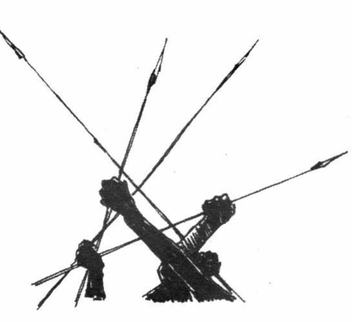
Скажите мне, до каких пор!

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ГОЛОС

Мать моя!
У тебя в глазах
Блеска нет,
Как бывало в прежние дни...
Руки твои
Не могут продать свою силу...
Но тело твое,
Трижды проданное и купленное,
Отказывается в землю лечь!

Мать моя!
Глаза твои
Больше не источают слез...
С твоего сухого лица
Капли пота не падают
На сухую землю...
Но тело твое,
Униженное, угнетенное,
Отказывается в землю лечь!

Мать моя!
Это все потому, что надежда,
Которая в сердце твоем живет,
Возрождается в сыне твоем,
В твоем сыне,
Который из собственной боли
Создал силы
И крикнул,
И этот крик,
Исходящий из горла
Рабов всей Африки,
Отозвался, как эхо,
В просторах земли...
Отозвался,
Звучит
И не прекратится,
Пока вновь не забьют
Призывно там-тамы,
Пока вновь не раздастся
Воинственный клич
И на копьях блестящих,

Воздетых твоими сынами,
Вновь не вызовет солнце
Отраженья СВОБОДЫ!

МЕЧТА ЧЕРНОЙ МАТЕРИ

Черная мать
Баюкает сына
И в черной голове,
Покрытой черными волосами,
Светлые хранит мечты...

Черная мать
Баюкает сына
И забывает о том,
Что всходы маиса
Земля иссушила,
Что завтра нечего есть...

Мечтает она о мире светлом,
Где ее сын поступит в школу,
В школу,
Где людям глаза
Открывают на мир.
Черная мать
Баюкает сына
И забывает
О братьях черных,
Которые строят
Дворцы и поселки,
Цементируя их
Своею кровью...

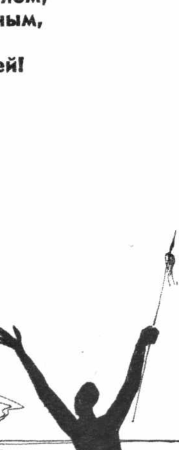
Мечтает она о мире светлом,
Где ее сын пойдет по дороге,
По широкой дороге
Свободных людей.

Черная мать
Баюкает сына
И забывает
О разлучающих реках,
О кнуте,
Раздирающем мясо...

Мечтает она о мире светлом,
Где ее сын будет свободным,
Свободным
В стране свободных людей!

Черная мать
Баюкает сына...
И слышит он
Сквозь сон
Ее голос...

Губы его приоткрываются,
Как будто он
Что-то хочет сказать.
Из-под опущенных век
Катится тихо слеза
На нежные темные щеки...

А мать улыбается...
Мечтает она о мире светлом,
О мире светлом,
Где ее сын сможет жить!

Перевела с португальского
Л. НЕКРАСОВА.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ КОСМОНАВТЫ

Пестрая и Белянка перед полетом в космос.

Рано начинается рабочий день в лаборатории, где собак готовят к полетам в верхние слои атмосферы. В пять часов утра собак выводят на прогулку, кормят и приступают к занятиям. Врач-экспериментатор в белом халате подходит к крайним клеткам и командует:

— Белянка, Пестрая, работать!

Этим собакам предстоял полет в ракете на высоту 450 километров.

До того как попасть в лабораторию, Белянка жила у старушки-пенсионерки. Пестрая же, бездомная, бродячая собачонка, попала в лабораторию прямо с улицы.

Врач - экспериментатор осмотрел вымытых, хорошо накормленных животных. Напуганные непривычной обстановкой, собаки жались друг к другу.

— Раз вы так дружны,— сказал врач,— то мы будем вас готовить для полета в паре.

Собакам сшили специальные костюмы, к которым крепятся проводники приборов, фиксирующих физиологическую деятельность: пульс, дыхание, кровяное давление и т. д. Когда собаки привыкли к этой «одежде», врач-экспериментатор подвел их к кабине для полета в космос.

На полу кабины рядом размещались два металлических лотка. На потолке был укреплен киноаппарат объективом вниз, а также приборы, оборудование.

Животных приучали подолгу спокойно лежать на лотках, не реагировать на шумы. Пестрая после суровой, бездомной жизни чувствовала себя тут на вершине благополучия и «работала» старательно. А избалованная Белянка иногда капризничала. И тогда обычно ласковая, покладистая Пестрая начинала сердиться, зло рычала на подругу.

Когда животные освоились в кабине, тренировку перенесли на ракетодром. Здесь собак приучали к подъему лебедкой в головную часть ракеты.

Белянку и Пеструю ожидали в полете несравненно бо́льшие перегрузки, нежели те, которым подвергались другие собаки, летавшие на высоту 212 километров. Более опасным для животных могло стать и падение вниз головой, когда плотные слои атмосферы резко снизят скорость головной части ракеты, возвращающейся на Землю. Было очевидно, что кровь будет с силой приливать к мозгу, давить на глаза. Человек в таких условиях может крепко зажмуриться, принять защитную позу. А вот как поведут себя животные? Это трудно было предугадать.

27 августа, как известно, ракета достигла высоты 450 километров, и ее пассажирки благополучно возвратились на Землю. Как же это происходило?

...Ясным утром врач-экспериментатор привез Белянку и Пеструю на ракетодром. Перед тем, как надеть на животных костюмы, он дал им по кусочку колбасы. Пестрая, покончив с едой быстрее подруги, проворно встала на задние лапки в надежде получить еще кусочек. Но завтрак закончен...

Когда собак подняли лебедкой на высоту шестого этажа к головной части ракеты, настроение их изменилось. Хоть все и было как прежде, на тренировках, но, видимо, инстинкт предупреждал об опасности. Белянка глядела на своего воспитателя грустными глазами и тоненько скулила, а Пестрая, будто прощаясь, лизала врачу руку.

Прозвучала команда: «Старт!» Нажим кнопки, и вот из хвостовой части ракеты вырывается облако дыма, а за ним огромное багрово-красное пламя. Ракета вздрагивает, покачивается, словно с трудом преодолевая земное тяготение, и отрывается от Земли. С каждой секундой скорость ее нарастает. Через несколько минут ракета исчезает в небесном просторе.

Но инженеры и ученые наблюдали за нею с помощью сильных оптических приборов. Велись наблюдения и за четвероногими космическими путешественниками. На телеметрическом пункте к светящемуся экрану приникли врачи-экспериментаторы. По импульсам световых каналов экрана они видели, что собаки живы, что сердца их бьются, кровь пульсирует.

Позднее о поведении подопытных животных в полете рассказала кинолента. Когда заработали двигатели ракеты, Белянка тревожно оглянулась, подняла морду вверх. Начался полет. Сила ускорения прижала животных к лоткам. Положив морды на вытянутые лапы, они дышали часто, с трудом. Когда же наступило состояние невесомости и провода от приборов стали «плавать» в воздухе, собаки приподнялись, задышали свободно. Белянка с любопытством уставилась в круглый иллюминатор, будто увидела что-то интересное в межзвездных пространствах Вселенной.

Но вот головная часть ракеты отделилась и стала падать на Землю. Для космических путешественниц наступило самое тяжелое испытание. Огромная сила придавила их к лоткам. В глазах животных испуг, они лежат, распластавшись, не в силах пошевелиться.

Когда вступила в действие парашютная система и падение головной части ракеты замедлилось, с ракетодрома поднялся в воздух вертолет. Врачи, ученые, инженеры спешили к месту приземления четвероногих космонавтов. Вот парашют плавно опустил на землю свой груз и, поддуваемый свежим ветром, как огромный парус, потащил его по траве.

Парашют «погасили». Врач-экспериментатор открыл люк герметической кабины и выпустил своих питомиц. Собаки были живы и чувствовали себя, видимо, неплохо. Огромные перегрузки, только что испытанные в полете, потрясли их однако не помешали радоваться возвращению на родную Землю. Пестрая обежала вокруг экспериментатора и улеглась возле него, повиливая хвостом. Белянка, выйдя из кабины, покаталась по траве, легла рядом со своей подругой, тяжело дыша, высунув язык.

Собакам дали по кусочку колбасы, которую они съели с удовольствием. Затем на вертолете их доставили в лабораторию для тщательного медицинского осмотра. Едва врачи закончили свою работу, как Белянка и Пестрая растянулись на полу и крепко заснули. Видно, полет в космос изрядно утомил их.

Сейчас еще в полной мере не изучены те ценные данные, которые удалось получить в результате подъема подопытных животных на высоту 450 километров. Но несомненно, что сделан новый важный шаг к овладению космосом. Недалеко время, когда и человек сможет проникнуть в космическое пространство.

А. ГОЛИКОВ, И. КОСОВ

РОДНОМУ ГОРОДУ

На заседании бюро горкома партии города Горловки на этот раз обсуждались не вопросы добычи угля, строительства шахт. Здесь слушали старшего инженера отдела капитального строительства треста «Горловскуголь» Бориса Владимировича Бородина.

Пожалуй, редкий житель Горловки не знает этого человека. Многие не раз побывали у него дома. Известен он как собиратель картин, а квартира его — своеобразный музей. Всю страсть коллекционера вкладывал Борис Владимирович в любимое дело, и за долгие годы у него создалось богатое собрание картин: тут и полотна известных живописцев—наших современников и работы еще не прославившихся, но талантливых молодых художников.

И вот Бородин решил передать свою коллекцию в дар городу — родной Горловке.

Бюро горкома партии вынесло постановление о создании в Горловке картинной галереи, основу которой составит коллекция Бородина.

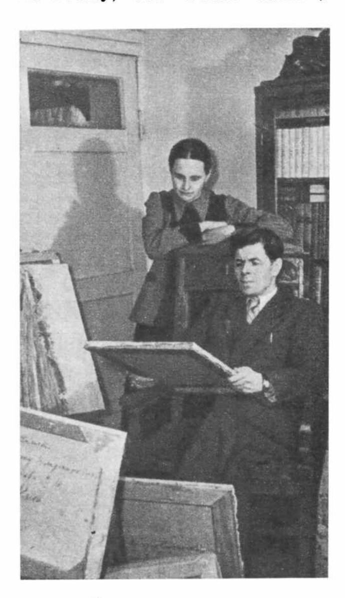
После того, как об этом сообщили газеты, в Горловку на имя Бориса Владимировича стали отовсюду приходить письма, посылки. Вот прибыл холст с надписью на обороте: «Бородину, человеку, искренне и глубоко любящему искусство и художников, от автора. Профессор Константин Иванович Финогенов». Большой пакет; обратный адрес: «Азербайджанская ССР, Баку, Щорса, 29. От Абасова Азиза». В посылке восемь мастерски написанных этюдов. Без письма. Все, мол, само собой понятно, примите для будущей галереи.

Заслуженный деятель искусств Украинской ССР Владимир Николаевич Костецкий дарит «Старика партизана» — выразительную, глубоко психологическую работу. Передают свои произведения Георгий Мелихов, Татьяна Яблонская, Юрий Киянченко, Михаил Дерегус. Этюды о славных наших тружениках вручает коллекционеру Виктор Васильевич Полтавец. Собрание пополняется произведениями художников Москвы, Ленинграда и Киева, Прибалтики, Урала и Закавказья. Украинскому городу передают свои работы, Сергей Герасимов, Александр Лактионов и другие деятели искусства.

Бородину подарили свои произведения такие прославленные мастера, как народный художник СССР Василий Николаевич Бакшеев, академик Игорь Эммануилович Грабарь, лауреат Ленинской премии Сергей Тимофеевич Коненков. Директор Института истории искусств при Академии наук СССР И. Э. Грабарь пишет Борису Владимировичу: «Почти вся советская школа современного изобразительного искусства представлена в Вашем прекрасном собрании».

Более полутораста работ насчитывает собрание горловского инженера.

Еще одним богатством располагает Борис Владимирович. Хранится оно не в багетовых рамах, а в обыкновенных почтовых конвертах. Вот одно из множества писем: «Прочитал о Вас и хочу написать, чтобы высказать то большое чувство радости, которое преисполнило меня. Приятно знать, что есть такие люди, как Вы. По-моему, это очень важно, очень нужно — пропагандировать искусство, агитировать за него. Моя специальность не имеет ничего общего с живописью — я помощник мастера, текстильщик из города Иванова, Кубанская, 37. Ю. Кириллов».

Борис Владимирович с женой Клавдией Владимировной рассматривают новые картины, присланные художниками.

Г. ВОЛЯНСКИЙ

Фото автора.

В гости к Б. В. Бородину приходят, как в картинную галерею.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

НЕ ИЗ НАШЕГО ПОДЪЕЗДА

Швейцар нашего подъезда тетя Даша — женщина строгая. После десяти вечера она никого чужого в дом просто так не пустит. Человек в коричневой шляпе пришел между двенадцатью и часом ночи, поэтому тетя Даша спросила его:

— Вы к кому?

— К Верочке.

— К какой именно?

— К той, у которой муж часто в командировки ездит.

Тетя Даша многозначительно переглянулась с дворником Марусей.

— А фамилию этой Верочки вы знаете?

— Знал и фамилию и отчество, да забыл, не упомнил. Мы познакомились с ней в прошлую субботу на именинах у доцента Балакина. Я даже проводил ее сюда, не то на пятый этаж, не то на седьмой. Да вы знаете ее...

И человек в коричневой шляпе снова повторил единственную из примет, которую запомнил:

— Муж у нее часто в командировки ездит.

А эта примета как раз и не нравилась тете Даше, и она отказалась пустить позднего гостя в дом. Гость начал шуметь, ругаться, апеллировать к дворнику Марусе. И тогда дворник Маруся сказала тете Даше:

— Посмотри в домовую книгу. Может, у гражданина и в самом деле серьезное дело к этой самой Верочке.

В нашем подъезде жили три Веры. Вера Ивановна, Вера Александровна и Вера Израилевна. Все три были замужем. Одна за журналистом, вторая за шахматистом, третья за скрипачом-лауреатом. И все три мужа часто ездили в командировки. Ну, которого из них обидеть, к кому на этаж пустить неурочного гостя?

— А может, ваша Верочка живет вовсе и не в нашем доме? — говорит тетя Даша.

— Как же не в вашем! А «Гастроном» в доме есть?

— Есть.

— Значит, дом тот. Я хорошо помню, прежде чем подняться к ней в квартиру, мы зашли в магазин, купили бутылку вина, закуски...

Тетя Даша делает последнюю попытку спасти честь одного из наших жильцов и говорит:

— Дом, может, и тот, да подъезд не тот!

— А их у вас сколько?

— Пятнадцать!

— О-го-го! — восклицает человек в коричневой шляпе и рысью пускается в новый поиск.

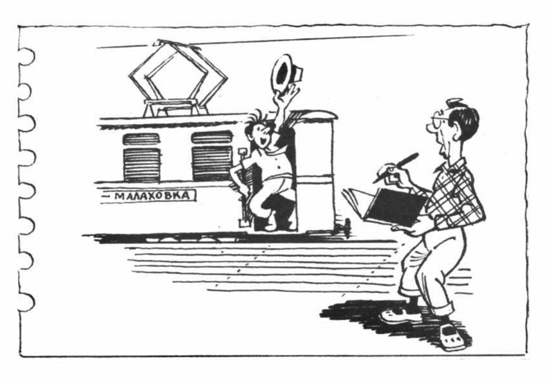
А тетя Даша смотрит вслед человеку и думает: «Ну, конечно, его Верочка не из нашего подъезда. А все наши Веры благонравные и добропорядочные. Даже те, у которых мужья часто ездят в командировки».

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

— У нас чудная дача. Лес, речка, пляж. Приезжайте в гости. Погуляете, подышите, отдохнете.

— Спасибо, приеду. А какой у вас адрес?

— Господи, к чему такие церемонии! Приезжайте запросто. Без адреса.

СЕКРЕТ ДОЛГОЛЕТИЯ

На теннисном корте легко орудовал ракеткой седовласый розовощекий человек.

— Вы знаете, сколько ему? — спросил Алексей Викторович. — Восемьдесят четыре. Что, не верите?

Алексей Викторович улыбнулся и крикнул розовощекому:

— Давид Иванович, вас можно на минутку?

Давид Иванович подошел, представился и подтвердил, что ему действительно восемьдесят четыре.

— Позвольте, а как же врачи? Неужели они разрешают вам быть в такую жару на корте?

— А я к врачам не хожу. Незачем. У меня все в порядке. Сердце, легкие, печень. Давление крови в пределах нормы. Склероза нет. Эмфиземы нет.

— Удивительно! И это в восемьдесят четыре года! Как же вам удалось сохранить в таком идеальном состоянии свое здоровье?

— Это легко сделать каждому. Хотите, научу? Никогда и ничего не принимайте близко к сердцу.

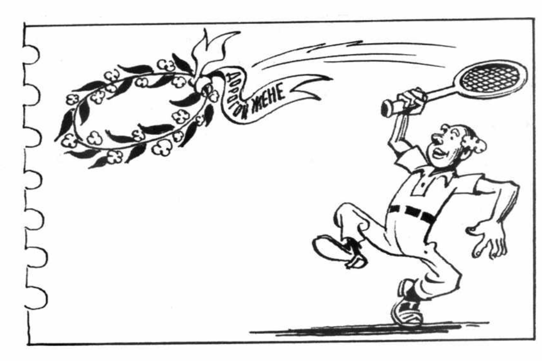
— То есть как ничего? А если вам нагрубит сосед по квартире? Обидит зав на работе?

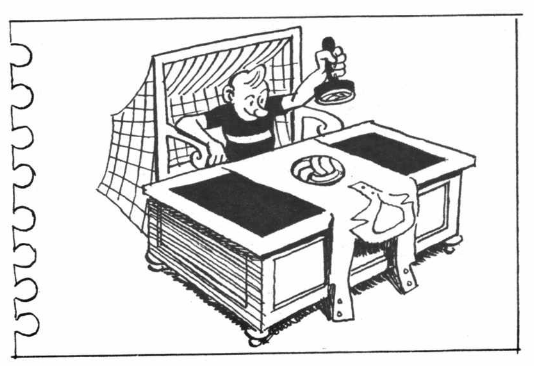
— Когда зав незаслуженно обижает меня, я не отвечаю ему тем же, — сказал Давид Иванович. — Ни в коем случае. Я подхожу к окну и вижу: напротив строится дом. Ходит кран, кладутся кирпичи, растут стены. Сердце мое отходит, успокаивается, и я доброжелательно смотрю в глаза обидчику, дружески улыбаюсь ему.

— А что, если вам изменит жена?

— Молодой человек, не спорьте со стариком, а слушайте его. Те, которые грубят, изменяют, их хватает ненадолго. Я похоронил уже три жены и двенадцать завов, а сам живу, играю в теннис.

И, сделав ракеткой галантный знак судье, Давид Иванович занял свое место на корте.

НЕУДОБНО

— Играть в футбол Лепешкин может?

— Нет.

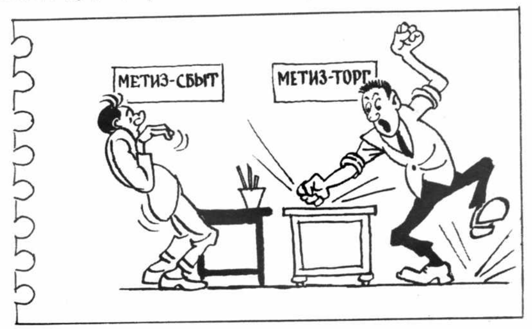
— А заведовать швейной артелью Лепешкин может?

— Нет.

— Придется назначить. Неудобно. Молодым Лепешкин хорошо на левом краю играл.

ТЕМА ФЕЛЬЕТОНА

Научные работники зооинститута прекрасно сдружили лису с зайцем, волка с ягненком, кошку с собакой, а сами между собой беспрестанно грызутся. Пишут один на другого заявления, ходят с жалобами в райком, министерство.

ДВА ДОКУМЕНТА

Из памятки животновода

«Помещения для размещения коров, овец, свиней должны иметь средства пожаротушения и объявления о запрещении курения, чтобы знали последния...»

Из заключения рассеянного врача

«У больной Степановой на рентгенограмме правой голени перелома ключицы не обнаружено

Врач И. Могила».

ТЕПЕРЬ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

— Я ушел из «Метизсбыта» в «Метизторг», — сказал Золотухин. — Я не мог больше оставаться на старом месте. Директор ежедневно кричал на меня, топал ногами.

— Ну, а как теперь?

— Теперь чудно. Все в порядке. Теперь я кричу на директора. Я топаю на него ногами.

ЗАЯВЛЕНИЕ В МИЛИЦИЮ

«Прошу призвать к порядку мою жену Киприянову Е. Т., которая, несмотря на присвоенную мне почетную степень кандидата наук, дважды в неделю бьет меня предметом домашнего обихода, а именно ручкой от мясорубки».

ТРИ ЗАМЕТКИ

— Чего вы сердитесь? — спросила я жалобщика.

— Раздражителей много. Крыша течет. Не чинят. Мастер грубит. Его не наказывают.

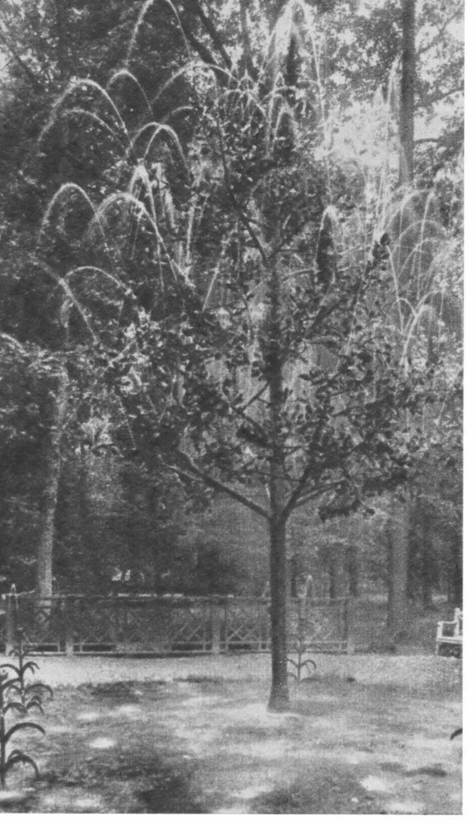
* * *

У каждого человека есть своя характерная черта. Вспыльчивость, влюбчивость, болтливость. У Осипова характерной была приспособляемость. Ко всему. К теме, климату, узким, модным штиблетам. Требовалось всего два дня — и Осипов начинал думать, как Святослав Станиславович.

* * *

Молодожен был на пять лет старше своей тещи и нежно называл ее мамочкой.

«Дубок».

Фото Я. Шеваха.

ДЕРЕВЬЯ-ФОНТАНЫ

Два обыкновенных дерева — елочка и дубок. По внешнему виду они ничем не отличаются от других представителей растительного мира.

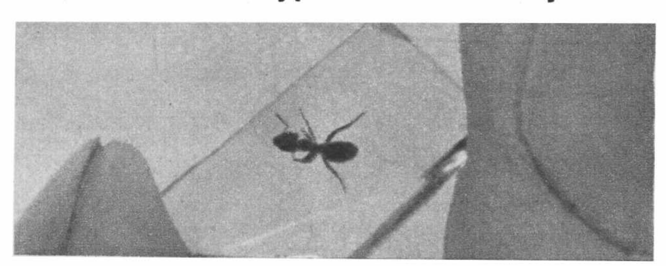
Оба эти дерева сделаны из... металла, и «растут» они в Нижнем парке Петродворца. Фонтан «Елочка» ныне восстановлен. Ствол ее выполнен из газовой трубы, трубки ветвей спаяны из листовой латуни, а хвоя изготовлена из белой жести. Восемь слесарей-фонтанщиков трудились несколько месяцев, чтобы сделать крону этого дерева. Если сложить все иглы елочки в одну нить, то она протянется на 9 километров.

Теми же искусными умельцами возрожден и фонтан «Дубок». Металлический ствол его покрыт свинцом, разделанным под кору. 5 200 дубовых листьев выколочены из красной меди и прикреплены к 500 трубчатым веткам.

Перед искусственными деревцами в серебристых облаках тонких струй всегда подолгу останавливаются посетители Нижнего парка. И не каждому приходит в голову, что деревья-фонтаны сделаны из металла.

М. ФРИДМАН

Муравей из «голубой земли»

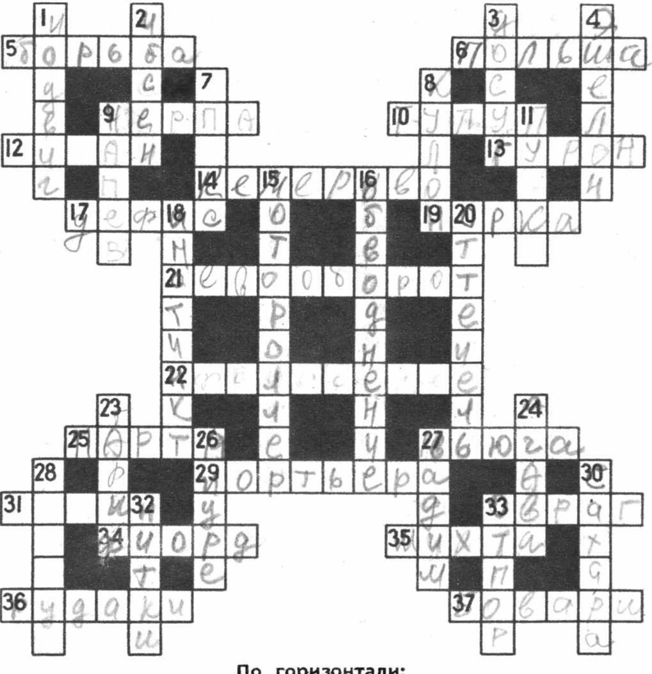
В кусочке янтаря замурован муравей. Он великолепно сохранился, несмотря на весьма древний возраст. Пожалуй, ему несколько десятков миллионов лет. В далекие времена, когда рождались многие наши моря и горы, когда Земля приняла свой нынешний облик, на южном берегу Балтийского моря высились богатые леса, хвойные и лиственные. Густая смола стекала с могучих стволов на землю. И вот произошла простая история с одним из «рабочих» древнейшего муравейника, так прекрасно описанная Ломоносовым:

В тополевой тени гуляя,
муравей
В прилипчивой смоле завяз
ногой своей,
Хотя он у людей был
в жизнь свою презренный,
По смерти, в янтаре, у них
стал драгоценный.

Продолжают приключения завязшего муравьишки землеройные машины. В поселке Янтарный, в сорока километрах от Калининграда, они докапываются до остатков третичного периода, до «голубой земли». На глубине тридцати семи метров ниже уровня моря лежит слой синевато-зеленоватой глины, в которой рассыпаны куски янтаря. В «голубой земле» и нашли рабочие шестиногого пленника.

Е. ВЕЛТИСТОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Вид спорта. 6. Государство народной демократии. 9. Ластоногое животное. 10. Меховая шуба. 12. Спутник планеты Сатурн. 13. Одно из Великих озер Северной Америки. 14. Промышленный центр Кузбасса. 17. Орфографический знак. 19. Пушной зверек. 21. Последовательная смена культур в полеводстве. 22. Форма глагола. 25. Школьный стол. 27. Снежная буря. 29. Занавес из тяжелой материи. 31. Японский живописец и мастер художественных лаков. 33. Глубокая длинная впадина. 34. Морской залив. 35. Смесь материалов для плавки. 36. Родоначальник таджикской литературы. 37. Героиня романа Г. Флобера.

По вертикали:

1. Героический поступок. 2. Норвежский драматург. 3. Свободное время. 4. Железнодорожный состав. 7. Точка небесной сферы, по направлению к которой движется Земля или Солнце. 8. Единица количества электричества. 9. Мелодия. 11. Весы для зерна. 15. Средство передвижения. 16. Искусственное орошение. 18. Врожденная форма поведения животного. 20. Картина Ф. А. Васильева. 23. Система ставок для оплаты. 24. Южное декоративное растение. 26. Река в Венесуэле, приток Ориноко. 27. Произведение М. Ю. Лермонтова. 28. Скользящая деталь механизма. 30. Пустыня в Африке. 32. Тонко крученная пряжа. 33. Решительное действие.

ТАЙНЫ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

Дозорная башня Акинфия Демидова окутана легендами. В них бытуют и «иноземные мастера», якобы построившие Невьянскую башню наклонной, и чеканка фальшивой монеты в потайных подвалах, и пытки над работными людьми...

Обнаружены материалы, подтверждающие достоверность многих из народных легенд. Вот прошение повеленного рабочих Невьянского завода Прокопия Меншакова, написанное в феврале 1825 года: «Управляющий Зыкин в 13 число майя засадил меня при заводе под стражайший караул в такую ужасную полатку под башню, что жизнь моя состояла при самой отчаянности... А товарищ мой Иван Ефимов Уткин прежде времени получил уже смерть безвинно... От нечистоты, сырости, холода, от того тяжелого воздуха в самой почти день умирают люди и валяются тела оных по неделе, яко скоты изгибшие...»

При тщательном изучении башни группа сотрудников Свердловского архивного отдела обнаружила дымоходы, идущие из неисследованной толщи башни, и замурованный ход, который, очевидно, и ведет в тайные «полатки» — подвалы башни. Разведка башни продолжается.

Свердловск. **В. ФЕДОРОВ**

«Рыбы России»

Опубликованная под таким названием в 10-м номере «Огонька» за 1958 год заметка вызвала отклики читателей.

И. П. Соколов из поселка Сява, Горьковской области, пишет: «Я целиком поддерживаю предложение о новом издании замечательного труда Л. П. Сабанеева «Рыбы России». Было бы замечательно, если бы появилась возможность каждому любителю природы, каждому рыболову иметь эту ценную книгу».

Главный ветеринарный врач Валуйского района, Белгородской области, А. Е. Бейнарт сообщает, что ему в свое время за дорогую цену посчастливилось приобрести эту книгу.

«Нас глубоко взволновал этот вопрос, — пишет по поручению группы рыболовов-любителей завода «Текмаш» А. Ф. Кубышкин из Орла. — И действительно, как много пользы дала бы эта увлекательная книга, о которой большинство из нас знает только понаслышке от старых рыболовов, которым когда-то посчастливилось прочитать ее. Мы, рыболовы-спортсмены, были бы рады и очень благодарны тому, кто проявит инициативу в переиздании книги «Рыбы России».

Опытным рыболовам хорошо известно, что авторы пособий в своей работе нередко опираются на книгу Сабанеева. Со времени выхода в свет первого издания Сабанеева уже прошло более восьмидесяти лет, некоторые высказывания автора устарели. Но это не может служить препятствием к выпуску в свет труда, который до сих пор не утерял своей ценности. Но как ни странно, такие издательства, как «Физкультура и спорт» и «Московский рабочий», выпускающие различного рода пособия для рыболовов, до сих пор не заинтересовались переизданием труда Сабанеева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

4. Квартет. 6. «Набоб». 8. Бюро. 9. Агин. 12. Пампа. 14. Комуз. 16. Скриб. 18. Каренина. 19. Ефрейтор. 21. Ладья. 23. Эйлер. 24. Шатёр. 25. Сани. 27. Горн. 28. Груша. 29. Воркута.

По вертикали:

1. Звено. 2. Проблема. 3. Верба. 5. Дюма. 7. Гипс. 10. Бабадаг. 11. Миномёт. 13. Плеть. 14. Каноэ. 15. Зефир. 17. Кайра. 20. «Алёнушка». 22. Ямал. 24. Шурф. 26. «Игрок». 27. Гаити.

На вкладке этого номера: четыре страницы репродукций картин из Серпуховского историко-художественного музея.

Изошутка К. Невлера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05304. Подписано к печати 10/IX 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 898. Заказ № 2012.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Графика

НА ВЫСТАВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ИЗ МУЗЕЕВ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Клод Лоррен. 1600—1682. ПЕЙЗАЖ С МОСТОМ.

Амброзиус Гольбейн. 1494—1518. ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

Теофиль Стейнлен. 1859—1923. НА БУЛЬВАРЕ.

Оноре Домье. 1808—1879. В СУДЕ.

Цена номера 3 руб.